

HISTORIA ROSSICA

studia europaea

РИКАРДА ВУЛЬПИУС

РОЖДЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

КОНЦЕПЦИИ
И ПРАКТИКИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ГОСПОДСТВА
В XVIII ВЕКЕ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Studia Europaea

Рикарда Вульпиус

**Рождение Российской
империи. Концепции и
практики политического
господства в XVIII веке**

«НЛО»

2020

УДК 321(47+57)«17»
ББК 63.3(2)511-3

Вульпиус Р.

Рождение Российской империи. Концепции и практики
политического господства в XVIII веке / Р. Вульпиус — «НЛО»,
2020 — (Studia Europaea)

ISBN 978-5-44-482304-3

После крупной победы над Швецией в Северной войне царь Петр I принял титул «императора». Если до этого страна именовалась Московской Русью, Московским царством, Русской землей или Россией, то отныне она была символически преобразована в «империю». Означало ли это, что произошло некое коренное изменение в развитии страны? И если да, то что именно изменилось? Разве прежде в восприятии государственной элиты еще не существовало империи? И что понимали современники Петра I и его преемники под «империей»? Заложило ли это понимание основы имперского сознания, которое существует и в наши дни? Книга Рикарды Вульпиус исследует XVIII век как поворотный момент в истории страны и показывает, что процесс формирования империи в царской России вовсе не шел по какому-то исключительному «особому» пути. Дискурсы и практики цивилизаторства, аккультурации и ассимиляции, которыми оперировало российское государство, обнаруживают многочисленные параллели с образом мысли и действиями других колониальных империй. Анализируя институт подданства и практику взятия в заложники нехристианских народов Востока и Юга, исследовательница показывает, как существовавшая в России до XVIII века идея ассимиляции соединяется с европейским цивилизаторским дискурсом и приводит к формированию всеобъемлющего имперского самосознания российской элиты. Рикарда Вульпиус – профессор Мюнстерского университета, специалист по истории Восточной Европы.

УДК 321(47+57)«17»
ББК 63.3(2)511-3

ISBN 978-5-44-482304-3

© Вульпиус Р., 2020

© НЛО, 2020

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ	10
УКАЗАТЕЛЬ КАРТ	11
1. ВВЕДЕНИЕ	12
1.1. ТЕМА	12
1.2. ТЕРМИНОЛОГИЯ	19
1.3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ	23
Господство в многонациональном государстве: этническое и географическое многообразие	24
Нерусские этнические группы на Востоке	25
Нерусские этнические группы на юге и юго-востоке	26
Нерусские этнические группы на Северном Кавказе	27
Участники событий и их названия	28
Анализ имперского господства и постколониальные исследования	31
1.4. СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ И ИСТОЧНИКИ	33
1.5. СТРУКТУРА РАБОТЫ	37
2. КОНЦЕПЦИЯ ПОДДАНСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ИМПЕРИИ	39
2.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОДДАНСТВА	41
2.2. КРИТЕРИИ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА	55
2.3. ПОДДАНСТВО, ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА И ИМПЕРИИ	61
От холопства к подданству	63
От подданства к протекции и покровительству	69
2.4. ВЫВОД	73
3. ЗАЛОЖНИЧЕСТВО КАК ИМПЕРСКИЙ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ	75
3.1. ЗАЛОЖНИЧЕСТВО В МИРОВОЙ ИСТОРИИ	76
3.2. МОНГОЛЬСКИЙ ТРАНСФЕР? СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПРАКТИКА ЗАЛОЖНИЧЕСТВА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	80
3.3. СТАНОВЛЕНИЕ ЗАЛОЖНИЧЕСТВА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ	86
Вопрос об истоках	86
Начало московского заложенничества на Северном Кавказе	89
Региональная специфика московского заложенничества	96
3.4. НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В XVIII ВЕКЕ: АМАНАТСТВО И МИССИЯ ЦИВИЛИЗИРОВАНИЯ	101
Заложничество среди казахов	103
Новое веяние Василия Никитича Татищева	105
3.5. АМАНАТСТВО В РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЯХ	108
Через заднюю дверь: введение заложенничества у казахов	108
Борьба за власть: оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев и казахский Абулхаир-хан	111
Ускорение перемен	115

Записка Петра Ивановича Рычкова и Алексея Ивановича Тевкелева 1759 года	116
Новая форма заложничества при Екатерине II	118
Неоправдавшиеся надежды	121
Новый прорыв под руководством Осипа Андреевича Игельстрома	122
Миссия цивилизования на Северном Кавказе	125
Миссия цивилизования в Сибири, на Дальнем Востоке, в северной части Тихого океана и на Аляске	127
Структурная реформа	128
Дальний Восток и северная часть Тихого океана	129
Григорий Иванович Шелихов и заложничество	135
Взятие заложников в XIX веке	140
3.6. ВЫВОД	143
4. КОНЦЕПТЫ И ПРАКТИКИ ЦИВИЛИЗОВАНИЯ И ИНТЕГРАЦИИ	145
4.1. ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ: «ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»	146
Империя и цивилизованность	149
Международное право и «цивилизованность»	150
Совместный труд о Северной войне	152
Политичный	155
Humanitas – людскость	157
Просвещение	163
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Рикарда Вульпиус

Рождение Российской империи.

Концепции и практики политического

господства в XVIII веке

УДК 321(47+57)«17»

ББК 63.3(2)511-3

В88

Редактор проекта Studia Europaea

Д. А. Сдвижков (Германский исторический институт в Москве)

Совместный проект Германского исторического института в Москве и издательства «Новое литературное обозрение»

Перевод с немецкого М. Богданович

Рикарда Вульпиус

Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке / Рикарда Вульпиус. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – (Серия «Studia Europaea»).

После крупной победы над Швецией в Северной войне царь Петр I принял титул «императора». Если до этого страна именовалась Московской Русью, Московским царством, Русской землей или Россией, то отныне она была символически преобразована в «империю». Означало ли это, что произошло некое коренное изменение в развитии страны? И если да, то что именно изменилось? Разве прежде в восприятии государственной элиты еще не существовало империи? И что понимали современники Петра I и его преемники под «империей»? Заложило ли это понимание основы имперского сознания, которое существует и в наши дни? Книга Рикарды Вульпиус исследует XVIII век как поворотный момент в истории страны и показывает, что процесс формирования империи в царской России вовсе не шел по какому-то исключительному «особому» пути. Дискурсы и практики цивилизаторства, аккультурации и ассимиляции, которыми оперировало российское государство, обнаруживают многочисленные параллели с образом мысли и действиями других колониальных империй. Анализируя институт подданства и практику взятия в заложники нехристианских народов Востока и Юга, исследовательница показывает, как существовавшая в России до XVIII века идея ассимиляции соединяется с европейским цивилизаторским дискурсом и приводит к формированию всеобъемлющего имперского самосознания российской элиты. Рикарда Вульпиус – профессор Мюнстерского университета, специалист по истории Восточной Европы.

На обложке: рис. Е. Корнеев, грав. И. Ланитин из кн.: Rechberg, Charles de: Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie: Accompagnée de fig. coloriées, Tome premier, Paris, 1812, S. 7.

ISBN 978-5-4448-2197-6

© Böhlau, ein Imprint der Brill-Gruppe, 2020

© Р. Вульпиус, 2023

© М. М. Богданович, перевод с немецкого, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа является переработанной версией докторской диссертации, которая была представлена в 2018 году на факультет истории и искусствоведения мюнхенского Университета Людвиг-Максимилиана. Многие люди и организации помогли мне на этом пути. Я хотела бы от всего сердца поблагодарить их за руководство, поддержку, советы и подсказки.

Прежде всего я хотела бы поблагодарить профессора доктора Мартина Шульце Весселя, который как научный руководитель моего диссертационного проекта не только предоставил мне необходимую свободу и активно поддерживал меня в реализации проекта, но и всегда внушал мне уверенность в том, что мои многолетние исследования приведут к достойному результату. Моим менторам – профессору д-ру Кристофу Нойману и профессору д-ру Мартину Аусту я обязана ценными указаниями и советами, а также критическими отзывами на окончательный вариант рукописи. Мартин Ауст, многолетний друг и компаньон по научной деятельности, всегда находил время для дискуссии, вдохновляющей меня на новые идеи.

Немецкое научно-исследовательское общество предоставило мне как матери троих детей «персональную ставку с частичной занятостью», создав тем самым роскошные условия для научной работы. Щедрые исследовательские гранты Баварского фонда поддержки равных возможностей и Фонда Герды Хенкель помогли довести обширный проект до конца. Я выражаю мою искреннюю благодарность всем трем учреждениям.

Более десяти лет я могла рассчитывать на помощь сотрудников университетской библиотеки Свободного университета в Берлине, особенно службы межбиблиотечного абонемента, которая снабжала меня материалами из самых отдаленных регионов мира. Я хотела бы поблагодарить Маркуса Бресгота из отдела оцифровки за его умение преодолевать любые проблемы при оцифровке старых иллюстраций.

Незаменимым для проекта был обмен идеями с коллегами. Прежде всего я хотела бы поблагодарить Джона Ледонна и, к сожалению, слишком рано ушедшего Марка Раева, которые не только вдохновили меня на написание данной работы, но чей живой интерес к проекту и критические замечания (изложенные в длинных письмах) задавали на ранних этапах важные векторы работы. Я благодарна Майклу Ходарковскому за плодотворный обмен мнениями, происходивший от Саппоро до Филадельфии; Уилларда Сандерленда я благодарю за чрезвычайно важную беседу в Вашингтоне, а более всех остальных я хотела бы выразить признательность Андреасу Каппелеру, который не только поддерживал меня советами на протяжении десяти лет, но и вычитывал и критически комментировал отдельные главы.

Кроме того, немало важных импульсов придали работе конференции по истории империй, особенно конференция «Азиатская Россия», организованная в Японии Томокико Уямой; конференция по глобализации в XVIII веке на озере Комо под руководством Маттиаса Мидделла; конференция по сравнительной и реляционной истории империи, которую мы организовали в Москве с Мартином Аустом и Алексеем Миллером; посвященная истории понятий конференция Ингрид Ширле, Дениса Сдвижкова и Алексея Миллера в Москве; конференция о пространственных образах, воле к порядку и мобилизации насилия, организованная в Гамбурге Ульрикой Юрайт, и семинар о связи между Просвещением и колониализмом, проведенный Дамьеном Трикуаром в Галле.

Концепция и фрагменты исследования были представлены и стали предметом дискуссии на многочисленных исследовательских коллоквиумах, где высказывались ценные критические замечания, предложения и советы. Я хотела бы поблагодарить руководителей и участников исследовательских коллоквиумов в Центре российских и евразийских исследований имени Дэвиса при Гарвардском университете, в Университете Людвиг-Максимилиана в Мюнхене, в Берлинском университете имени Гумбольдтов, на кафедрах в университетах Билефельда,

Констанца, Тюбингена, Бонна, Фрайбурга, Базеля и Эрлангена, в Гамбургском институте социальных исследований и особенно небольшую, но очень чуткую аудиторию в Ходдздоне – ежегодном месте встреч британской Исследовательской группы XVIII века.

Помимо уже названных лиц, я хотела бы поблагодарить многочисленных коллег и друзей, которые обогатили мой исследовательский проект указаниями на литературу, на определенные источники, в том числе в процессе насыщенных бесед. Вот лишь некоторые из них: Ульрике Вельс, Мартина Винклер, Доминик Гепперт, Керстин С. Йобст, Глеб Казаков, Колум Лекки, Максимилиан Мюллер-Херлин, Денис Сдвижков, Ванесса де Сенаркленс, Райнхард Фрётшнер, Каролина Хассельман, Шарлотта Хенце, Ульрих Хофмайстер, Фритьоф Беньямин Шенк и Зильке Штрикродт. Моим «звездным часом», состоявшимся благодаря Ульрике фон Арним, Анне Дитрих и М. Мюллер-Херлину, стал «Симпозиум друзей» по случаю представления моей докторской диссертации, на котором я имела возможность продемонстрировать результаты исследования юристам, литературоведам, врачам, экономистам и инженерам.

Рукопись диссертации или ее отдельные главы прочли и сделали ценные критические замечания Аксель Вульпиус, Франциска Дэвис, Штефан Иро, Матиас Граф фон Кильмансегг, Екатерина Махотина, М. Мюллер-Херлин, Ш. Хенце, У. Хофмайстер, Ф.Б. Шенк и Дитмар Шорковиц. Моя сестра Карола Вульпиус вычитала диссертацию как корректор. Всем им, кто нашел моей работе место в своей насыщенной профессиональной жизни, я выражаю огромную благодарность.

Я хотела бы поблагодарить редакторов серии *Beiträge zur Geschichte Osteuropas* («Материалы к истории Восточной Европы») за включение моей монографии в издательский план и за ценную критику и выразить особую признательность Ф. Б. Шенку, который не только помог мне найти лаконичное название для работы, но и поддерживал меня по мере своих возможностей последние десять лет на этом нелегком пути. Я благодарна издательству Böhlau Verlag за профессиональную поддержку на завершающих этапах подготовки рукописи, отделу корректуры – за заботу и настойчивость и особенно Фонду Герды Хенкель – за щедрую финансовую поддержку, позволившую напечатать книгу.

Наряду с моими родителями, которые всегда были рядом, и моими тремя детьми, делающими мою жизнь бесконечно счастливой, самую большую благодарность – последнему в списке, но далеко не последнему по значимости – я высказываю моему мужу Матиасу. Без его поддержки, ободрения и любви я, конечно, никогда не смогла бы закончить эту книгу; она посвящена ему.

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ

- ААЕ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук
- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией
- ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею
- КабРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках
- КРО – Казахско-русские отношения
- МипсК – Материалы по истории политического строя Казахстана
- МпиБ – Материалы по истории Башкортостана
- МпиБ АССР – Материалы по истории Башкирской АССР
- МпиК – Материалы по истории Казахской ССР
- ПиБ – Письма и бумаги Петра Великого
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи, серия 1
- ПСПр – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- РДагО – Русско-дагестанские отношения
- РМонГО – Русско-монгольские отношения
- РТуркО – Русско-туркменские отношения
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
- СИРИО – Сборник императорского Русского исторического общества
- FOG – Forschungen zur osteuropäischen Geschichte
- JbfGO – Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas
- MERSH – Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History

УКАЗАТЕЛЬ КАРТ

Рис. 2. Терская крепость на реке Терек между Черным и Каспийским морями, расположенная между территориями кумыков и кабардинцев на Северном Кавказе, XVIII век

Рис. 7. Северная часть Тихого океана с Камчаткой и Русской Америкой, включая прибрежные острова Аляски – Алеутские острова и остров Кадьяк, главную базу Григория Ивановича Шелихова. Карта Билла Нельсона

Рис. 13. Окружение Транскамской и Оренбургской укрепленными линиями башкирских поселений. 1736–1743

Рис. 14. Оренбургская укрепленная линия (от Каспийского моря до Алтайских гор) отделяет калмыков и башкир от территорий летнего расселения казахских Младшего, Среднего и Старшего жузов. Вторая половина XVIII века

Рис. 18. Буковская Орда на «внутренней стороне», Младший, Средний и Старший казахские жузы на «внешней стороне». Центральная Азия в XIX веке

Рис. 19. Кавказские линии XVIII века и российская южная граница 1829 года

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. ТЕМА

После крупной победы над Швецией в Северной войне царю Петру I был присвоен титул «императора». Если до этого страна именовалась Московской Русью, царством или государством, Русской землей или Россией, то отныне она была на уровне понятия преобразована современниками событий в «империю». Означало ли это, что произошло некое коренное изменение? И если да, то что именно изменилось? Разве прежде в восприятии государственной элиты еще не существовало империи? И что понимали современники Петра I и его преемники под империей? Заложило ли это понимание основы имперского сознания, которое продолжает оказывать влияние в России и в наши дни?

Историк Райнхарт Козеллек предложил различать понятия, происходящие из источников, и понятия, применяемые в историческом анализе. Если взглянуть с данной точки зрения на термин «империя» как на категорию аналитического познания и задаться вопросом – с точки зрения *современного* понимания империи – о возникновении Российской империи как многонациональной державы, то точкой отсчета считается завоевание Великим княжеством Московским обоих крайних западных оплотов Золотой Орды, а именно Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств¹. В действительности на севере страны в состав княжества уже раньше были включены нерусскоговорящие и неправославные этнические группы. Но в случае с ордынскими ханствами речь впервые шла о включении суверенных государств с династической легитимностью власти и чужеродной высокоразвитой культурой, жители которых придерживались нехристианской религии, а именно ислама, и имели сравнимую с русскими дифференцированную социальную структуру².

Уважение, с которым русская сторона относилась ко всем трем ханствам Золотой Орды – Казанскому, Астраханскому и завоеванному в XVII веке Сибирскому, – выражалось в том числе в том, что в русских источниках они всегда именовались царствами. Когда Великое княжество Московское выиграло битву за господство над ханствами, московские государи стали претендовать на то, чтобы прибавить к своей титулатуре соответственно титул «Царь Казанский, Астраханский и Сибирский». В то время как титул «Царь и Великий Князь всея Руси» с 1721 года был официально изменен на «Император Всероссийский», три татарских царских титула сохранялись до конца существования империи, то есть до февраля 1917 года (все дореволюционные даты, касающиеся российского государства, в книге приводятся по юлианскому календарю). Они недвусмысленно выражали притязание на то, что Московское государство унаследовало власть над этими государствами от Орды – державы, под властью которой русские сами находились на протяжении более двухсот лет³.

¹ Kanneler. Россия – многонациональная империя. С. 17; Hosking. Russia. P. 3 f. – Подробно об определении термина «империя» см. ниже (гл. 1.2).

² Kanneler. Россия – многонациональная империя. С. 17; Kappeler. Vom Moskauer Fürstentum. S. 157 – 178. – В своих недавно вышедших обзорных работах по истории Российской империи Нэнси Коллманн, Валери Кивельсон и Рональд Григор Суни также усматривают в завоеваниях 1552 года начало качественно нового этапа имперской истории Московии. При этом, однако, они подчеркивают, что насильственная экспансия Московского княжества уже имела имперские черты. Господство над неславянскими и нехристианскими подданными началось еще около 1450 года. Kollmann. The Russian Empire. P. 41, 55; Kivelson, Suny. Russia's Empires. P. 54, 61 – 62.

³ Kanneler. Формирование Российской империи. С. 94 – 112; Szeftel. The Title of the Muscovite Monarch. P. 59 – 81; De Madariaga. Tsar into Emperor. P. 351 – 381; Успенский. Царь и император; Солодкин. О принятии Борисом Годуновым титула Сибирского царя. С. 55 – 57.

Однако несмотря на очевидные признаки того, что падением старой империи воспользовались для создания новой, в источниках конца XVI и XVII веков все еще обнаруживается недостаточно свидетельств того, что цари и их правящая элита осознавали себя правителями империи – империи, которую можно разделить на различные периферии, каждая из которых включала свои этнические группы⁴. Новое царство не могло или не стремилось говорить на имперском языке. Скорее политика базировалась (с незначительными, но немаловажными исключениями, которые еще будут рассмотрены в данной работе), как и прежде, на принципах патримониального государства, на принципе *вотчины*, которые определяли политические отношения между государем и его подданными в период раздробленности русских княжеств⁵. Согласно этим принципам, все подданные были в целом равны между собой по отношению к государю: не существовало принципиальной разницы между русскими и нерусскими, православными и неправославными землями⁶.

С завоеванием Сибири до границы с Китаем и с поглощением, помимо Казанского и Астраханского ханств, левобережной Украины, возникло обширное властное образование в виде многочисленных разнообразных этнических групп, конфессий и полунезависимых политических субъектов – *де-факто империя*⁷. Однако поскольку Московское государство продолжало в основном придерживаться патримониального дискурса, Александр Филюшкин предложил ввести для обозначения этой фазы понятие *неонатальная империя*, «империя-младенец»⁸.

Только в этом контексте становится понятно то значение, которое, как я намереваюсь показать в своем исследовании, имел XVIII век в развитии российского царства: это столетие, в котором разрыв между империей как категорией аналитического познания и категорией, происходящей из источников, исчезает. В этот период, обрамленный царствованиями Петра I и Екатерины II, произошли глубокие изменения в традиционном мышлении и практике российской элиты благодаря принятию изначально дихотомической концепции цивилизации и варварства из «Западной Европы»⁹. Эти перемены привели к формированию всеобъемлющего имперского самосознания, что, соответственно, позволяет говорить о рождении Российской империи в применении именно к XVIII веку¹⁰.

Эти изменения выразились – согласно центральным тезисам данной работы – во-первых, в том, что Петр I и его окружение, приняв парадигму цивилизованности, инициировали дискурс цивилизаторской миссии в отношении нехристианских этнических групп на юге и востоке, в котором роль образца играло собственное русское и аккультурированное россий-

⁴ Raeff. Patterns of Russian Imperial Policy. P. 157; Kollmann. The Russian Empire. P. 55. – Исключение представляет завещание Ивана III 1503–1504 годов: среди подданных Великого князя прямо упоминаются многочисленные нерусские этнические группы – мордва, черемисы, остяки, вогулы. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 356 и далее; Kappeler. Ethnische Minderheiten im Alten Russland. S. 135.

⁵ Филюшкин. Проблема генезиса Российской империи; Каменский. Подданство, лояльность, патриотизм; Vodoff. Contribution à l'histoire du vocabulaire politique.

⁶ Однако это не исключало возможности предоставления различным этническим группам неотъемлемых прав на определенные земли в соответствии с Уложением 1649 года. Уложение, гл. 16, ст. 13 – 14 // ПСЗРИ. Т. 1. № 1 (29.01.1649). С. 1 – 161, здесь с. 76; Kivelson. Claiming Siberia. P. 30; Idem. Cartographies of Tsardom. P. 202 – 203.

⁷ Выражение *де-факто империя* применяет Kollmann. The Russian Empire. P. 41.

⁸ Филюшкин. Проблема генезиса Российской империи. С. 379. – Джейн Бурбанк и Фредерик Купер говорят о «патримониальной империи». Burbank, Cooper. Imperien der Weltgeschichte. S. 252.

⁹ Помещение понятия «Западная Европа» в кавычки указывает на то, что подобные географические объединения являются конструктами. Со второй половины XVIII века была «изобретена» «Западная» Европа – с положительной коннотацией – и, соответственно, «Восточная Европа» и «Россия», которая все больше причислялась к последней и, таким образом, в сознании людей исключалась из «Западной» Европы. Wolf. Inventing Eastern Europe; Klug. «Europa und europäisch» im russischen Denken; Kappeler. Russland und Europa – Russland in Europa.

¹⁰ Жан-Поль Гишар назвал вышедшую в 2018 году книгу «L'Émergence de l'Empire Russe. L'Europe byzantine jusqu'à Catherine II» («Возникновение Российской империи. Византийская Европа до Екатерины II»), в которой, однако речь идет о внешнеполитическом развитии царства на протяжении четырех веков и, в частности, о территориальных завоеваниях на Западе.

ское население, включая крестьян, а также в том, что, независимо от этого процесса, Петр I начал дискурс самоцивилизации¹¹. Во-вторых, речь шла не просто о дискурсе: эти изменения, начатые Петром I, ставшие более интенсивными при императрицах Анне Иоанновне и Елизавете Петровне и лишь постепенно усиливавшиеся при Екатерине II, отразились и в *политике* «цивилизации». В-третьих, в контексте русской традиции государственного строительства эта «политика цивилизации» означала начало реализации многообразных стратегий по изменению нехристианских этнических групп с целью их «слияния» с титульным народом или, по крайней мере, максимально возможного сближения с ним. В процессе реализации намерений аккультурации и частичной ассимиляции произошла до некоторой степени трансформация имперского мышления и имперских практик в сторону господства колониального характера. В свете всего вышесказанного в работе выдвигается аргумент в пользу того – и это в-четвертых, – что российское владычество уже в XVIII веке, пусть и с временными и географическими ограничениями, может стать предметом компаративистских исследований колониализма¹². И в-пятых, работа определяет российскую рецепцию отдельных нарративов Просвещения как движущую силу перехода к колониальной политике. Таким образом, данный анализ призван способствовать включению Российской империи, с точки зрения историков, в глобальное исследование такой спорной темы, как взаимосвязь между колониализмом и Просвещением¹³.

Высказывая вышеназванные тезисы, я по нескольким аспектам занимаю позиции, противоречащие тем, которые встречаются в работах других авторов, или призываю к модификации представляемых ими точек зрения.

Во-первых, цель состоит в том, чтобы внести вклад в дискуссию о периодизации и опровергнуть сложившиеся в последнее время представления, согласно которым петровский период не рассматривается как значимый поворотный пункт в истории Российской империи. В два последних десятилетия рядом историков были приведены веские аргументы в пользу отказа от прежней классификации, согласно которой раннее Новое время завершилось с Петровской эпохой и с провозглашением Петра «императором» российского государства, и замены ее описанием периода относительной преемственности приблизительно от 1500 до 1800 года¹⁴. Традиционная периодизация, в центре которой находился Петр I, была ориентирована исключительно на центр, не уделяя равного внимания провинции; учитывала только элиту, игнорируя широкие массы населения; и отражала влияние тезиса о масштабной секуляризации, хотя де-факто религиозные верования и практики по-прежнему сохраняли большое значение. Брачная политика правящих династий Рюриковичей и Романовых также обнаруживает единую линию развития с 1495 по 1797 год, поскольку только в этот период, за редким исключением, невесты для царей выбирались не за границей, а из собственных служилых людей.

¹¹ Вопрос о том, что понимали под терминами «цивизованность» и «цивилизация» сами участники событий, рассматривается в отдельных главах, подглаве 4.1 и в заключении. – Обозначение «нехристианские народы на юге и востоке царства» происходит не из источников и включает множество гетерогенных этнических групп. Данное обозначение служит исключительно для того, чтобы провести принципиальное различие между политикой в отношении присоединенных или завоеванных христианских народов «на севере и западе» и в отношении нехристианских народов «на юге и востоке». Более детально об этнических группах на юге и востоке см. ниже (гл. 1.3).

¹² В международных исследованиях колониализма до настоящего времени Московскому царству уделялось недостаточно внимания. *Eckert. Kolonialismus; Reinhard. Kleine Geschichte des Kolonialismus*. – Уже в 1976 году Урс Биттерли сетовал, что западные историки охотно забывают, «что история России также знала периоды колониальной экспансии». *Bitterli. Die «Wilden» und die «Zivilisierten»*. S. 59. Среди других авторов, призывающих к включению Российской империи в общее исследование колониализма: *Jobst. Orientalism; Idem. Where the Orient Ends?; Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier; Idem. Colonial Frontiers in Eighteenth-Century Russia*; Джон Дарвин характеризует Россию начиная с XVIII века как «исполинского колонизатора» («colossal colonialist»). *Darwin. After Tamerlane*. P. 119.

¹³ Первые подходы к этому вопросу см.: *Vulpus. Civilizing Strategies*. – Дебаты о сложных взаимоотношениях между Просвещением и колониализмом начала почти пятьдесят лет назад Дюше: *Duchet. Anthropologie et Histoire*. Особенно в гл. 18. Краткий обзор этой дискуссии до настоящего времени: *Tricoire. Introduction*. P. 2–5.

¹⁴ *Waugh. We have never been modern; Kollmann. The Russian Empire*. P. 6; *Ostrowski. The End of Muscovy*.

Следовательно, только с изменением процедуры царем Павлом I удалось, по мнению этих историков, существенно ограничить борьбу за власть и влияние между высокопоставленными семьями¹⁵.

Однако главный аргумент, выдвигаемый в поддержку тезиса о преемственности, заключается в том, что при ближайшем рассмотрении все до настоящего времени приписываемые Петру I нововведения были осуществлены уже в XVII веке, а значит, до него¹⁶. К числу таких нововведений относится и отделение государства от личности царя, и появление представления о «Западе» как о «Другом», которое в будущем сформирует русскую национальную идентичность¹⁷. Масштабы петровской экспансии, по мнению сторонников этой точки зрения, тоже не выдерживают сравнения с размахом более ранних экспансий¹⁸. Однако, для данного исследования самым существенным является утверждение, что в отношении категории «империя» в XVIII веке не происходило никаких значительных коренных изменений по сравнению с развитием предыдущих столетий¹⁹: лишь самое раннее в конце XVIII века, если вообще не в конце XIX, российская элита стала воспринимать свое государство как империю. Взгляд, согласно которому лишь в XIX веке сформировалась имперская политика, направленная на изменение образа жизни и стиля правления инкорпорированных нехристианских этнических групп, нашел приверженцев как среди историков раннего Нового времени, так и среди историков Нового времени²⁰.

В свете этой дискуссии особенно важной представляется задача: выявить характер изменений имперской политики в XVIII веке и, в частности, в эпоху Петра I как поворотного момента истории империи²¹. На примере истории империи должно быть в то же время показано, что при создании периодизации более продуктивно основываться на отдельных областях политики, чем отрицать с помощью обобщающих утверждений возможность одновременности неодновременного. Эта дискуссия заставляет и в предлагаемой вниманию читателя работе постоянно уделять значительное внимание вопросу о том, в какой степени конкретные имперские концепции и практики правления российской элиты XVIII века продолжали следовать давно известному или внедряли новое.

Во-вторых, работа оспаривает точку зрения, согласно которой дискурс цивилизаторской миссии Петра I, шедший рука об руку с европеизацией и «вестернизацией», а также усилия первого российского императора по разработке и проведению «политики цивилизования» одинаково охватывали все его государство. Согласно этому мнению, в XVIII веке не существовало разницы между самоцивилизированием и цивилизованием других; скорее и то и другое основывалось на одном и том же дискурсе²². Эта точка зрения скрывает, однако, от наших глаз тот факт, что принятие парадигмы цивилизованности сподвигло российскую имперскую элиту не только присвоить чужие территории господства и культурные области, но прежде всего попытаться изменить их в соответствии со стандартами образа жизни русского или рос-

¹⁵ Martin. The Petrine Divide and the Periodization.

¹⁶ Troebst. Schwellenjahr 1667?; Plokhy. The Origins of the Slavic Nations. P. 296.

¹⁷ Данные аспекты Вера Тольц в свое время выделила в качестве достижений Петра I. Tolz. Russia. P. 42–43.

¹⁸ Ostrowski. The End of Muscovy. P. 430–431.

¹⁹ LeDonne. Building an Infrastructure of Empire; Ostrowski. The End of Muscovy. P. 431. – Илья Герасимов считает, что движение в направлении решительной имперской политики началось самое раннее с Екатерины II. Gerasimov. The Great Imperial Revolution. P. 33.

²⁰ Ср., помимо Островского, также: Kollmann. Comment: Divides and Ends. P. 324, и Baberowski. Auf der Suche nach Eindeutigkeit. S. 487–488.

²¹ Джеймс Кракraft, хотя и рассматривал Петровскую эпоху как выдающийся и революционный прорыв в русской истории, почти полностью оставил без внимания сферу имперской политики. Cracraft. The Revolution of Peter the Great; Idem. The Petrine Revolution in Russian Culture; Idem. Empire versus Nation.

²² Baberowski. Auf der Suche nach Eindeutigkeit. S. 487, 495; Hildermeier. Geschichte Russlands. S. 549–557; Osterhammel. The Great Work of Uplifting Mankind. P. 392–395.

сийского аккультурированного населения «метрополии». Наблюдатель, не делающий различий между самоцивилизированием и цивилизованием других, рискует впасть в апологию унитарного государства, восходящую к традиции национальной историографии русских историков XIX века. Кроме того, русская/российская цивилизаторская миссия XIX века (по поводу которой царит всеобщий консенсус) лишается своего периода становления и важной предис-
тории²³.

В-третьих, ставятся под сомнение представления об отношениях между империей и воображаемой «нацией» в Российской империи XVIII века. Оспаривается также точка зрения, согласно которой внутри российского государства тогда еще не проводилось концептуального различия между группами, воспринимаемыми как этнически однородные (*нация*), и нацией как населением империи в целом, охватывающим всех жителей государства, и они еще рассматривались как синонимы²⁴. Отвергается мнение, будто в течение XVIII века в сознании российской элиты утвердилось нагруженное оценочными суждениями представление о географическом разделении страны на европейскую и азиатскую части, где последняя приняла образ колониального «Другого»²⁵. Напротив, как показывает настоящая работа, российская элита XVIII века была очень хорошо осведомлена о различиях между нацией как государствообразующим народом, в котором преобладали русские, и жителями нерусских окраин, между российским подданством (принадлежностью к империи) и нерусской «национальной принадлежностью» в смысле принадлежности к одной из этнических групп (*наций*), живущих внутри империи²⁶. В то же время разработанные ею (элитой) концепции и практики господства в отношении нерусских этнических групп на юге и востоке были направлены не на создание географически зафиксированного колониального оппонента. Колониальный подход ее политики был обусловлен не *географической* локализацией колонии, а предположением о собственном цивилизационном превосходстве над нехристианскими этническими группами, чей образ жизни должен был трансформироваться в соответствии с интересами метрополии.

Долгосрочной целью данной трансформации, как показано в работе, было, с одной стороны, преодоление ощущаемого дефицита цивилизованности, а с другой стороны, слияние различных этнических групп с русским или российским аккультурированным населением, составляющим большинство, и в результате объединение пространства империи с пространством находящегося под русским влиянием унитарного государства²⁷. Анализируя активную россий-

²³ Об идее русской/российской цивилизаторской миссии в XIX веке см.: *Bassin*. Imperial Visions; *Hofmeister*. Die Bürde des Weißen Zaren.

²⁴ А. И. Миллер рассматривает понятие *нация* применительно к XVIII веку исключительно в значении «народ», «дворянская корпорация» и как синоним суверенного государства. *Миллер*. История понятия *нация* в России. С. 9–11; *Он же*. Империя Романовых и национализм. С. 314; *Он же*. *Нация*. С. 41–43.

²⁵ *Бассин*. Россия между Европой и Азией. Утверждение Басина о том, что в XVIII веке сложился образ русской метрополии к западу от Урала и «азиатской колонии» в Сибири, не убедительно. В главном источнике Басина – трудах историка и географа В. Н. Татищева – единственной причиной определения границы Европы и Азии на Урале является указание на разницу во флоре и фауне по обе стороны от гор. Цивилизационного различия между Европой и Азией Татищев не проводит. *Татищев*. Избранные труды по географии России. С. 112, 114–115, 130–132. – Вера Тольц и У. Сандерленд уже указывали на то, что мнение о существовании «метрополии» и «колонии» в российском государстве XVIII века не смогло укорениться. *Tolz*. Russia. P. 155–161; *Sunderland*. Imperial Space. P. 55.

²⁶ Понятием *нация* российская элита обозначала любую этнически однородную группу *внутри* Российской империи. В административной записке за 1759 год говорится: «но какой бы нации и веры ни был <...> только бы был российской подданной». См.: Представление генерал-майора А. Тевкелева и колл. советника П. Рычкова Коллегии ин. дел о положении в Малом и Среднем жузах // КРО. Т. 1. № 225 (22.01.1759). С. 571–591, здесь с. 573. – Другие примеры: Грамота имп. Анны на имя хана Большого жуза Жулбарга о принятии его в российское подданство // КРО. Т. 1. № 66 (19.09.1738). С. 129; Из журнальной записи беседы хана Нурали и султана Айчувака с оренбургским губернатором Д. Волковым во время приезда хана в г. Оренбург // КРО. Т. 1. № 256 (09.10.1763). С. 652–659, здесь с. 654.

²⁷ Таким образом, результаты данной работы поддерживают аргументацию У. Сандерленда, утверждающего, что устойчивое концептуальное наложение воображаемого имперского и национального пространств российской державы возникло в XVIII веке. Лишь в XIX веке некоторые ученые и политики начали высказывать сожаление по поводу этой симбиотической связи между национальной территорией и империей и склоняться в пользу других концепций. *Sunderland*. Imperial Space. P.

скую политику аккультурирования и отчасти даже ассимиляции, автор, таким образом, приводит доводы в пользу модификации существовавшего до сих пор предположения об истоках первых стратегий и практик русификации по отношению к нерусскому населению на юге и востоке страны²⁸.

В-четвертых, положение данной работы, согласно которому определенные фазы российского господства в плане его политики по отношению к некоторым периферийным территориям в XVIII веке следует характеризовать как колониальные, ставит под сомнение одновременно три противоречащие друг другу точки зрения, высказанные в научной литературе. Согласно одной из них, уже Московское государство вело колониальную политику в широком смысле; в соответствии с другим мнением, о колониализме можно вести речь только по отношению к XIX веку; представители третьей точки зрения высказывают сомнение, проводила ли вообще Российская империя когда-либо колониальную политику, сравнимую с политикой западноевропейских держав, и если да, то в какой степени²⁹. В противовес указанным мнениям данная работа поддерживает тезис о том, что русское царское правительство уже с XVIII века периодически осуществляло колониальное правление (определение данного термина раскрыто в следующем параграфе), тогда как в предшествующем столетии отсутствовали как сознание собственного цивилизационного превосходства (имеющее фундаментальное значение для дефиниции колониального господства), так и воля к настойчивому преобразованию образа жизни коренных народов³⁰. Оба этих фактора имели решающее значение для формирования внешнего управления нерусскими этническими группами в XVIII веке.

Наконец, *в-пятых*, задача данной работы состоит в том, чтобы модифицировать существовавший до сих пор анализ того, как были адаптированы в Российской империи идеи Просвещения. То, что отныне отношения с Западной Европой стояли на повестке дня российской элиты, стало не единственным значимым результатом рецепции идей Просвещения³¹. Данная работа расширяет поле зрения и направляет взгляд на то, каким образом рецепция избранных идейных направлений Просвещения воздействовала на имперскую политику российского

33–66.

²⁸ В недавно вышедшей книге, посвященной русификации, XVIII век преимущественно игнорировался. Gasimov (Hg.). Kampf um Wort und Schrift. – Характер целенаправленного процесса аккультурирования или ассимиляции, который источники уже в начале XVIII века подают как «русифицирование» (*обрусение*), детально рассмотрен в отдельных главах как сквозная тема. В заключении собраны результаты с учетом дискуссии исследователей о понятии «русификация». – «Аккультурация» (результат) и «аккультурирование» (процесс) происходят от латинского *ad* и *cultura* и обозначают исключительно введение в (другую) культуру. Эти понятия необходимо отличать от подразумевающих гораздо более глобальную цель понятий «ассимиляция» и «ассимилирование», происходящих от латинского *assimilatio* и подразумевающих достижение сродства, полного уподобления или растворения в иной культуре. Brockhaus Enzyklopädie. Bd. 1. S. 403; Bd. 2. S. 545; Bitterli. Die «Wilden» und die «Zivilisierten». S. 161–167.

²⁹ Точку зрения, согласно которой уже Московское царство в широком смысле вело колониальную политику, поддерживает в том числе Rywkin. Russian Central Colonial Administration; Дитрих Гайер говорит применительно к XIX веку о «внутригосударственной колониальной системе», применительно к предшествующему времени вообще – о «колониальных отношениях господства»; Geyer. Der russische Imperialismus. S. 14, 239 f.; Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier; Akimov. Les voivodes sibériens; Он же. Северная Америка и Сибирь; Kivelson. Cartographies of Tsardom. – О колониальном характере действий российского государства с XIX века пишет: Kolarz. La Russie et ses colonies; Galuzo. Das Kolonialsystem des russischen Imperialismus; Raeff. Un empire comme les autres?; Baberowski. Auf der Suche nach Eindeutigkeit. S. 486 f.; Idem. Rußland und die Sowjetunion. S. 197, 199; Martin. Law and Custom in the Steppe; Kappeler. Russlands zentralasiatische Kolonien. S. 140; Luehrmann. Alutiq Villages under Russian and U. S. Rule; Cooper. Colonialism in Question. P. 60; Happel. Nomadische Lebenswelten und zarische Politik. S. 28 f. – О дискуссии о том, почему в Российской империи в XIX веке не существовало «колониального ведомства», см.: Sunderland. The Ministry of Asiatic Russia; Ремнев. Российская власть в Сибири. – Мнение, что в принципе сомнительно, что российское государство может быть названо колониальным, разделяют среди прочих Wesseling. The European Colonial Empires 1815–1919; Трепавлов. Империя как сообщество народов. С. 125. – Кроме того, многие авторы отстаивают точку зрения, что элементы колониального правления можно обнаружить пусть и не в Петровскую эпоху, но уже к концу XVIII века: Brower. Turkestan and the Fate of Russian Empire. P. 14; Stolberg. Der Mond ist kein Kochtopf. S. 17–18.

³⁰ М. Ходарковский обращается к той же теме с иным результатом и не делает различия между имперской и колониальной фазами правления российского государства в раннее Новое время. Khodarkovsky. Between Europe and Asia.

³¹ Hildermeier. Traditionen «aufgeklärter» Politik.

государства. При этом понятие Просвещения, несмотря на весьма позитивные коннотации его возникновения, не будет рассматриваться само по себе ни как позитивное, ни как негативное явление³². Кроме того, не входит в задачи данной работы выносить суждение о том, придерживаются ли отдельные представители Просвещения колониалистской или антиколониалистской точки зрения³³. К тому же Просвещение понимается здесь не как некая монолитная концепция³⁴. Скорее оно рассматривается как собрание *нарративов*, которые по сути объединены новым, саморефлексивным пониманием исторического значения и самобытности Европы, в основе которого лежит идея прогресса³⁵.

Таким образом, не вдаваясь в философские и литературоведческие изыскания, посвященные авторам Просвещения, данное исследование сосредотачивается на вопросах о том, в какой степени акторы перенимали отдельные нарративы Просвещения и какую политику они проводили с их помощью. Тогда оказывается очевидным не только *то*, что такие концепты, как цивилизация и стадияльная теория развития, то есть позиционирование человечества на различных ступенях «цивилизационной лестницы», устойчиво формировали имперское правление в российской державе. Прежде всего становится ясно, *как* эти концепты, далекие от «башни из слоновой кости» философских дебатов, использовались российской элитой, чтобы легитимировать свою отчасти колониальную политику или же чтобы установить ее пределы. Именно этот аспект *взаимосвязи* философской мысли с политической историей является при прояснении отношений Просвещения и колониализма зоной, еще ждущей своего исследования. До настоящего времени в данной дискуссии принимали участие преимущественно литературоведы и философы и в наименьшей степени – историки колониализма³⁶.

³² О позитивной коннотации характера «Просвещения» или французского термина *Siècle des Lumières*: Mortier. «Lumière» et «Lumière». P. 13–59. – Наиболее известная критика Просвещения пришлась на XX век: Хоркхаймер, Адорно. Дialeктика Просвещения.

³³ На *стороне критиков* находятся философы постмодернизма, которые отождествляют претензии Просвещения на прогресс с проектом, который заключался в «гомогенизирующем и тоталитарном дискурсе», «абстрактной и империалистической фикции» и в воле к принятию мер против многообразия мира. Gray. After the New Liberalism. P. 120–124; Ghachem. Montesquieu in the Caribbean. P. 7; MacIntyre. Der Verlust der Tugend; Wokler. Projecting the Enlightenment. P. 108–128. – Тенденцию философии Просвещения к исключению других культур и в этом смысле к формированию основ современного колониализма усматривают: Spivak. A Critique of Postcolonial Reason; Metha. Liberal Strategies of Exclusion. P. 59–86; Idem. Liberalism and Empire; Hulme. The spontaneous hand of nature. P. 16–34. – Другие полагают, что расизм является неотъемлемой частью философии Просвещения. Eze. Race and the Enlightenment. – Границы борьбы Просвещения с рабством подчеркиваются в работе Sala-Molins. Les Misères des Lumières. – *Сторона защиты* ссылается на критику колониализма, исходящую именно от самих философов Просвещения. Muthu. Enlightenment against Empire. – Юрген Остерхаммель не признает, что философы XVIII века смотрели на мир сквозь какие-то «колониальные очки»; он считает, что европейские сочинения об Азии только с 1800 года приобрели империалистический характер. Osterhammel. Die Entzauberung Asiens. S. 67. – Другие авторы придают большое значение разграничению между умеренным и радикальным Просвещением. Лишь последнее, по их мнению, заложило идеальные основы современных демократий. Israel. Radical Enlightenment; Idem. Enlightenment Contested; Idem. Democratic Enlightenment; Knott, Taylor. General Introduction. P. XV–XXI. – Актуальное полемическое сочинение по поводу этой дискуссии: Tricoire, Pečar. Falsche Freunde. Краткое обобщение дискуссии: Tricoire. Introduction. P. 1–5; а также Carey, Festa. Introduction.

³⁴ Это одно из самых важных обвинений, выдвинутых против критиков взглядов «Просвещения вообще». Carey, Festa. Introduction. P. 5–6; Conrad. Enlightenment in Global History.

³⁵ См.: Edelstein. The Enlightenment. P. 2 f. – У Эдельштайна, однако, речь идет о нарративе Просвещения в единственном числе. Учитывая неоднородность и изменение форм выражения Просвещения, мне кажется более продуктивным говорить о нарративах во множественном числе.

³⁶ Tricoire. Introduction. P. 1; Carey, Festa. Introduction. P. 13.

1.2. ТЕРМИНОЛОГИЯ

Основным для всех вышеназванных аспектов является вопрос, какие именно определения стоят за понятиями «империя», «колониализм» и «колонизация». Множество форм правления обозначались в прошлом и обозначаются сегодня термином «империя», и это осложняет выбор определения, которое бы соответствовало каждому отдельному случаю от «Древнего Рима до Соединенных Штатов»³⁷. Несмотря на признание того, что «хотя общее и существует, но всегда лишь в образе частного»³⁸, исследований империй и определений этого понятия уже давно великое множество³⁹. В рамках предложенной работы под «империей» понимается сложносоставной союз господства, чья метрополия контролирует множество периферийных территорий и их культурно инородное население с помощью угрозы насилия, административного управления и местного коллаборационизма и высказывает претензии на универсализм⁴⁰.

Одновременно с этим последние исследования отчетливо показали, что империи в столь же незначительной степени являются данностями и статичными образованиями, как и нации. Скорее переходные формы могут быть подвижными – от империи к унитарному или национальному государству и наоборот, – что позволяет рассматривать эти два феномена в большей степени как идеальные типы, между которыми существует множество вариантов империй с признаками национального государства, так же как и единых/национальных государств с имперскими признаками⁴¹. Чтобы отразить процессообразный, местами ситуативный характер этого явления, некоторые авторы даже отказываются от термина «империя» и охотнее выбирают выражения «имперская формация», «имперская ситуация» или «имперская модель»⁴².

Независимо от выбора терминологии, не существует разногласий в вопросе о том, что имперское мышление и действия предполагают в первую очередь различие: с одной стороны, разделение, усматриваемое внутри союза господства между «нами» – воображаемой, часто гомогенной с точки зрения языка и религии, связанной с метрополией господствующей элитой – и всеми теми «Другими», которые отличаются от этой центральной группы (опять же в основном по языковому и религиозному признакам) и относятся к перифериям⁴³. С другой

³⁷ См., например: *Minkler*. Imperien; *Burbank, Cooper*. Imperien der Weltgeschichte.

³⁸ *Reinhard*. Geschichte der Staatsgewalt. S. 19–20.

³⁹ Обзор литературы представлен в приложении в: *Wilson* (Ed.). A New Imperial History. P. 363–373. – Об империях вообще: *Howe*. Empire; *Eisenstadt*. The Political Systems of Empires; *Doyle*. Empires; *Burbank, Cooper*. Imperien der Weltgeschichte. – О периоде до 1800 года: *Pagden*. Peoples and Empires; *Muldoon*. Empire and Order. – Обзор определений дает *Motyl*. Imperial Ends. P. 15–30; *Osterhammel*. Imperialgeschichte; *Motyl*. Thinking About Empire. – Весьма содержательное введение в историю понятия «империи» предлагает *Lieven*. Empire, особенно гл. 1, 3–26; наряду с этим: *Becker*. Russia and the Concept of Empire.

⁴⁰ Это определение опирается на гораздо более развернутую дефиницию Ю. Остерхаммеля, согласно которой империя – это «обширный, иерархически упорядоченный союз господства полиэтнического и мультиконфессионального характера, единство которого обеспечивается угрозой насилия, административным управлением, местным коллаборационизмом, а также универсалистской программностью и символикой имперской элиты (обычно возглавляемой монархом), а не социальной и политической гомогенизацией и идеей всеобщего гражданства». *Osterhammel*. Europamodelle und imperiale Kontexte. S. 172. – В случае Российской империи универсалистская претензия начиная с XVI века заключалась прежде всего в притязании на роль державы – защитницы православной веры.

⁴¹ *Kumar*. Nation-States as Empire, Empires as Nation-States; *Leonhard, v. Hirschhausen*. Empires und Nationalstaaten; *Berger, Miller* (Ed.). Nationalizing Empires.

⁴² *Stoler*. On Degrees of Imperial Sovereignty. P. 128; *Idem., McGranahan, Perdue* (Ed.). Imperial formations; *Julian*. Patterns of Empire. – Аргументы в пользу понятия «имперская ситуация», которое еще будет критически рассмотрено далее, см.: *Cvetkovski*. Introduction. P. 18.

⁴³ *Hall*. Cultures of Empire. P. 16. – Своеобразие ситуации Российской империи заключалось в том, что властная элита по составу являлась полиэтнической. Вместе с тем она была в значительной степени социально и культурно однородной и по меньшей мере в XVIII веке в собственном представлении достаточно четко контрастировала с нехристианскими этносами, воспринимавшимися как «Другие». Ее собственная сплоченность являлась прежде всего результатом принадлежности к христианству, к воображаемому «цивилизованному миру» и общей политической культуре, понимавшейся как «династический имперский патриотизм». *Kappeler*. Bemerkungen zur Nationsbildung der Russen. S. 29–30.

стороны, имперское господство также применяет *политику* различия в отношении многообразия народностей, не входящих в центральную группу, и правит различными этническими группами по-разному⁴⁴.

Как такая основанная на различии политика соотносится с *колониальным* господством? В основе колониализма тоже лежит политика, построенная на различии. Имперская политика понимается здесь как «родовое понятие», под которое подпадает и колониальное господство. Другими словами: не каждое имперское господство одновременно является колониальным. Колониальное же господство, напротив, осуществляется, как правило, только империями. Определяющими критериями колониального господства и современного колониализма в данной работе считаются признаки, указанные в широко признанном специалистами определении, данном Ю. Остерхаммелем. Определение Остерхаммеля подходит к феномену колониализма всесторонне, ограничивая, однако, центральное содержание этого понятия тремя критериями: это, во-первых, попытка управлять извне целым обществом, лишить его собственного исторического развития и переориентировать его на потребности и интересы колонизаторов; во-вторых, характерная для колонизаторов убежденность в более высокой ценности собственной культуры, на основании чего они формулируют и обосновывают тезис о том, что их глобальная миссия – перестроить колонизируемые общества; и в-третьих, ожидание, что колонизируемые будут перенимать навязываемые колониальной властью ценности и обычаи⁴⁵.

Эти три критерия (внешнее управление, осознание своего превосходства и ожидание аккультурации) образуют эталон, по отношению к которому ниже будут оцениваться различные концепции и практики властвования российской элиты в XVIII веке с целью определить, носили ли они только имперский или же более специфический колониальный характер. С помощью такой процедуры понятие «колониальный» применительно к Российской империи (как это оказалось необходимым и с тех пор было неоднократно осуществлено в отношении понятия «империя») будет освобождено от оценочных коннотаций, оно станет пригодно для чисто аналитического подхода, что облегчит изучение российской державы в рамках компаративных исследований империй и колониализма⁴⁶. Прежде всего, использование понятия «колониальный» в приложении к Российской империи представляется эвристически полезным в тех случаях, когда можно различать политику, направленную на подчинение, повиновение, получение дани, и политику, выходящую за рамки этих целей. О колониальном господстве в том смысле, в котором это понятие применяется в данной работе, можно говорить только тогда, когда политический центр державы осуществляет попытки глубокого вмешательства во внутренние дела покоренного населения, обычно используя насилие или угрозу такового, руководствуясь ощущением собственного культурного превосходства и стремясь навсегда изменить прежний образ жизни покоренного населения в соответствии с предопределенными шаблонами и подчинить это изменение исключительно потребностям метрополии, минимально учитывая интересы местных жителей⁴⁷.

⁴⁴ Barkey. *Empire of Difference*; Burbank, Cooper. *Imperien der Weltgeschichte*. – Брайан Бок ввел в обиход точное понятие «сепаратная сделка» для царской политики различного обращения с различными группами в государстве. Boeck. *Imperial Boundaries*. P. 30.

⁴⁵ Osterhammel. *Kolonialismus*. S. 19–20. Подробное определение колониализма, данное Остерхаммелем, гласит: «Колониализм – это отношения господства между коллективами, в которых фундаментальные решения об образе жизни колонизированных принимаются и фактически исполняются отличным в культурном отношении и мало готовым к адаптации меньшинством колонизаторов, при первоочередном соблюдении внешних интересов. В Новое время с этим, как правило, связаны самооправдательные идеологические доктрины, основанные на убеждении колонизаторов в собственном культурном превосходстве и своей предназначенности к цивилизаторской миссии». Osterhammel. *Kolonialismus*. S. 21.

⁴⁶ Gerasimov, Glebov, Kaplunovski, Mogilner, Semyonov. In *Search of a New Imperial History*; Gerasimov, Kusber, Semyonov (Ed.). *Empire speaks out*. – Йорн Хаппель успешно включает Россию в колониальную историю. Happel. *Nomadische Lebenswelten und zarische Politik*, особенно S. 27–35; Idem. *Kolonialisierte Lebenswelten*.

⁴⁷ Остерхаммель справедливо указывает на то, что колониальные правительства часто не имели средств для достижения своих целей, однако это не существенно по отношению к теоретическому контексту определения понятия. Решаю-

Тем самым становится ясно, что колониализм рассматривается и анализируется в данной работе, как и в определении Остерхаммеля, прежде всего как *отношение господства*. А *территориальному* аспекту, то есть географической удаленности от метрополии, которую обычно связывают с заморским колониализмом и концепцией *колонии*, применительно к Российской империи отводится лишь незначительная роль как предпосылке установления колониального господства. Учитывая размытость границ между метрополией и периферийными областями, столь характерную для континентальных империй и препятствующую строгому географическому разделению, не представляется возможным (или можно лишь неудовлетворительно) однозначно отнести периферийные территории российского государства XVIII века к категориям колоний-владений, поселенческих колоний или колоний-баз в том смысле, как их понимал Остерхаммель⁴⁸. В случае с южными и восточными окраинами речь шла скорее о территориях, на которые Российская империя заявляла претензии, в зависимости от обстоятельств, либо путем приграничной колонизации, либо в ходе захватнических войн, сформировавших ее как империю; в обоих случаях эти территории не были четко отграничены от метрополии⁴⁹. Чтобы подчеркнуть эту особенность по сравнению с заморским колониализмом, можно, по аналогии с рассуждениями Клеменса Рутнера о Габсбургской империи, говорить о присущем Российской империи «внутриконтинентальном колониализме»: это понятие учитывает также и подвижные границы между центром и периферией⁵⁰.

Для обозначения географического аспекта имперского и колониального господства в российском государстве представляется более удобным использовать термин «фронт-тир» (*frontier*) вместо термина «колония»⁵¹. Под *фронтиром* понимается, так же как и у Ю. Остерхаммеля, «подвижная граница освоения ресурсов», или, точнее, «проявляющийся на обширных территориях тип процессуальной ситуации контакта», при котором «на определенной территории вступают в контакт минимум два коллектива различного этнического происхождения и культурной ориентации, преимущественно применяя силу или угрожая друг другу ее применением. Отношения между этими коллективами не регулируются унитарными и четкими государственным порядком и правовыми нормами»⁵². Один из этих коллективов высту-

щим для последнего является только явная воля метрополии превратить периферийные общества в вассалов. *Osterhammel. Kolonialismus*. S. 19.

⁴⁸ Определением «поселенческая колония» описывается явление, когда представители титульной нации сами селятся в присоединенных областях и своим поселением и укладом жизни попирают права и интересы коренного населения. В случае «колонии-владения» (*Herrschaftskolonie*) заселения представителей титульной нации не происходит: покоренная страна служит или для стратегических гарантий имперской политики, или/и для экономической эксплуатации. «Колония-база» – результат действий морского флота. См.: *Osterhammel. Kolonialismus*. S. 17–18. – Применительно к Российской империи XVIII века обнаруживаются в лучшем случае смешанные типы колоний, описанных Остерхаммелем, – например, в южных степях, где идентифицируются элементы поселенческой колонии и колонии-владения, частично на Дальнем Востоке, в северной части Тихого океана и в Русской Америке, где наблюдались черты колонии-владения и колонии-базы. Сибирь (без Дальнего Востока) может быть в некоторые периоды и с ограничениями обозначена как поселенческая колония. – Остерхаммель относится критически к гипотезе о наличии колониализма без колоний, но не исключает ее. *Osterhammel. Kolonialismus*. S. 22.

⁴⁹ Хотя линейное территориальное размежевание в южных степных областях проводилось с помощью строительства укрепленных линий, однако они не рассматривались как постоянные обозначения границ. Подробнее см. гл. 4.2.

⁵⁰ *Ruthner K. u. K. Kolonialismus als Befund*, особенно S. 111. – Историк Отто Хётцш писал уже в 1946 году о российской державе: «Это была континентальная колониальная империя без моря». *Hoetzsch. Russland in Asien*. S. 125. Однако из-за уточнения «без моря» высказывание Хётцша сегодня больше не актуально. См., например: *Алексеев. Судьба Русской Америки; Winkler. Das Imperium und die Seeotter*.

⁵¹ Фредерик Дж. Тернер ввел понятие *фронттир* в своей вышедшей в 1893 году книге «The Frontier in American History». Дискуссии о сравнении американского *фронттира* с востоком российской державы ведутся по сей день. *Treadgold. Russian Expansion; Wiczynski. The Russian Frontier; LeDonne. The Frontier in Modern Russian History; Khodarkovsky. From Frontier to Empire; Bassin. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»; Kappeler. Rußlands Frontier in der Frühen Neuzeit; Пезун и др. (ред.). Фронттир в истории Сибири и Северной Америки; Rieber. Changing Concepts; Frank. «Innere Kolonisation» und frontier-Mythos; Stolberg. The Genre of Frontiers and Borderlands; Häfner. Von der frontier zum Binnenraum*.

⁵² *Osterhammel. Die Verwandlung der Welt*. S. 465, 471.

пает при этом в роли захватчика, его представители заинтересованы в первую очередь в присвоении и эксплуатации земель и/или других природных ресурсов⁵³.

Применительно к российскому государству такая «подвижная граница освоения ресурсов» может быть использована для описания как планировавшихся, так и реализованных случаев захвата многих территорий на юге и востоке, что одновременно также подпадает под определение «колонизации». В отличие от *колониализма*, который обозначает отношение господства, *колонизация* описывает процесс, при котором поселенцы захватывают земли, чтобы использовать их по своему усмотрению⁵⁴.

⁵³ Если принять, что *фронтир* – это «проявляющийся на обширных пространствах тип ситуации контакта как процесса», то при такой дефиниции большинство аргументов, которые недавно выдвигались *против* применения данного понятия и в то же время предлагали использование альтернативного понятия «пограничная область» (*borderlands*), теряют свою актуальность. Идея «ситуации контакта» отражает спорный характер означенных зон между колониальным и местным миром, а также возможность тесных взаимосвязей местных акторов. Кроме того, сохраняется возможность различия между *фронтиром* как ситуацией контакта между коллективами, которые не одинаково сильны с точки зрения насильственно-военной власти, с одной стороны, и *пограничными областями*, с другой стороны, в которых две или более колониальные державы оспаривают территории друг у друга. Osterhammel. Die Verwandlung der Welt. S. 473. – Против понятия *фронтир* и в пользу понятия *пограничная область* высказываются также Hämäläinen, Truett. On Borderlands.

⁵⁴ Hausmann. Kolonisation; Osterhammel. Kolonialismus. S. 7–16. – Важные исследования о колонизации территории российского государства: Перетяткович. Поволжье в XV и XVII веках; Он же. Поволжье в XVII и начале XVIII века; Багалей. Очерки из истории колонизации; Любавский. Обзор истории русской колонизации; Sunderland. Taming the Wild Field; Breyfogle, Schrader, Sunderland (Ed.). Peopling the Russian Periphery; Эткинд. Внутренняя колонизация.

1.3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Но как в случае континентального государства с размытыми границами между центром и периферией отличить колонизацию приграничных районов, равно как и сопутствующую ей колониальную политику, от *строительства государства*? Разве не должны были такие характерные для раннего Нового времени процессы, как усиление и расширение государственных институтов, рецепция централистских концепций правления – «абсолютизма», камерализма, меркантилизма – и политика унификации и рационализации неизбежно сопровождаться таким способом правления, который элементарно вмешивается в жизнь подданных в том числе и в приграничных районах?⁵⁵ Действительно, данная работа исходит из того, что приграничная колонизация и строительство государства были тесно связаны между собой. Речь при этом идет об основном признаке *построения империи* (*empire-building*) континентальными государствами. В результате большое внимание будет уделено тесной взаимосвязи строительства государства и империи. Также вышеназванные формы господства и политико-экономические концепции играли значительную роль для российской политики правительства в XVIII веке⁵⁶.

В то же время в работе отвергается идея описывать с помощью понятия «строительство государства» все процессы, во время которых нерусские этнические группы, часть из которых столетиями ранее, а часть – только в XVIII веке были включены в состав российской монархии, в течение нескольких десятилетий были лишены собственного исторического развития, управлялись извне с политико-социальной точки зрения и были (в реальности или по плану) переориентированы на политические, военные и экономические потребности и интересы центра. Ведь тем самым именно процессы, которые при изучении морских империй как бы само собой аналитически причисляются к колониализму, в случае Российской империи уже в силу одной только ее континентальной протяженности рассматриваются как составляющие «абсолютистского» или камералистского строительства государства⁵⁷.

Однако не только императив сравнительной имперской и колониальной истории требует в данном случае другой перспективы. Не следует забывать и о сформулированной в рамках *постколониальных исследований* задаче историка – воздерживаться от взгляда на ситуацию с позиции лишь одной из действующих сторон⁵⁸. Центральные понятия – и прежде всего они – должны быть такими, чтобы они не теряли своей валидности при взглядах с разных сторон. Так, например, понятие «строительство государства» при его использовании для обозначения

⁵⁵ *Vocelka*. Geschichte der Neuzeit. S. 175–180; *Wesseling*. The European Colonial Empires. P. 142–144. – Термин «абсолютизм» помещен в кавычки, поскольку остается спорным, не лучше ли отказаться от данного термина и историографической концепции «абсолютизма» или по меньшей мере не применять его к Российской империи. В отличие от Западной Европы, в Московском государстве отсутствовали сильные сословия, так что победа монарха над сословиями была невозможна. А именно такая борьба и такой ее исход, как правило, связывается с возникновением «абсолютизма». Ханс-Иоахим Торке ввел для Московского государства понятие «автократический абсолютизм». *Torke*. Absolutismus. S. 9–11. – О дискуссии по поводу абсолютизма: *Duchhardt*. Das Zeitalter des Absolutismus. S. 159–165.

⁵⁶ *Raeff*. The Well-Ordered Police State (1975); *Idem*. Seventeenth-Century Europe in Eighteenth-Century Russia?; *Idem*. The Well-Ordered Police State (1983).

⁵⁷ Парадигма данного подхода заложена коллективным трудом «Национальные окраины Российской империи». Несомненно, эта книга представляет собой большое научное достижение, тем более что с момента выхода фундаментального труда Каппелера имперское российское господство почти не освещалось синхронно и всесторонне применительно к *различным* перифериям. *Агаджанов, Трепавлов* (ред.). Национальные окраины Российской империи.

⁵⁸ *Chambers, Curi* (Ed.). The Post-colonial Question; *Hall*. Introduction. P. 5; *Kennedy*. Imperial History and Post-Colonial Theory. – Все «западные» историографии уже давно прошли стадию перехода к постколониальным исследованиям. Об истоках: *Hall*. Wann war «der Postkolonialismus»?; *Conrad, Randeria* (Hg.). Jenseits des Eurozentrismus. – О продуктивном влиянии на данную работу постколониальных исследований см. ниже (гл. 1.3).

российской политики *фронтира* XVIII века в значительной степени игнорировало бы точку зрения нерусского населения юга и востока страны.

Аналогичные критические замечания справедливы для использования такого понятия, как «внутренняя» колонизация⁵⁹. Включение в это понятие также осуществляемого в интересах метрополии захвата ареала расселения *инородных* коллективов и культур несет в себе опасность игнорирования значимости исходящей от этой метрополии *экспансивной* колонизации. Подобная колонизация включает господство над чужими этническими группами и в этом смысле она скорее эквивалентна «внешней» колонизации и превращению страны в колониальную державу⁶⁰. Использование же термина «внутренняя колонизация», с другой стороны, означало бы возвращение к вышеупомянутой традиции таких знаменитых русских историков XIX века, как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов, согласно нарративу которых «русская» территориальная и имперская экспансия проходила не как силовой захват, а как мирное освоение земель. Кроме того, применение этих понятий способствовало бы представлению истории российского многонационального государства – в традиции вышеупомянутых историков – как исключительно русской истории⁶¹.

Господство в многонациональном государстве: этническое и географическое многообразие

Однако не только тесное переплетение процессов строительства государства и строительства империи представляет значительную трудность для исследователя российской имперской истории. Помимо этого, Российская империя присоединилась к ряду европейских империй – как морских держав, так и континентальных – еще и в том смысле, что на разных ее окраинах *одновременно* существовали *различные* формы правления. Эта столь типичная для империй особенность – наличие ступенчатых политических иерархий, гетерогенных правовых структур и регионально крайне отличных друг от друга подходов – в случае Российской империи выражалась в одновременном существовании типично имперских форм господства в отношении нерусских или не исконно русских подданных на севере и западе, то есть в Смоленске с 1654 года, в Эстляндии и Лифляндии с 1710-го, в Карелии, Старой Финляндии с 1721–1743 годов, на польских территориях, присоединенных в результате разделов, с 1772, 1775 и 1795 годов, и таких форм господства, которые сочетали имперские и колониальные фазы, как в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в регионе северной части Тихого океана, на Русской Аляске, в южных степях и на Северном Кавказе⁶².

⁵⁹ О последней: *Эткинд*. Внутренняя колонизация.

⁶⁰ Ср. критику этого подхода с позиции культурологии *Frank*. «Innere Kolonisation» und frontier-Mythos, и *Stolberg*. Der Mond ist kein Kochtopf. S. 16–17. – Стивен Саболь использует термин «внутренняя колонизация», однако понимает под ним прежде всего *колониальный* характер политики российского государства и США. Выбор термина «колонизация», кроме того, вводит в заблуждение, поскольку центральной задачей Саболя является именно поиск сходных черт российского и американского способа действий с подходами *колониальных* заморских империй XIX века. *Sabol*. The touch of civilization.

⁶¹ *Reddel*. S. M. Solov'ev and Multi-National History; *Byrnes*. Kliuchevskii on the Multi-National Russian State; *Becker*. Contributing to a Nationalist Ideology. – Особенно известна фраза Ключевского: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией». *Ключевский*. Русская история. Т. 1. С. 22. – Эту традиционную точку зрения уже критиковали среди прочих У. Сандерленд и М. Ходарковский: *Sunderland*. Taming the Wild Field; *Khodarkovsky*. Russia's Steppe Frontier.

⁶² Присоединенная в 1654 году *гетманская Украина* является особым случаем. Действительно, можно провести параллели между политикой в ее отношении и колониальным российским подходом по отношению к автономиям ногайцев, калмыков и казахов. Однако по причине языковой, религиозной и культурной близости населения Гетманщины большая часть украинской элиты воспринимала чуждость великорусского народа как вполне преодолимую и некоторой своей частью стремилась к всесторонней интеграции в российское государство. Вследствие этого стирались различия между двумя этническими группами, и потому понятие колониальности здесь не уместно. *Plokhy*. The Origins of the Slavic Nations. P. 250–298; *Kohut*. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy. – О дискуссии об Украине как «европейской» или «внутренней колонии», которая в 1920-х годах велась в Украинской Советской Республике, ср.: *Kononenko*. Ukraine and Russia. – Другой особый случай

В центре внимания данной работы находятся исключительно российские концепции и практики господства в отношении тех этнических групп населения империи, в отношении которых в XVIII веке производились попытки полностью подчинить и кардинально изменить их образ жизни в интересах российской метрополии, руководствуясь осознанием собственного цивилизационного превосходства, и которые, согласно выдвигаемому в этой работе положению, таким образом, в соответствии с приведенным выше определением, периодически находились под колониальным господством. Различные подходы царских правительств к различным этническим группам трактуются в данной работе как следствие субъективного восприятия российской элитой того, насколько соответствующая этническая группа была уже «цивилизована» или насколько она отчасти, как в случае остзейских губерний, даже могла служить образцом для желаемых изменений в коренных российских регионах⁶³. В то же время, однако, необходимо не только различать, какие из российских концепций и практик особенно активно использовались в том или ином крупном регионе: прежде всего необходимо учитывать имевшие место *внутри* крупных регионов, таких как «восток» или «юг» страны, различия между определенными периодами и между формами политического правления, применявшимися в отношении различных этнических групп.

Нерусские этнические группы на Востоке

При рассмотрении политики в отношении нерусских этнических групп «Востока», а именно Восточной Сибири, Дальнего Востока и региона северной части Тихого океана, в данной работе проводится различие между правительственным курсом в отношении бурят и якутов, с одной стороны, и таких малых этнических групп Дальнего Востока, как чукчи, коряки, ительмены, алеуты, жители Курил и острова Кадьяка, с другой⁶⁴. Первые после жестокого покорения в XVII веке смогли частично приспособиться в течение XVIII века к российским требованиям, сохранив при этом ряд определенных свобод и укрепив экономически⁶⁵. Поэтому в случаях бурят и якутов данная работа исходит из *имперской* политики конца XVIII века, а не из фаз колониального господства⁶⁶.

Иначе сложилась ситуация в случае этнических групп, проживавших на Крайнем Севере и в бассейне Тихого океана, — чукчей, коряков, юкагиров, ительменов, алеутов, кадьякцев и частично коренного населения Аляски⁶⁷.

– *Крымское ханство*. После российской аннексии в 1783 году оно утратило политическую самостоятельность, но на первое время смогло сохранить свою административную структуру. Татарской элите, как и Остзейским губерниям, гарантировалась земельная собственность и привилегии, а также принципиальный доступ к получению российского дворянства. Мусульманское духовенство сохранило контроль в вопросах религии и воспитания. Поэтому применительно к XVIII веку едва ли можно говорить о «переориентации всего общества» с учетом исключительно внешних интересов. Однако политика изменилась в XIX веке, в течение которого более половины крымских татар покинули родину и эмигрировали в Османскую империю. Fisher. The Crimean Tatars; *Пащенко*. Государственное управление в России и Крыму; O'Neill. Claiming Crimea; *Хайреддинова*. Инкорпорация крымско-татарских сословий. С. 110–115.

⁶³ Такое же мнение высказывает и *Kanneler*. Россия – многонациональная империя. С. 57–60.

⁶⁴ Обзор народов «Востока» Российской империи дает: *Суворова* (ред.). Азиатская Россия; *Dahlmann*. Sibirien. – Формально Сибирь была включена в состав российского государства в 1763 году, после ликвидации *Сибирского приказа*. Однако различия в географических условиях, проблемы коммуникации из-за расстояний и различные социальные и экономические структуры разных этнических групп привели к неудаче попытку управлять Сибирью и европейской частью империи одним и тем же способом. В 1803 году над всей Сибирью (за исключением Перми и Вятки) был назначен генерал-губернатор.

⁶⁵ *Фирсов*. Положение инородцев; *Forsyth*. A History of the Peoples of Siberia. P. 48–83; *Борисов*. Реформы самоуправления якутов; *Glebov*. Siberian Middle Ground. – Сборник документов по истории Бурятии; *Павлинов*, *Виташевский*, *Левенталь*. Материалы по обычному праву; История Сибири с древнейших времен. Т. 2; *Залкинд*. Общественный строй бурят; *Он же*. Участие представителей коренного населения; *Sunderland*. Russians into Yakuts?

⁶⁶ О российской политике по интеграции и усилению *бурятской элиты*: *Залкинд*. Ясачная политика царизма в Бурятии; *Он же*. Участие представителей коренного населения Забайкалья. С. 110–117; *Он же*. Общественный строй бурят. – О российской политике в отношении *якутской элиты* см.: *Борисов*. Якутские улусы; *Glebov*. Siberian Middle Ground. P. 121–154.

⁶⁷ Чукчи, коряки, юкагиры, ительмены (или камчадалы), а также юпики (азиатские эскимосы) жили на полуострове

Правда, проводимая в их отношении политика различалась в зависимости от географического положения, российских интересов и силы их сопротивления⁶⁸. Однако царские правительства на протяжении всего XVIII века продолжали практиковать не только методы покорения, использованные ими в Западной и Восточной Сибири веком ранее, – боролись с «непокорным» (то есть не желающим платить дань) туземным населением с помощью пушек, брали силой в заложники их детей и привлекали мужчин к принудительным работам, так что численность коренного населения резко сократилась как вследствие этих мероприятий, так и в результате болезней⁶⁹. Прежде всего, именно ительмены, алеуты и кадьякцы подвергались такой экономической эксплуатации и их экономика была так последовательно перенаправлена на российские интересы в области промысла моржей и каланов, что они больше не могли выживать в своих традиционных структурах и все больше оказывались в жизненной зависимости от экономической помощи российского государства⁷⁰. В то время как эти аспекты колониальной политики господства подробно охарактеризованы в литературе, в данной работе рассматриваются мало освещенные надрегиональные практики, которые проявлялись, в частности, в форме захвата заложников с серьезными последствиями как для коренного населения, так и для российской стороны.

Нерусские этнические группы на юге и юго-востоке

Одна из основных тем данной работы – российские концепции и практики господства над этническими группами на юге и юго-востоке государства, большинство из которых по полгода или круглый год вели кочевой образ жизни. В XVIII веке в числе российских подданных, проживающих в южных степных районах, были башкиры, калмыки, Малая и Средняя казахские орды и ногайцы. Если башкиры формально уже с середины XVI века частично являлись подданными царя, то их покорение методами колониальной экспансии началось лишь в 1730-х годах⁷¹. Политике в отношении башкир в данной работе уделяется особое внимание, прежде всего потому, что для их завоевания была использована уникальная в мировом сравнении российская колониальная практика – окружение линиями укреплений.

Калмыки, которые как западно-монгольские племена под давлением восточных монголов и казахов перекочевали на юго-запад и в начале XVII века заселили степи севернее Каспийского моря, с середины XVII века рассматривались российской стороной в качестве подданных⁷². Их покорение в XVIII веке с помощью чередующихся имперских и колониальных методов занимает в данном исследовании одно из центральных мест постольку, поскольку и попытка сделать их оседлыми, и успешные усилия выхолостить содержание их традиционных

Чукотка и на Камчатке. Кадьяк – самый большой остров у побережья Аляски, который Григорий Шелихов сделал базой российской экспансии на Аляске.

⁶⁸ Алексеев, Алексеева, Зубков, Побережников (ред.). Азиатская Россия. С. 389–411; Зуев. Русская политика в отношении аборигенов; Он же. К вопросу о присоединении к России; Он же. Присоединение Чукотки к России.

⁶⁹ Зуев. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке. – Особенно значительными были демографические потери у юкагиров, коряков и ительменов, а также у алеутов и кадьякцев. Кабузан, Троицкий. Численность и состав населения Сибири; Gibson. Russian Dependence upon the Natives of Alaska. P. 80–81; Слѣзкин. Арктические зеркала. С. 65. – По некоторым оценкам, в период между серединой и концом XVIII века население Алеутских островов сократилось вдвое. Капитан-лейтенант Головин: Обзор русских колоний в Северной Америке // Морской сборник. 1862. 57. С. 38. Здесь цит. по: Gibson. Russian Dependence. P. 382. Fn. 27.

⁷⁰ Forsyth. A History of the Peoples of Siberia. P. 131–154; Gibson. Russian Dependence; Гринев, Макарова. Промысловое освоение. Т. 1. С. 68–108; Гринев. Русские промышленники на Аляске; Он же. Аляска под крылом двуглавого орла; Black. The Russian Conquest of Kodiak; Idem. Russians in Alaska, 1732–1867; Luehrmann. Alutiiq Villages, особенно P. 63–95; Miller. Kodiak Kreol.

⁷¹ Donnelly. The Russian Conquest of Bashkiria; Steinwedel. Threads of Empire.

⁷² Khodarkovsky. Where Two Worlds Met; Батмаев. Калмыки в XVII–XVIII веках; Кундакбаева. «Знаком милости Е. И. В.».

структур господства сформировали модель царской политики, к которой позднее прибегали и в отношении других этнических групп.

Столь же важную роль для данного исследования играет и российская колониальная политика в отношении Младшего и Среднего казахских жузов⁷³. Вместе со Старшим жузом, чей центр жизненных интересов располагался в Семиречье на востоке, казахи населяли огромные степные районы, простиравшиеся между Южным Уралом и Каспием на западе, Алтайскими горами и Тянь-Шанем на востоке и оазисами Средней Азии. Расположение этих территорий, представлявших для российских властей большой геостратегический интерес с точки зрения торговли с Индией и Китаем, в значительной степени определяло российскую имперскую политику от Петра I до Екатерины II⁷⁴. Это привело к тому, что русская имперская элита в XVIII веке занималась вопросами и проблемами покорения казахов и господства над ними больше и интенсивнее по сравнению со всеми остальными этническими группами юга и востока.

Особое внимание в работе уделяется российской политике в отношении *Младшего* казахского жуза. Он не только первым из трех жузов уже в 1730-х годах вступил в подданство русского царя, но и благодаря своему ареалу расселения, располагавшемуся ближе всего к русским поселениям к востоку и югу от реки Урал, находился в особенно интенсивном контакте с русским населением, осуществлявшим колонизационное продвижение на юг⁷⁵.

Из ногайцев, которые в результате московской экспансии XVI века разделились на три орды, только предводители *Большой* ногайской орды формально считались с 1557 года подданными русского царя⁷⁶. В силу своей разобщенности (и частичного подчинения крымскому хану) они не представляли больших трудностей для российской имперской политики в XVIII веке. Тем не менее в данной работе они играют определенную роль как объект колониальной российской политики, поскольку впервые именно в их случае российская сторона объединила свою «политику цивилизования» с правовой дискриминацией.

Нерусские этнические группы на Северном Кавказе

Третьим регионом, включенным в анализ концепций и практик господства как имперской, так и колониальной политики, является Северный Кавказ⁷⁷. Среди более чем пятидесяти этнических групп северной части этого горного региона особое значение для российской политики XVIII века имели черкесские (адыгские) кабардинцы⁷⁸. Обласканные вниманием османского султана, персидского шаха, кумыкского шамхала и крымско-татарского хана, кабардинцы, населявшие предгорья к западу от Терека, наряду с кумыками принадлежали, благодаря

⁷³ Olcott. The Kazakhs; Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier; Sunderland. Taming the Wild Field; Бекмаханова. Присоединение Центральной Азии.

⁷⁴ Noda. The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires.

⁷⁵ Река Урал до конца XVIII века именовалась в русских источниках *Яик*. В данной работе, когда речь идет о времени до Пугачевского восстания 1773–1775 годов, она будет именоваться так же. Императрица Екатерина II переименовала реку в *Урал*, чтобы стереть всю память о восстании. Вдоль реки велись многочисленные бои, и до восстания в самоназвании проживавших тут казаков сохранялось и старое название реки (яицкие казаки).

⁷⁶ Трепавлов. История Ногайской Орды.

⁷⁷ Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв.; Kazemzadeh. Russian Penetration of the Caucasus; Киняпина, Блудев, Дегоев (ред.). Кавказ и Средняя Азия; История народов Северного Кавказа с древнейших времен; История народов Северного Кавказа; Малахова. Становление и развитие российского государственного управления; Khodarkovsky. Colonial Frontiers; LeDonne. The Grand Strategy; Виноградов. Специфика российской политики; Кокиев. Методы колониальной политики царской России; Pollock. Empire by Invitation?; Бобровников, Бабич (ред.). Северный Кавказ в составе Российской империи; Абасин, Арапов, Бекмаханова (ред.). Центральная Азия в составе Российской империи; Россия – Средняя Азия. Т. 1; Муханов, Айрапетов, Волхонский. Дорога на Гюлистан.

⁷⁸ Смирнов. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях; Мальбахов, Дзамихов. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом; Дзамихов. Адыги в политике России на Кавказе; Кокиев. Методы колониальной политики; Грабовский. Присоединение Кабарды к России; Гапуров, Саралиева. Кабарда в кавказской политике России.

высокой степени социальной дифференциации и могущественному княжескому слою, к политическим «тяжеловесам» региона. С принятием кабардинских князей в российское подданство в 1588 году связано начало практики взятия заложников Московским государством⁷⁹. Ее анализу, как и дальнейшему развитию этой практики, исходившей из Кабарды, в работе придается большое значение.

В XVIII веке кабардинцы оказались геополитическими пешками в борьбе между Османской и Российской империями за господство на Северном Кавказе⁸⁰. Только после заключения Кючук-Кайнарджийского мира (1774), по которому Османская империя должна была отказаться от притязаний на Кабарду и признать российскую власть над ней, российская сторона смогла применить здесь имперские и колониальные концепции и практики, которые она уже опробовала на других периферийных территориях. К ним относится, например, практика, примененная в отношении башкир, – строительство укрепленных линий для колониального завоевания.

Участники событий и их названия

Контакты с вышеназванными этническими группами (в русском языке обозначаемыми словом *народы*) для российской элиты влекли за собой не только проблему, как именовать ту или иную группу, но прежде всего как интерпретировать характерный для нее уклад жизни. При присвоении названия следовали преимущественно самоназванию этнических групп, хотя это нередко и сопровождалось недоразумениями, неоправданными обобщениями и ошибочной идентификацией (поэтому историки призывают относиться к ним с осторожностью)⁸¹. Самая большая проблема для российской стороны состояла в том, что структуры власти преимущественно кочевых этнических групп существенно отличались от государственной структуры оседлого населения метрополии, занимавшегося земледелием и торговлей. Поэтому требуется особая осторожность, чтобы не попасть под влияние колониального образа мышления, который, согласно возникшему в XVIII веке представлению о возможности расположения всех «народов» на «цивилизационной лестнице», концептуально превратил негосударственные союзы в догосударственные коллективы.

По этой причине в данной работе крайне сдержанно применяется термин «племя» (Stamm). Это понятие как научная категория уже отвергается антропологией, так как во многих случаях европейского колониального управления XIX века оно ассоциировалось с отсталостью⁸². Кроме того, также по мере возможности не употребляется многозначное в

⁷⁹ Как и в случае многих других народов Российской империи, в случае кабардинцев мнения о том, когда была принесена первая кабардинская клятва верности русскому царю, расходятся. Больше об этом см. гл. 2.3.

⁸⁰ Хотя на юге также существовала имперская конкуренция с джунгарами и династией Цин, а в северной части Тихого океана – с британцами и испанцами. Но из рассматриваемых в работе трех крупных регионов только на Северном Кавказе борьба за господство вылилась в бесчисленные (российско-османские) войны.

⁸¹ Приписывание этнической, социальной или экономической идентичности в XVIII веке с российской стороны носило смешанный или случайный характер. Так, во многих российских источниках, происходящих из государственных учреждений, встречаются термины этнического характера, хотя на самом деле речь идет о социальных категориях. «Чуваши» обычно называли тюркоязычных, несущих повинности и выплачивающих *ясак* людей, в то время как «татарами» – тюркоязычных *служилых людей* или вообще любых мусульман. В действительности за этими наименованиями могли скрываться татары, чуваша или казахи. См.: Kappeler. Rußlands erste Nationalitäten. S. 84; Sultangaliev. The Russian Empire. P. 53–53; Khodarkovsky. Ignoble Savages and Unfaithful Subjects; Idem. Four Degrees of Separation. P. 265–266.

⁸² Bétéille. The Idea of Indigenous People; Sneath. Tribe, Ethnos, Nation. – Однако русская имперская элита XVIII века редко пользовалась термином «племя», а если применяла его, то в нейтральном, категориальном смысле, который мог относиться как к азиатским этническим группам и их разновидностям, так и к собственно русским. См., например, сообщение российского переводчика с китайского от 1761 года: «китайцы, с ними, киргисцами, единоплеменны <...> а не так, как русские от них, киргисцов, племенем или родом совсем отделены». Рапорт переводчика Ф. Гордеева коменданту Троицкой крепости о поездке в ставку султана Аблая с целью выяснения взаимоотношений казахов Среднего жуза с Китаем // КРО. Т. 1. № 240 (03.07.1761). С. 620–624, здесь с. 621.

немецком языке понятие «народ» (и соответствующее ему политически дискредитированное прилагательное «народный» (*völkisch*)), равно как и спорное понятие «этнос». Они заменяются понятием «этническая группа» (*ethnische Gruppe*) для обозначения таких групп, члены которых объединены общим прошлым, выражавшимся в исторических преданиях, обычаях, языке, религии и образе жизни. Чтобы четче дистанцироваться от понятия «этнос», необходимо указать на ситуативный характер этнической принадлежности, минимизировать опасность эссенциализации, которая часто подвергается критике в науке, и прежде всего избежать имплицитного понимания этносов как предшественников современных наций⁸³.

То, что сказано выше о важнейших для данного исследования регионах и этнических группах, показывает, что центральная задача и специальный интерес данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать имперскую российскую политику в рамках *трансрегионального* подхода⁸⁴. Вопрос состоит в том, существовали ли и в какой степени особые концепции и практики российской элиты, которые применялись одинаковым или сходным способом на *разных* периферийных территориях, и это несмотря на гетерогенность и фрагментарность Российской империи, подвижность и прагматичность российской элиты, а также особенности акторов из числа коренных жителей и обстоятельств на местах.

Широкий географический и этнический охват настоящего исследования вместе с тем не должен заслонять того факта, что взаимодействие нерусских этнических групп на юге и востоке с российской имперской элитой освещается в работе асимметрично. Центральным является вопрос, когда и как *внутри* российской элиты возникли имперское сознание и имперские и колониальные концепции и практики господства и как они изменялись. Такой взгляд, при котором внимание ограничивается акторами из среды российской элиты, вызван тем, что империи раннего Нового времени создавались в первую очередь элитами⁸⁵. Отсюда следует, что в данной работе речь идет преимущественно об образе мышления и действиях очень *узкого* слоя политических, военных и административных государственных чиновников в правительственном центре и на периферийных территориях, различным действиям которых время от времени оказывали поддержку представители царского правительства, не имеющие статуса государственных чиновников⁸⁶.

Под понятием имперской российской элиты, которая никоим образом не представляла собой монолитного блока и чьи порой противоречащие друг другу позиции и подходы рассматриваются в отдельных главах, следует понимать всех тех, кто стратегически и оперативно осуществлял построение империи и ее сохранение. Это понятие охватывает множество лиц – от сотрудников Коллегии иностранных дел в Санкт-Петербурге до командующих войсками вдоль Сибирской линии укреплений, от купцов и моряков, именем царя производивших захват островов в пользу империи и для этого бравших заложников из коренных жителей в северной

⁸³ Ср. дискуссию в журнале *Ab Imperio*, вызванную статьей Давида Снита: *Sneath. Tribe, Ethnos, Nation: Rethinking Evolutionist Social Theory and Representations of Nomadic Inner Asia*, которая, в свою очередь, основана на его книге: *Idem. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Inner Asia*. New York, 2007. Особенно интересны, в частности, материалы: *Abasin S., Lkhamsuren M.-E., Edgar A., Glebov S.* Forum *Ab Imperio*, Debating the Concepts of Evolutionist Social Theory // *Ab Imperio*. 2009. № 4. P. 80–109 (Sneath), 110–175 (Forum). – Применение термина «этническая группа» критикуется в: *Brubaker. Ethnicity without Groups*. P. 7–27.

⁸⁴ Хотя трансрегиональный подход данного исследования ограничивает его югом и востоком Российской империи, однако возникает вопрос, не была ли во второй половине XVIII века российская элита уже готова и не стремилась ли она проецировать установившееся к тому времени свое чувство превосходства также и на население западных периферий. Так, в доводах, которыми Екатерина II оправдывала раздел Польши, обнаруживаются элементы дискурса цивилизаторской миссии, согласно которому необходимо бороться с беспорядком, анархией и религиозным фанатизмом и защищать население от «одичания». Однако данная аналогия имеет свои границы. Данный дискурс не сопровождался *политикой* внешнего контроля над обществом в целом, сопоставимой с той, которая практиковалась в отношении народов на востоке и юге. – *Zernack. Polen und Rußland*. S. 263–315. Я хотела бы поблагодарить А. И. Миллера за предоставленный им повод к размышлениям.

⁸⁵ *Osterhammel. The Great Work of Uplifting Mankind*. P. 370.

⁸⁶ Вопрос о том, что образ мышления и практики элиты все же не могут быть проанализированы изолированно, но лишь с учетом взаимодействия с коренным населением, еще будет рассмотрен более подробно.

части Тихого океана, до губернатора Астрахани и географа и хрониста Оренбургской экспедиции. Понятие имперской элиты, таким образом, в принципе включает в себя и тех ученых или исследователей, которые писали об империи как империи, идентифицировали себя с ней и своим трудом непосредственно обслуживали нужды тех, кто принимал политические решения.

Однако при этом многочисленные этнографы и народоведы, которые в течение XVIII века с исследовательским энтузиазмом принимали участие в бесчисленных экспедициях и ознакомительных поездках петербургской Академии наук прежде всего в Сибирь, на Дальний Восток и Северный Кавказ, играют в данном исследовании скорее вспомогательную роль. Хотя они и способствовали распространению в центре империи знаний об этнических группах периферийных территорий и в этом смысле укрепляли имперскую власть, все же их статистика, топография и отчеты о путешествиях носят совершенно иной характер по сравнению с письменными свидетельствами их современников из непосредственного окружения политических и военных руководителей державы. Сознание собственного цивилизационного превосходства не занимает центрального места в научных трудах этнографов и народоведов. Они характеризуются преимущественно рационализмом и непредвзятой научной этикой, выражающей глубокое уважение по отношению к Творению и к разнообразию человечества⁸⁷.

Однако было бы неверным делать вывод на основе характера работы российских ученых, что в XVIII веке в российском государстве вообще не существовало сознания цивилизационного превосходства⁸⁸. Скорее различия между разнообразными группами акторов ясно показывают, что представители разных профессиональных сообществ ощущали себя принадлежащими к разным мирам⁸⁹. Только некоторые ученые видели себя на службе или орудием имперской политики. Напротив, представители имперской администрации не только анализировали свой опыт контактов с нехристианскими этническими группами на юге и востоке с начала XVIII века с учетом парадигмы цивилизованности, но и вырабатывали на основе этой парадигмы стратегии для изменения этих групп. Взаимодействие между научной средой, с одной стороны, и политико-административно-военными кругами, с другой, в XVIII веке происходило лишь в редких исключительных случаях. Поэтому в российском контексте не может идти речь о широком соучастии этнографов в колониальном господстве, как это происходило среди англичан и французов, о чем упоминает Эдвард Саид в характеристике введенного им термина «ориентализм»⁹⁰.

Принципиальным для понимания «русской элиты» в данной работе является учет ее полиэтнического состава. Понятие русской элиты включает в себя и остзейских немцев-помещиков, и переводчиков тюркского происхождения, и служилых людей из русскоязыч-

⁸⁷ Некоторые российские ученые XVIII века указывают, например, на разницу в уровне своих знаний и знаний представителей сибирских племен с шаманскими верованиями. Тем не менее они не делают из этого никаких выводов политического характера. *Slezkine*. *Naturalists versus Nations*; *Dahlmann*. *Von Kalmücken, Tataren und Itelmenen*; *Bucher*. *Wahrnehmung und Beschreibung des Schamanismus*; *Köhler*. *Russische Ethnographie und imperiale Politik*; *Glebov*. *Siberian Ruptures*.

⁸⁸ *Köhler*. *Russische Ethnographie und imperiale Politik*. См. рецензию на книгу *Vulpus* в «Sehepunkte»; *Glebov*. *Siberian Ruptures*. – О взаимозависимости немецкой и российской этнографии и народоведения в XVIII веке см.: *Vermeulen*. *Before Boas*.

⁸⁹ О практически герметичной изоляции «этнографического дискурса» от политических дискурсов см. также: *Погосян*. «О законе своем и сами недоумевают».

⁹⁰ *Said*. *Orientalism*. Западные концепции Востока. Новаторская книга Саида, по сей день оказывающая влияние на исследования, демонстрирует, что западные империи выработали стереотипные взгляды на азиатские народы и их культуру, чтобы этим оправдать свое право на колонизацию. – Исключениями среди российских ученых XVIII века были географы, картографы и историки И. К. Кирилов, В. Н. Татищев и П. И. Рычков, которые выступали и как исследователи, и как представители имперской и временами колониальной политики. Подробнее об акторах см. соответствующие главы. – О типичном соучастии этнографов, этнологов или позже антропологов в осуществлении политики колониализма в заморских владениях западноевропейских держав см.: *Trotha*. *Was war Kolonialismus?* S. 84; *Asad*. *Anthropology and the Colonial Encounter*. – О признаках ориентализма среди российских этнологов и антропологов XVIII века см.: *Schimmelpenninck van der Oye*. *Russian Orientalism*.

ных семей⁹¹. По этой причине прилагательное *русский* используется в нашей работе только тогда, когда речь идет об обозначении русского языка, о коренном населении русско-православной веры, чьим родным языком являлся русский, или о становлении Великого княжества Московского в дополиэтничный период его существования. Во всех остальных случаях, особенно для обозначения государства и его политической, военной и культурной элиты, последовательно используется термин *российский*, а сама страна называется «державой», «царством» (Reich) или «империей» (Imperium), но не «Россией».

Такой выбор лексики представляется уместным не только потому, что он отражает языковую дифференциацию языка источников XVIII века. Именно в эту эпоху, с приданием законченной формы петровскому государству, прилагательное *российский* вошло в повседневный язык для обозначения полиэтничного государства, а сама держава отныне именовалась *Российской империей*⁹². Однако прежде всего данная система понятий отражает растущее осознание имперской элитой этнического многообразия империи и тем самым является предметом данной работы.

Анализ имперского господства и постколониальные исследования

Поскольку в настоящем исследовании взаимодействие российской элиты и представителей нерусских этнических групп на юге и востоке освещается асимметрично, а акцент делается не на коммуникациях, сотрудничестве и жителях приграничья, а «только лишь» на концепциях и практиках российской стороны, данную работу можно было бы упрекнуть в том, что она «в очередной раз» предлагает исследование из ряда трудов «старой» историографии «белой» политики в отношении коренных этнических групп, где в качестве действующих лиц выступают прежде всего колонизаторы или колониальные власти, в то время как коренным народам присваивается статус объекта⁹³.

В действительности коренные этнические группы важны для настоящей работы настолько, насколько им удавалось влиять на концепции и стратегии имперской российской элиты, изменять их, препятствовать их реализации или вообще порождать их. Однако именно с учетом этих аспектов можно плодотворно использовать результаты постколониальных исследований в данной работе, в которой *middle ground*, поиск гибридных культур или идентичностей, не является основным предметом исследования⁹⁴.

Так, например, постколониальные исследования справедливо указывают на то, что стратегии имперских элит не следует приравнивать к их успешной реализации и, соответственно, не следует низводить колонизируемых до пассивно реагирующих в том смысле, как это пони-

⁹¹ Ср. аналогичное мнение в отношении остзейских немцев: *Kusber. Imperiale Wissenschaften und Expansion*.

⁹² Однако и по сей день многое из того, что касается происхождения и значения прилагательного *российский*, остается неясным. С одной стороны, *российский* впервые встречается уже в XVI веке (митрополит Макарий писал Ивану IV о «росийском царствии» и о «росийских царях»). ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 195). С другой стороны, в начале XVII века определение *российский* было распространено в польско-украинских кругах и, как правило, подразумевало всех православных славян, как, например, у архимандрита Елисея Плетенецкого и богослова Захария Копыстенского. *Rothe. What Is the Meaning of «Rossijskij» and «Rossija»*. P. 111; *Sysyn. The Image of Russia and Russian-Ukrainian Relations*, особенно S. 117–118. – Даже в XVIII веке различие между прилагательными *русский* и *российский* не всегда было строгим и зависело от контекста. *Ширле*. Понятие «Россия» в политической культуре XVIII века; *Она же*. Учение о душе и характере народов. С. 135.

⁹³ *White. The Middle Ground*. XXVII.

⁹⁴ Понятие *middle ground* изобрел Ричард Уайт. С его помощью Уайт определяет «место между: между культурами, народами и между империями и негосударственным миром деревень. Это область между исторической авансеной европейского вторжения и оккупации и задним планом поражения и отступления индейцев». *White. The Middle Ground*. XXVI. Уайт отвергает историографию, которая выстраивает строгую дихотомию между (белыми) колонистами и местным колонизируемым населением. – Убедительный анализ *middle ground* на Северном Кавказе, на Дону, в южных степях и в Якутии, учитывающий и XVIII век, предлагают: *Barrett. At the Edge of Empire*; *Boeck. Imperial Boundaries*; *Glebov. Siberian Middle Ground*. P. 121–154; *Malikov. Tsar, Cossacks, and Nomads; Khodarkovsky. Bitter Choices; Campbell. Knowledge and the Ends of Empire*.

мал Э. Саид⁹⁵. Вместо этого следует учитывать расхождения между ожиданиями имперских акторов или колониальных властей, с одной стороны, и фактическим *поведением* коренных этнических групп, с другой, то есть необходимо различать притязания на власть и властные отношения⁹⁶. При этом необходимо всегда иметь в виду и учитывать неопределенность населения *фронттира*, изменение участников местных и коренных миров, а также их взаимное влияние⁹⁷. Особого внимания заслуживает тот факт, что концепции и практики российской элиты постоянно обогащались опытом, полученным российскими акторами прежде всего посредством контакта с коренными народами в целом, а также с местными коренными элитами⁹⁸. Итак, данный труд обязан результатам постколониальных исследований, но для него актуальна не их тематика, а их методический подход и мультиперспективность, позволяющие рассмотреть, где это представляется очевидным, прямо выраженный или косвенный «протокол», касающийся местных жителей, который учитывался в концепциях и практиках правления российской элиты⁹⁹.

С другой стороны, важно не перегнуть палку, обоснованно отказываясь от строгого разделения метрополии и периферии, и взять в качестве объекта исследования исключительно «совокупности различных имперских ситуаций» и особенно синхронных ситуаций местного уровня¹⁰⁰. Семантика мгновенности, связанная с понятием «ситуации», несет в себе опасность упущения многовековых концептуальных и практических традиций российского имперского господства, а также их модификаций. Как показано в настоящей работе на примере различных сфер политики, основы имперских методов российской элиты возникли как раз *не* из конкретных коммуникаций или синхронно задуманной «совокупности различных имперских ситуаций». Скорее многие из рассматриваемых здесь практик веками передавались от правительства к правительству и опробовались, развивались и адаптировались к обстоятельствам в зависимости от изменения концепций, условий и сопротивления. Одной из таких принципиально новых концепций было принятие парадигмы цивилизованности.

К тому же подход, при котором любое взаимодействие метрополии и периферии рассматривается только как «имперская ситуация», таит в себе опасность упущения концепций и практик господства, перенесенных имперской элитой с одной периферии на другую. Поэтому исследования, которые обращаются к микроуровню коммуникаций отдельных лиц или малых групп, хотя и необходимы, но в то же время должны быть дополнены работами, рассматривающими широкие связи как на межрегиональном, так и на диахронном уровне, без нивелирования при этом имперского многообразия как в центре, так и на периферии¹⁰¹. В этом смысле работа выступает за более тесное, чем ранее, сочетание ситуативного подхода в истории империи с акцентом на административной преемственности и трансфере административных практик¹⁰².

⁹⁵ Саид. Ориентализм, особенно с. 7–47.

⁹⁶ Stoler. Along the Archival Grain. P. 182–234; Pagden. The Uncertainties of Empire.

⁹⁷ Bhabha. Of Mimicry and Man; Gruzinski. La Pensée métisse; White. Wild Frenchmen and Frenchified Indians; Feichtinger, Prutsch, Csaky (Ed.). Habsburg postcolonial, и здесь прежде всего доклады Анил Бхати и Петера Нидермюллера; Hárs, Müller-Funk, Reber, Ruthner (Hg.). Zentren, Peripherien und kollektive Identitäten.

⁹⁸ Об этом на примере колониальных столкновений в «новом мире»: Jennings. The Invasion of North America; Idem. The Ambiguous Iroquois Empire; Eccles. The Canadian Frontier, 1534–1760; Dowd. Wag the Imperial Dog.

⁹⁹ К этому уже давно призывал Рональд Робинсон, введший понятие «коллаборативные системы» (kollaboratives System): Robinson. Non-European Foundations.

¹⁰⁰ Так, в последнее время, об этом же: Cvetkovski. Introduction. P. 18.

¹⁰¹ К этому же недавно призывал Osterhammel. Die Verwandlung der Welt. S. 663.

¹⁰² Хотя А. И. Миллер отстаивает ситуативный подход в истории империй, с помощью которого стремится преодолеть как этнический, так и региональный подход, вместе с тем он не хочет рассматривать взаимодействия между различными перифериями изолированно друг от друга, но учитывать опыт и трансферы со стороны центральных властей (Р. 17). Miller. Between Local and Inter-Imperial. Однако опыт и трансферы нужно анализировать не только в их географическом разнообразии, но и в диахронном разрезе.

1.4. СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ И ИСТОЧНИКИ

Данное исследование базируется на многочисленных предшествующих работах. Главной из них по-прежнему остается фундаментальная работа о многонациональной империи, в которой А. Каппелер в 1992 году сфокусировал внимание на полиэтнической природе русского царства, вследствие чего, одновременно с возникновением государств – преемников Советского Союза, Российская империя в последние десятилетия оказалась предметом активного исследования историографии¹⁰³. При этом лишь в редких случаях трансрегиональные имперские концепции и практики господства российских правительств и имперской элиты исследовались с точки зрения XVIII века. Опираясь на новаторские исследования Б. Э. Нольде, М. Раева, Фредерика Старра, Юрия Слэзкина и дальнейшую работу А. Каппелера, в последние годы прежде всего М. Ходарковский и У. Сандерленд посвятили себя изучению фундаментальных проблем имперского российского господства и колонизации на примере российской политики в отношении территорий и этнических групп южных степей и Северного Кавказа¹⁰⁴. Им данная работа обязана существенными открытиями и стимулами.

В то же время данное исследование выходит за рамки упомянутых работ по двум аспектам. Во-первых, впервые всесторонне прорабатываются последствия принятия парадигмы цивилизованности имперской политикой российского царства в XVIII веке. Во-вторых, межрегиональный подход позволяет сосредоточиться на некоторых имперских концепциях и практиках, которые до сих пор не рассматривались вовсе или лишь кратко упоминались, проследить стадию их возникновения, проанализировать их в межрегиональной взаимосвязи и с учетом центральных тезисов данной работы описать их особую эволюцию в XVIII веке.

Весьма полезными оказались многочисленные монографии, посвященные двустороннему взаимодействию между российским центром и отдельными этническими группами на юге или востоке царства¹⁰⁵. Исследования *middle ground* также сыграли важную роль в данной работе. Речь идет о ситуации, возникшей из столкновения интересов и действий различных степных народов, коренного или переселенного казачьего населения, а также представителей российской администрации, в частности, вдоль реки Яик/Урал и на Северном Кавказе¹⁰⁶.

В вопросах, касающихся концепции и развития цивилизаторской теории, политики цивилизирования и миссии (или миссий) цивилизирования, исследование опирается на выдающиеся труды Ю. Остерхаммеля¹⁰⁷. Особая роль принадлежит его статье 2005 года, в которой впервые была заложена теоретическая база концепции цивилизирования и цивилизаторской миссии. Данную работу обогатило также недавнее исследование У. Хофмайстера, в котором он, опираясь на идеи Остерхаммеля, предложил тематически связанное исследование русских представлений о миссии цивилизирования в отношении Средней Азии в конце XIX века, что

¹⁰³ Помимо уже указанной литературы, см. обзор исследований: *Vulpus*. Das Imperium als Thema der russischen Geschichte; *Weeks*. Nationality, Empire, and Politics.

¹⁰⁴ *Nolde*. La Formation de L' Empire Russe; *Raeff*. Patterns of Russian Imperial Policy; *Idem*. Uniformity, Diversity, and the Imperial Administration; *Starr*. Tsarist Government; *Kappeler*. Rußlands erste Nationalitäten; *Слэжин*. Арктические зеркала; *Khodarkovsky*. Where Two Worlds Met; *Idem*. Russia's Steppe Frontier; *Sunderland*. Taming the Wild Field.

¹⁰⁵ См. уже процитированные работы, а также: *Аноллова*. Экономические и политические связи; *Басин*, *Сулейменов*. Казахстан в составе России.

¹⁰⁶ *Barrett*. At the Edge of Empire; *Boeck*. Imperial Boundaries; *Malikov*. Tsar, Cossacks, and Nomads; *Campbell*. Knowledge and the Ends of Empire.

¹⁰⁷ *Osterhammel*. Die Entzauberung Asiens. S. 235–270, 394–404; *Idem*. «The Great Work of Uplifting Mankind»; *Idem*. Europe, the «West»; *Idem*. Welten des Kolonialismus.

позволяет обнаружить преемственность и разрывы в диахронном сравнении идей цивилизации¹⁰⁸.

Обращение к литературе становится менее плодотворным, если коснуться вопроса о связи между восприятием идей Просвещения и имперской, а также колониальной политикой в царской державе. В то время как историография «русского Просвещения» до сих пор остав-ляла за рамками рассмотрения имперский или тем более колониальный аспект, связанный с восприятием просвещенческих идей и практик российскими акторами, данная тема уже давно занимает умы историков, изучающих западноевропейские колониальные империи¹⁰⁹. Поэтому большим подспорьем в работе стало знакомство с исследованиями о португальской и испанской политике XVIII века в Южной Америке, а также о французском господстве на Мадагаскаре¹¹⁰.

Важные импульсы работа приобрела благодаря основанному в 2000 году русско- и англоязычному журналу *Ab Imperio*, редакция которого позиционирует себя как пионера в направлении исследований под названием «Новая имперская история»¹¹¹. Это развивающееся во всем мире направление, а также инициация культурно-исторических исследований российского государства в значительной степени вдохновили данный проект. Одна из задач состоит в том, чтобы взглянуть на феномен империи безоценочно. Неэффективным представляется рассмотрение империи в традиции XIX века и его национальных движений или в традиции марксистской теории империализма как стадии, которую следует преодолеть или которая впоследствии была преодолена государством в своем развитии; в то же время не следует впадать в имперскую ностальгию и видеть в империях государственные образования, которые по природе своей поддерживали мир и сглаживали этнические и религиозные конфликты и исчезновение которых развязало руки сдерживаемому прежде насилию. Вместо этого предлагается решить более трудную задачу – подойти к изучению Российской империи как к феномену домодерна, с языком и коннотациями XXI века, которые по-прежнему формируются под влиянием эпохи национализма и преимущественно антиимпериалистических национальных движений.

Для этого крайне важно поставить восприятия и толкования современников в центр анализа и, таким образом, заняться рассмотрением языка самоописания империи в эпоху перемен в XVIII веке¹¹². В этом отношении в каждой главе этой книги важную роль играет история понятий, разработанная Р. Козеллеком в его многотомном труде «Основные исторические

¹⁰⁸ Hofmeister. Die Bürde des Weißen Zaren.

¹⁰⁹ Даже в недавних работах, посвященных Просвещению в Российской империи, не учитываются последствия рецепции просветительских идей в российской имперской политике. *Hamburg*. Russia's Path Toward Enlightenment; *Lehmann-Carli*. Aufklärung in Russland. S. 114–116; *Schippan*. Die Aufklärung in Russland; *Wirtschaftler*. Thoughts on the Enlightenment; *Renner*. Russland. – Влияние идей Просвещения на восприятие этнографической инаковости русскими учеными рассматривает *Slezkine*. Naturalists versus Nations. P. 39–45. – Недавние исследования о неоднозначной связи между идеями Просвещения, их восприятием и колониализмом в других регионах мира – *Tricoire*. Der koloniale Traum; *Tricoire, Pečar* (Hg.). Falsche Freunde; *Belmessous*. Assimilation and Empire; *Carey, Trakulhun*. Universalism, Diversity, and the Postcolonial Enlightenment; *Carey, Festa*. Introduction; *Stewart*. Journey to Empire; *Osterhammel*. Welten des Kolonialismus; *Weber*. Bárbaros; *Ghachem*. Montesquieu in the Caribbean; *Marshall*. Taming the Exotic.

¹¹⁰ Данный обмен мнениями оказался возможным благодаря организованный Дамьеном Трикуаром конференции, посвященной Просвещению и колониализму, доклады которой см.: *Tricoire*. Enlightened Colonialism, и прежде всего доклады, которые сделали Д. Трикуар, Мария Режина Селестино де Алмейда, Лиа Куарлери и Клеменс Капс.

¹¹¹ Герасимов, Глебов, Каплуновский, Могильнер, Семенов. В поисках новой имперской истории. – «Новые имперские исследования» (*Neue Imperiumsforchung*) сформировались под воздействием *Post-Colonial Studies* и в особенности британской «новой имперской истории» (*New Imperial History*). – В соответствии с этим новым подходом к изучению империй британская метрополия и ее заокеанские колонии больше не рассматриваются по отдельности, но выявляется глубокое воздействие имперской политики и ее восприятия в колониях на британские элиты и британскую политику в метрополии. См.: *Wilson*. Introduction; *Hall*. Civilising Subjects. – Обзор мирового развития «новой имперской истории», ее потенциала и исследовательских перспектив см.: *Hirschhausen*. A New Imperial History?

¹¹² Редакция *Ab Imperio*. Языки самоописания империи; *Aust*. Vergleich und Sprachen der Selbstbeschreibung.

понятия» («Geschichtliche Grundbegriffe»), усовершенствованная в последующие десятилетия в результате плодотворной критики и превращенная в исследование лексических полей и историю семантических полей, а также обогащенная ценными работами историков-русистов, посвященными центральным понятиям XVIII века¹¹³.

Угол рассмотрения, принятый в этом исследовании, таков, что в центре внимания находятся как те источники, которыми царские правительства задавали правовые и административные рамки для сосуществования в многонациональной империи, так и те, в которых проявляются рефлексии имперской элиты по поводу ее межрегиональных концепций и практик господства. В этом смысле можно в общих чертах определить четыре группы источников: первая включает документы, касающиеся правовых норм различных правоустанавливающих органов. К ним относятся среди прочего указы царей, правительственные законы, акты и решения Сената, Синода или отдельных коллегий, а также официальные дипломатические соглашения, присяги на верность вождям этнических групп и изволения органов принятия решений коренных народов.

Вторая группа источников включает документы исполнительного аппарата. К ним относятся не только инструкции, приказы и записки Коллегии иностранных дел и соответствующей региональной администрации, но прежде всего переписка между представителями различных иерархических уровней, между местными представителями администрации и элитой коренного населения. Некоторые из этих документов носят информационно-документальный характер (таблицы, сведения о населенных пунктах, описательные отчеты), другие являются стратегическими материалами (проекты, планы, мнения), третьи – отчетами вышестоящему государственному органу.

Третья группа состоит из документов сугубо личного характера, таких как мемуары, воспоминания, дневники, рукописи и путевые заметки. Четвертый тип источников включает русские летописи¹¹⁴.

Первый ресурс для ознакомления с источниками нормативно-правового характера – 48 томов «Полного собрания законов Российской империи», в котором, вопреки его названию, собраны отнюдь не только законодательные тексты, но и бесчисленные материалы второго корпуса источников¹¹⁵. Существенные дополнения были также взяты из «Сборников императорского Русского исторического общества»¹¹⁶.

Кроме того, мы, историки, работающие над имперской историей российского государства в XVIII веке, в большом долгу перед нашими коллегами, трудившимися в период заката Российской империи, а также перед советскими коллегами, особенно работавшими в 1930–1970-х годах: они собрали воедино бесчисленное множество ценных документов из центральных и местных архивов российской державы и Советского Союза, опубликовали их и снабдили грамотными вводными статьями и комментариями. Эти сборники источников широко отражают восприятие, стратегии и практики как правительственного центра, так и его административных, военных и экономических представителей на перифериях¹¹⁷.

¹¹³ Козеллек. Введение. С. 23–44; Koselleck. A Response to Comments; *Idem*. Begriffsgeschichten; Richter. The History of Political and Social Concepts; Bödeker. Reflexionen über Begriffsgeschichte; Reichardt. Wortfelder – Bilder – semantische Netze; Thiergen (Hg.). Russische Begriffsgeschichte; Живов (ред.). Очерки исторической семантики русского языка. – Ценный вклад в историю понятий Российской империи внесла И. Ширле – как своими многочисленными статьями, так и двухтомным сборником (под редакцией И. Ширле, Д. А. Сдвижкова и А. И. Миллера). Ширле, Сдвижков. Понятия о России. – В недавнее время ценность истории понятий была критически рассмотрена Sperling. «Schlafende Schöne»?; реплика по данной теме: Aust. Kommentar.

¹¹⁴ Состав третьего корпуса изученных документов представлен в списке литературы. Русские летописи изучались по: Полное собрание русских летописей (ПСРЛ).

¹¹⁵ ПСЗРИ. Т. 1–46. СПб., 1830.

¹¹⁶ СИРИО. Т. 1–148. СПб., 1876–1916.

¹¹⁷ Важнейшими источниками этого рода для Сибири, Дальнего Востока, региона северной части Тихого океана, Русской

Преимущественно опубликованные источники относятся к документам Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива и Архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Некоторые из опубликованных источников хранятся в архивах соответствующих регионов.

Документы, составленные сторонними наблюдателями, и письменные свидетельства представителей нерусских этнических групп, опубликованы преимущественно как в оригинале, так и в русском переводе¹¹⁸. Однако тексты, выполненные *современными документу* переводчиками представителей нерусских элит, необходимо рассматривать в качестве первоисточников с определенной осторожностью. Учитывая проблемы, связанные с переводом на русский язык в то время, их можно лишь в ограниченной степени считать достоверным отражением реакций коренных акторов¹¹⁹.

Но взгляды и поведение групп коренного населения (и здесь в первую очередь их элит) также просматриваются и в документах, составленных российскими акторами. Так, в них широко обсуждается сопротивление коренных народов или стратегические соображения российской стороны о способах его преодоления. С оговоркой, что именно «российская призма» всегда определяла тему и содержание, «местный протокол», таким образом, включался в формирование, а также в реализацию имперских российских практик¹²⁰. Не меньший интерес, чем вопросы о том, каким образом государственные служащие воспринимали коренное население, какими знаниями они при этом обладали и какие выводы они делали из этих знаний, вызывает вопрос, о чем они в каждом конкретном случае умалчивали¹²¹.

Америки стали в настоящей работе (названия сокращены): Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке; Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.; Русские открытия в Тихом океане; *Ефимов, Орлова* (ред.). Открытия русских землепроходцев. – *Для южных степей*: КРО. Т. 1; КРО. Т. 2; МПИК ССР; МипсК; История Буковинского ханства. 1801–1852 гг.; МПИБ АССР; РТуркО; Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв.; Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV – XVII веке. – *Для Северного Кавказа*: КаБРО. Т. 1–2; Русско-осетинские отношения в 18 веке; РДагО. Т. 1–3. – О названных регионах ценная информация содержится также в РМонгО. Т. 1–3.

¹¹⁸ Так, например, казахские тексты как в оригинале, так и в переводе опубликованы в КРО. Т. 1. Эти тексты вышли из-под пера личных секретарей (*абызов*), которых содержал на службе каждый казахский хан, султан или знатный предводитель племени. О проблеме недостаточной образованности многих из этих секретарей, что негативно отражалось на качестве текста, см.: *Киреев, Алейникова, Семенов, Шоинбаев*. Предисловие // КРО. Т. 1. XV.

¹¹⁹ Многим переводчикам не хватало знаний. Кроме того, историк не может точно определить, не приспособил ли, и если да, то в какой степени, переводчик оригинальную цитату или оригинальный текст к горизонту ожиданий адресата, как правило местной административной российской элиты, не смягчил ли он острые формулировки или не опустил ли их вовсе. О проблематике недостаточности переводческих навыков с русской точки зрения той эпохи см.: *Татищев*. Разговор двух писателей о пользе науки и училищах [1733] // *Избранные произведения*. С. 89. Наряду с этим: *Khodarkovsky*. *Russia's Steppe Frontier*. P. 69–75; *Schierle*. «Sich sowohl in verschiedenen Wissensgebieten als auch in der Landessprache verbessern». О проблеме переводов в испанском колониальном контексте: *Rafael*. *Contracting Colonialism*.

¹²⁰ Отсутствие письменной традиции у многих нехристианских народов российских периферий в XVIII веке затрудняет привлечение первоисточников нерусских акторов с целью получения из них дальнейших знаний об имперских российских практиках.

¹²¹ *Stoler*. *Along the Archival Grain*. P. 17–53; *Landwehr*. *Geschichte des Sagbaren*. S. 173; *Tricoire*. *Enlightened Colonialism?*

1.5. СТРУКТУРА РАБОТЫ

Поставленный в начале введения вопрос, существовала ли империя в восприятии государственной элиты в смысле политики дифференциации *до* 1721 года, стал отправной точкой второй главы. Она посвящена фундаментальной проблеме – в какой степени и при каких условиях нерусские группы населения становились или могли стать подданными царя. Глава затрагивает, таким образом, основополагающий аспект – как вообще выглядела русская концепция подданства *до* XVIII века. Возможно ли в особенностях конкретных процедур приема и последующего правового статуса обнаружить различия между приемом под власть княжества Московского, а позже Московского государства, с одной стороны, русскоязычных групп, а с другой – нерусского населения? Отражается ли в концепции подданства имперский характер Российской империи или скорее характер унитарного государства? Какие трансформации, оказавшие влияние на концепцию российского подданства в XVIII веке, можно выделить на фоне концепции подданства прошлых веков?

В третьей главе основной тезис работы – эпохальный исторический поворот в имперской политике российского государства через принятие парадигмы цивилизованности – рассматривается как бы в миниатюре, осмысливается на примере центрального элемента, которым подданство русских отличалось от подданства нехристианских этнических групп на юге и востоке: речь идет о российской практике взятия заложников. Поскольку эта имперская практика имела решающее значение для прочного закрепления российской экспансии в отношении всех рассматриваемых этнических групп и в некоторых случаях сохранялась вплоть до середины XIX века, а в историографии данному методу уделялось до сих пор мало внимания, этому вопросу посвящена отдельная глава.

История возникновения заложничества со времен Киевской Руси, во-первых, опровергает прежде всего до сих пор едва ли оспариваемое мнение, будто Великое княжество Московское переняло этот метод у монголов и якобы даже детали этой практики несут на себе монгольский отпечаток. В продолжение этой мысли в работе приводится тезис о том, что имперское заложничество было заимствовано Московским государством из османской традиции через Северный Кавказ в XVI веке и впоследствии обрело специфически русский или российский характер. В этом варианте заложничество применялось в *де-факто империи* XVI и XVII веков от Северного Кавказа до Камчатки. Только на фоне знаний об особенностях практики московского заложничества становится понятной степень ее трансформации, произошедшей в XVIII веке, а именно – изменения в отношении к заложникам, которые рассматривались уже не как оставленные в залог и подлежащие хранению объекты, а как объекты цивилизаторских планов и колониальной эксплуатации.

Это создает предпосылки для четвертой и самой длинной главы, состоящей из шести подразделов, каждый из которых носит самостоятельный характер, и на примере широкого спектра тем освещающей изменения в имперских концепциях и практиках господства в XVIII веке. В то время как в главах о подданстве и взятии заложников итоги подводятся только в конце, гораздо больший объем четвертой главы делает целесообразным подведение итогов после каждого подраздела.

В первом подразделе (4.1) прослеживаются все три шага формирования российского цивилизаторского дискурса в имперском измерении в XVIII веке: возникновение понятийного поля «цивилизованности» и «цивилизации», самоатрибуция российского населения/российского государства как цивилизованного (независимо от инициированного Петром I параллельного дискурса цивилизования собственного населения), а также воля к цивилизованию остального нерусского населения на основе предполагаемой собственной цивилизованности и цивилизации.

Цель пяти последующих подразделов состоит в том, чтобы продемонстрировать, как интеллектуальное принятие парадигмы цивилизованности породило политическую практику, которая иногда следовала колониальным образцам. При этом в центре внимания в первую очередь находятся зарождение и изменение определенных дискурсов и практик российской элиты. Вопросы о воздействии, масштабах и устойчивости практик хотя и рассматриваются, но в целом играют второстепенную роль.

Прежде всего (4.2) рассматривается стратегия российской элиты, которая использовала старую традицию строительства оборонительных линий на южном *фронтире* государства в XVIII веке для проведения новой территориальной политики, в соответствии с принципами которой производилось фундаментальное вмешательство в жизнь уже покоренных, нехристианских этнических групп с целью «организовать» ее в соответствии с российскими интересами и потребностями.

В следующем подразделе (4.3) раскрывается значение принудительной массовой христианизации, которая была начата Петром I и которая лишь на первый взгляд имела религиозные цели: на самом же деле речь шла о переходе от завоевательной политики к «политике цивилизования». Четвертый подраздел (4.4) посвящен расширению этой кампании путем вмешательства в образ жизни и экономический уклад коренных народов. Тема пятого подраздела (4.5) – постепенное выхолащивание и преобразование местных властных и правовых структур в соответствии с российскими интересами и на основе убеждения в собственном цивилизационном превосходстве. Шестой и последний подраздел (4.6) обрамляет все предшествующие, поскольку в нем рассматриваются базовые концепции и практики русской культуры господства, которые использовались для установления лояльности и отчасти для «цивилизации» нерусских групп населения на юге и востоке.

В то время как в главе о заложничестве более или менее сбалансированно представлен межрегиональный (и диахронный) подход в исследовании Северного Кавказа, южных степей, Сибири, Дальнего Востока, северной части Тихого океана и Русской Аляски, в четвертой главе регионально обусловленные различия и тематический охват требуют выдвижения на первый план различных периодов и районов в зависимости от рассматриваемых тем. В случае территориальной колонизации в центре внимания оказываются южные и юго-восточные степные народы; однако при рассмотрении трансфера новой региональной политики сюда включается и Северный Кавказ. Кампания по христианизации Петровской эпохи анализируется в первую очередь на материале этнических групп Сибири и Дальнего Востока, а также – в гораздо меньшей мере – Среднего Поволжья. Что касается вмешательства в образ жизни и экономический уклад, здесь на переднем плане оказываются степные народы и Северный Кавказ, в то время как этнические группы северной части Тихого океана и Русской Аляски лишь кратко упоминаются.

После краткого обзора различных российских подходов к структурам господства нерусских этнических групп от Северного Кавказа до якутов и ительменов, подробно анализируются выхолащивание и трансформация властных и правовых структур коренных народов на примере калмыков и казахов. Последний подраздел, раскрывающий такой аспект российской культуры господства, как достижение лояльности через милость и дары, вновь касается всех нерусских этнических групп на юге и востоке империи.

2. КОНЦЕПЦИЯ ПОДДАНСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ИМПЕРИИ

В XVIII веке Российская империя значительно расширилась не только территориально. Помимо завоевания остзейских губерний, броска на Дальний Восток и в Русскую Америку, присвоения южных степей, Крыма и территорий разделенной Польши, именно в эту эпоху сформировались прежде всего ее особые характеристики, институты и властно-политические практики¹²². Одной из сложнейших, но одновременно и важнейших задач для государства было определение того, при каких условиях соответствующее коренное население и его вожди могли или должны были стать союзниками, опекаемыми или подданными империи в случае аннексии. То, как решался этот вопрос, оказывало важнейшее воздействие на степень успешности имперской экспансии. Кроме того, это в значительной степени определило путь, по которому континентальная империя пошла при формировании населения своего государства. Поэтому в данном параграфе на примере разработки концепции подданства будет описано, как два важных процесса в российской державе, одновременно и тесно переплетаясь, концептуально завершились: процесс образования государства и процесс образования империи.

В то время как концепция российского подданства в смысле «натурализации» посредством индивидуальной добровольной иммиграции уже изучена в литературе, имперский его аспект в значительной степени остается неисследованным¹²³. В своем новаторском исследовании о подданстве в Российской империи либеральный русский историк права В. М. Гессен в начале XX века пришел к выводу, что до петровского времени единственной возможностью для иностранца вступить в подданство являлось обращение в православие¹²⁴. Гессен тем самым проигнорировал тот факт, что к 1700 году к российскому царству уже «присоединилось» бесчисленное множество неправославных этнических групп, то есть они приняли подданство с присягой правителю, не меняя своей веры. Наоборот, им даже было дано указание принять присягу в собственной вере (подробнее о присяге согласно собственной вере речь пойдет ниже).

Пренебрежение имперским аспектом подданства тем удивительнее, что в XVII и особенно в XVIII веке в результате имперской экспансии удалось включить в состав царства гораздо большее количество подданных, чем когда иностранцы принимали подданство путем индивидуальной добровольной иммиграции. Таким образом, взгляд на концепцию подданства, который учитывает только «натурализацию» через индивидуальную добровольную иммиграцию, дает неполную картину или приводит к неверным выводам.

Что же понимала русская и российская сторона под подданством в своем царстве? Каковы истоки этого понимания и с чем оно может быть связано? Как оно было оформлено терминологически? Какое значение придавалось понятию подданства в имперском контексте? И какие изменения это понятие претерпело в XVIII веке? Итак, в дальнейшем нас будут интересовать не только правовые вопросы «членства» в царском союзе господства. Вместо фор-

¹²² О значении XVIII века в развитии российских имперских практик: *Каменский*. Подданство, лояльность, патриотизм. С. 60.

¹²³ Наиболее существенное исследование, как и прежде, принадлежит *Гессен*. Подданство. С. 203–206. Кроме того: *Woltner*. Untertanenschaft von Westeuropäern; *Николаев*. Подданство Российской империи. – Хотя Эрик Лор также рассматривает имперский аспект подданства, он почти не затрагивает XVII и XVIII века. *Лор*. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. – Об истоках концепции подданства в XV и XVI веках: *Трепавлов*. Присоединение народов к России. С. 198–205; *Шаблей*. Подданство в Азиатской России. – В другой работе В. В. Трепавлов рассматривает также и XVIII век, исследуя, однако, вопрос, как *местные* этнические группы воспринимали свое подданство, а не то, как выглядела *российская* концепция подданства. *Трепавлов*. «Белый царь». С. 134–197.

¹²⁴ *Гессен*. Подданство. Т. I. С. 203–206.

мального институционального анализа речь пойдет в первую очередь о политических концепциях и практиках, которые применялись во время и после принятия в российское подданство нерусских и нехристианских этнических групп.

Подход, ограничивающийся юридическими вопросами, потерпел бы неудачу из-за того, что Московское государство, несмотря на постоянную иммиграцию и продолжавшуюся имперскую экспансию, не регулировало процесс приема людей в свое подданство почти до середины XVIII века или действовало по-разному от случая к случаю. И даже в XVIII веке отсутствовало законодательство, которое бы общеобязательным образом определяло, как должно происходить включение аннексированной этнической группы в подданство и какие права и обязанности с этим связаны. Несогласованность в действиях российских правительств и терминологическая неопределенность делают невозможным юридически однозначное определение подданства для раннего Нового времени. Говоря словами историка В. М. Гессена, который уже цитировался ранее: «В высшей степени трудно ответить на вопрос: кто является подданным и кто иностранцем в XVIII веке»¹²⁵.

¹²⁵ Гессен. Подданство. Т. I. С. 209.

2.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОДДАНСТВА

Стремление понять российскую концепцию подданства в XVIII веке приводит к вопросу о том, какое представление являлось преобладающим *до того времени* или с какого момента в Московском царстве вообще существовало представление о подданстве. Американский историк Э. Лор рассматривает включение гетманской Украины в 1654 году как парадигму принятия в подданство в процессе имперской экспансии¹²⁶. При этом он опирается на анализ российского ученого-правоведа Б. Э. Нольде. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что Нольде назвал случай гетманской Украины лишь источником формирования системы «русских областных автономий»¹²⁷.

Несомненно, Переяславское соглашение как правовой акт о приеме казачьей Гетманщины, названный по месту его заключения, сыграл выдающуюся роль в формировании концепции русского и российского подданства. В этом вопросе еще предстоит разобраться подробнее. Однако соглашение не стало отправной точкой имперской экспансии. Вероятно, уже в то время существовали «образцы для подражания» при принятии в подданство, уходящие корнями гораздо глубже в историю Московского царства и его формирования. Ведь именно в XV и XVI веках обнаруживаются ключевые элементы, влиявшие на концепцию подданства до конца существования империи. Знание о них является ключом к пониманию подданства также и в XVIII веке.

Основание империи обыкновенно связывают с завоеванием в середине XVI века ханств Золотой Орды, а именно Казани и Астрахани. Московское правительство уже господствовало над полиэтническим населением, когда царь Иван IV вместе с этими ханствами впервые аннексировал государственные образования с чуждой, не восточнославянской и прежде всего нехристианской высокоразвитой культурой. Но и в этих случаях русские завоеватели применяли средство подчинения, которое ни в коем случае не было новым, но давно было им знакомо, – присягу на верность. Московские войска весной 1551 года окружили расположенные западнее Волги районы у Казани, отрезали пути снабжения, начали строительство крепости Свияжск и с помощью военных атаковали население. Жители правого берега Волги, именуемого «Горной стороной», решили «добровольно» подчиниться московским представителям из Свияжска. Русская сторона немедленно преобразовала это «желание подчиниться» во включение в *подданство* московского царя: царские слуги заставили всех людей Горной стороны (*горных людей*) «князеи и мырз и сотных князей и десятных и Чювашу и Черемису и Мордву и Можяров и Тарханов» московскому царю «по своей вере правду государю дать», что они и их дети будут царю и князьям «неотступным быти», «служити и хотети во всем добра»; что податные люди будут платить «дани и оброки, как их государь пожалует» и что они не будут держать в плену русских людей¹²⁸.

¹²⁶ Лор. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. С. 53.

¹²⁷ Нольде. Очерки русского государственного права. С. 287.

¹²⁸ Летописец начала царства Царя и Великого Князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 62. – Перечисленные в летописи группы, приносившие присягу, ясно дают понять, что московская сторона в это время мало различала социальные, этнические и функциональные категории. Слово *мирза*, заимствованное из персидского языка, было аристократическим титулом тюркоговорящих народов, *тархан* – титул, происходящий из монгольского или османского контекста, который обозначал привилегированное сословие или сословие, освобожденное от уплаты податей. Другие обозначения групп носили этнический, функциональный или социальный характер. Больше о титуле *тархан* в гл. 4.6. – Присяга на верность, приносившаяся людьми Горной стороны Казанского ханства, отличалась от присяги, которую позже давали татары с другой стороны реки – Луговой. В то время как Горная сторона перед лицом военной угрозы сдалась «добровольно» и получила за это привилегию в виде трехлетнего освобождения от уплаты дани, для татар с другой стороны, которые принесли присягу только после военного поражения, не было никаких льгот. Таким различным обращением с казанским населением в зависимости от того, было ли принятие подданства «добровольным» или насильственным, Московское государство создало прецедент, на который ориентировались соответствующие процедуры при покорении других территорий. Трепавлов. «Белый царь». С. 140–142.

Правда, многие представители татарского высшего слоя уклонились от присяги, перебравшись на другую сторону реки¹²⁹. Завоевание всего Казанского ханства затянулось еще на полтора года. Но решающее значение на данном этапе имеет не количество новых подданных или скорость, с которой совершалась аннексия, а вопрос о том, как и какими средствами московская сторона присоединила к себе политически и культурно чуждые этнические группы. Патриция Сид в своей книге о формах европейского завоевания и захвата земель и народов показала, насколько по-разному англичане, французы, испанцы и голландцы стремились закрепить свои завоевания в раннее Новое время¹³⁰. Средства установления имперского господства над местными жителями (и их землей) основывались на практиках, жестах, процедурах или речах, знакомых им по их собственному, земляческому контексту.

У англичан ритуал имперского присвоения возник из риторики садоводов, практики землевладельцев и аграрных ритуалов плодородия: претензии на право собственности возникали на основании того, что хозяин возделал и огородил поле и построил на нем дом. У французов важную роль играли процессии по модели коронации их собственных королей, у голландцев притязания фиксировались в первую очередь с помощью карт и крайне детальных описаний, у португальцев элитарная традиция исламской и еврейской астрономии и математики предполагала, что территориальные притязания должны проявляться через точное описание наблюдаемых небесных тел.

Для морских империй было характерно осуществлять притязания на господство с помощью преимущественно *территориально* ориентированных практик. Континентальным империям, таким как Московское царство, напротив, были близки другие ритуалы. Русские не устанавливали никаких знамен на землях ханства, они не отправляли в Москву никакого дерна, они не описывали положение звезд, наблюдаемое в тех местах, не составляли подробных карт земель и не устанавливали своего господства посредством торжественного чтения соответствующих документов перед жителями ханств.

В ходе экспансии до XVIII века включительно царская имперская элита не столько открывала для себя «новую землю», сколько стремилась установить господство на более или менее знакомых территориях над живущими там коренными сообществами и приобрести для царя больше плательщиков дани¹³¹. Земля играла в Московском государстве лишь роль поверхности, на которой находилось аннексированное население. Следовательно, речь шла об установлении таких ритуалов для упрочения собственного господства, чтобы это привязало *людей* к новому правителю. На этом фоне становится понятным, почему московская имперская элита в ходе имперской экспансии с самого начала и в первую очередь осуществляла присоединение с помощью присяги на верность местных жителей. Принесение присяги на верность связывалось с фундаментальной целью придать людям новую политическую идентичность. Поэтому до конца монархического периода российской истории этому ритуалу придавалось важнейшее значение.

Однако такого понимания господства, согласно которому для русского царства важны были не столько «новые» земли, сколько вновь присоединенное население, еще недостаточно, чтобы объяснить значение присяги на верность для русской и российской истории. Скорее, в соответствии с концепцией П. Сид, представляется намного более важным поиск более ранних традиций, чтобы понять, почему в качестве решающего критерия включения жителей некоей территории в состав российского государства рассматривалось только обращение к практике

¹²⁹ Трепавлов говорит о «большинстве татарских аристократов». Трепавлов. «Белый царь». С. 140. А. Каппелер ссылается на выводы советских историков, которые, опираясь на свидетельство «Казанской истории», подчеркивали, что «некоторые князья и мурзы» уклонились от присяги. Kappeler. Rußlands erste Nationalitäten. S. 72.

¹³⁰ Seed. Ceremonies of Possession. P. 5, 16–41.

¹³¹ Slezkine. Naturalists versus Nations. P. 27; Sunderland. Imperial Space. P. 35 f.; Winkler. From Ruling People to Owning Land. P. 323; Kivelson. Cartographies of Tsardom. Особенно гл. 7.

присяги на верность и как данная практика интерпретировалась. Полезно в этой связи обратиться к внутренней практике Руси в эпоху Средневековья. Фактически присяга в виде клятвы верности играла важную роль еще во времена Киевской Руси. После принятия христианства в 988 году князья династии Рюриковичей усвоили практику присяги на верность в сочетании с христианскими символами: прежде всего целование креста, которое являлось самой священной формой присяги и превалировало над другими формами, такими как целование икон, прикосновение к мощам или клятва с поднятой над Библией правой рукой¹³².

В конце XIV – начале XV века целование креста, совершенное крестоцеловальником, стало центральным элементом при поступлении восточнославянской служилой знати на службу к московским князьям. В ходе борьбы между Литвой и Москвой за объединение русских земель особое значение приобретала верность тех дворян, которые происходили из областей, близких к границе между Литвой и Москвой. Русский ритуал присяги либо закреплял переход из иного господства в русское/российское, либо приводил к присяге служилую знать на спорных территориях. Присяга стала средством привязки новых дворян к собственному двору, установления связи с ними и, таким образом, обеспечения внутренней стабильности¹³³.

С первой победой, одержанной в 1380 году над татарским войском, Великое княжество Московское значительно расширило свое главенствующее положение. Столетие спустя последовало насильственное присоединение Новгорода (1478), а еще через два года произошел формальный выход Москвы из-под власти Золотой Орды. Концепция единства правителя и его дружины, восходившая ко временам Киевской Руси, была заменена в эти времена усиления Великого княжества Московского необходимостью обеспечить постоянно растущую империю сплоченностью иного рода. Хотя концепция верного служения дворян князю сохранилась, она была изменена: великий князь Иван III исключил из присяги на верность всякую идею обоюдности. Кроме того, он принуждал к тому, чтобы каждый, кто когда-либо принес присягу верности московскому правителю, оставался связан ею навсегда. Отныне бояре были лишены возможности ухода к другому князю¹³⁴.

Кроме того, в начале XV века был упразднен обычай времен Киевской Руси, позволявший приносить присягу на верность устно. Отныне церковь допускала в качестве присяги только *крестоцеловальные записи*, фиксируя и формализуя тем самым отношения господства между великим князем и дворянами¹³⁵. Те, кто прежде были дружинниками, «возлюбленными братьями» князя, теперь превратились в подданных, «от природы» обязанных служить. На смену дружбе и взаимности пришла полная и безусловная преданность служилой знати правителю¹³⁶.

Хотя зафиксированное в грамотах крестоцелование, посредством которого скреплялись клятвой отношения господства и подчинения, поначалу еще нельзя было рассматривать как *прямое* выражение присяги на подданство, нет сомнений в том, что не позднее XV века целование креста *де-факто* превратилось в присягу на подданство¹³⁷. Воззвание великого князя

¹³² О возникновении и значении целования креста: *Стефанович*. Крестоцелование; *Dewey, Kleimola*. Promise and Perfidy; *Федоров*. О форме присяги в России.

¹³³ *Stefanovič*. Der Eid des Adels gegenüber dem Herrscher. S. 502. – Присяга обыкновенно рассматривается как «древнейший этнологический феномен» (Герхард Дильхер). Первая зафиксированная в источниках присяга на подданство была дана в 534 году, в эпоху Меровингов. Впоследствии она играла важную роль во многих культурах, не в последнюю очередь в германо-немецкой правовой жизни. О значении и развитии политической присяги в европейской конституционной истории см.: *Dilcher*. Eid; *Friesenhahn*. Der politische Eid; *Prodi*. Der Eid in der europäischen Verfassungsgeschichte; *Idem*. Das Sakrament der Herrschaft; *Reiling*. Untertaneneid; *Munzel-Everling*. Eid.

¹³⁴ *Кауцманов*. Государь и подданные на Руси. С. 227; *Alef*. Das Erlöschen des Abzugsrechts der Moskauer Bojaren; *Dewey, Kleimola*. Promise and Perfidy. P. 334.

¹³⁵ *Stefanovič*. Der Eid des Adels gegenüber dem Herrscher. S. 498.

¹³⁶ Подробно о практике крестоцелования: *Стефанович*. Религиозно-этнические аспекты; *Он же*. Крестоцелование.

¹³⁷ *Stefanovič*. Der Eid des Adels gegenüber dem Herrscher. S. 503.

Василия III точно отражает это, хотя и относится уже к началу XVI века. Согласно повелению князя, все, «кто хочет сидеть в Московском государстве», обязаны были целовать крест. Те, кто отказывался от целования креста, должны были покинуть Москву¹³⁸.

Петр Сергеевич Стефанович убедительно доказал, что сакрализованная, личная привязанность дворян к великому князю московскому *не* была проявлением социально-сословной традиции вассалитета, что она *не* устанавливала договорных отношений, как это было принято в Западной Европе в духе ленных отношений между сеньором и вассалом. Там вассальная присяга верности как выражение социально-сословных отношений между князем или королем и его знатными приближенными с конца VIII – начала IX века была даже правоустанавливающей для вассальной зависимости¹³⁹. В случае русской истории – в Великом княжестве Московском – присяга, осуществляемая с целованием креста, представляла собой политическое соглашение, которое воспринималось не как договор, а только как принятие человека в число подвластных, предоставленное ему исключительно *милостью* правителя.

Юрий Михайлович Лотман, основатель Тартуско-московской семиотической школы, предвосхитил выводы П. С. Стефановича и объяснил их на культурологическом уровне. Согласно Ю. М. Лотману, с русской средневековой точки зрения царская власть была образом небесной власти, в котором воплощалась «вечная истина». Ритуалы власти должны были быть подобием ритуалов божественного порядка. «Перед ее [власти правителя] лицом отдельный человек выступает не как договаривающаяся сторона, а как капля, вливающаяся в море. Отдавая себя [власти], он ничего не требует взамен, кроме права отдавать себя»¹⁴⁰.

Эта базовая концепция милости правителя при приеме новых подданных была продемонстрирована уже при окончательном подчинении Новгорода, состоявшемся в 1478 году. Царь Иван III настаивал на идее, что он не такой правитель, который заключает договоры со своими подданными, а такой, который лишь оказывает им милость. В то время как представители Новгорода хотели обязать царя выполнить определенные условия договора (*крест бы целовал*), Иван III категорически отказался брать на себя какие-либо обязательства со своей стороны, ссылаясь на покорение как на акт милости¹⁴¹.

Это представление о характере царской власти как источнике милости, но никак не уступок, в многочисленных вариациях встречается на протяжении веков¹⁴². Вплоть до Нового времени оно являлось одним из центральных компонентов русского и постепенно развивающегося российского имперского мышления. Соответственно, термины «милосердие» и прежде всего «милость», пожалуй, чаще всего встречаются в источниках – документах государственного происхождения.

¹³⁸ О крестном целовании и об измене. Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. М., 1965 [перепечатка издания СПб., 1910]. № 169. С. 62.

¹³⁹ Однако присяга на верность сеньору изначально развивалась из клятвы верности в ходе прогрессирующей феодализации. Поэтому долгое время оставалась осязательной родственностью в языковом плане между присягой на подданство и присягой на верность сеньору, хотя исследователи придерживаются того мнения, что и в Средние века существовали две качественно совершенно отличные друг от друга присяги на верность. О дебатах историков права по поводу характера присяг на верность в период Карла Великого: *Holenstein. Die Huldigung der Untertanen*. S. 25–27, 115–118; *Munzel-Everling. Eid*. Sp. 1249–1261.

¹⁴⁰ Лотман. Семиосфера. С. 377.

¹⁴¹ Флоря. Иван Грозный. С. 98.

¹⁴² В качестве особо примечательного примера, когда московская концепция милости столкнулась с сопротивлением и, однако, российская сторона смогла настоять на том, что царь не должен связывать себя договорными отношениями, можно привести Переяславский договор, заключенный в 1654 году между Москвой и казачьей Гетманщиной. Подробнее об этом далее. – Даже «капитуляция» 1710 года, с помощью которой российская держава присоединила Остзейские губернии, в официальном дискурсе Петровской эпохи не получила договорного характера. Вместо этого было заявлено, что царь имеет законные притязания на Лифляндию и Эстляндию как на родовое наследственное имущество (*вотчина*). Он только воспользовался своим правом предоставлять защиту жителям, которые ранее подвергались притеснениям со стороны Швеции. С таким нарративом связывалась старая концепция милости. В то же время одновременно был заложен фундамент для будущих конфронтаций между царским правительством и остзейскими губерниями по поводу вопроса о том, обладает ли содержание капитуляции 1710 года для преемников Петра I юридически обязующей силой. *Piirimäe. The Capitulations of 1710*.

Примером неизменности концепции даже в XVIII веке является наставление Александра Ивановича Румянцева, губернатора Астрахани и Казани, Василию Никитичу Татищеву, датированное 1736 годом, в котором он объясняет В. Н. Татищеву, как следует поступить с башкирами, восставшими против условий их царского подданства:

Е. И. В. не повелит з бунтовщиками договор чинить, токмо им надлежит в том милосердия просить. <...> ни в никакой договор с ними вступать не извольте, а пристойным образом можете им сие внушить, что сие будет предсудительно Е. И. В. самодержавной власти и высочайшей императорской чести, чтоб с своими подданными <...> договоры чинить¹⁴³.

Концепция милости также является более глубокой сущностью мыслеобраза, который американский историк Брюс Грант разработал и определил как «дар империи» (*gift of empire*) в отношении позиции российского государства на Северном Кавказе в XIX веке, не указывая на глубоко укоренившуюся традицию, лежащую в ее основании¹⁴⁴. Для анализа имперского мышления в XVIII веке в рамках этой работы представление о правителе, оказывающем милость, играет весьма важную роль, причем отнюдь не только в главе о подданстве¹⁴⁵.

Во всяком случае, еще до основания многонациональной империи, в ходе укрепления высокого положения Великого княжества Московского в борьбе за то, кому быть преемником Золотой Орды, основные элементы концепции подданства были заложены во внутрисословном контексте. Эти элементы по большей части или, возможно, даже полностью реализовались, когда в XV веке Иван III приказал организовать походы в так называемую Югорскую землю в Западной Сибири и присоединить к своему царству такие нерусские этнические группы, как остяки и вогулы, или их вождей¹⁴⁶. Определенно эти же элементы применялись, когда в XVI веке, как уже упоминалось, впервые встал вопрос о том, чтобы аннексировать представителей стоящего высоко в культурном отношении Казанского ханства с мусульманской структурой правления. Именно *одна и та же* концепция подданства с принесением присяги на верность и представлением о милости в качестве ее базовых элементов была – и это образует особенность российской державы при сопоставлении империй – осуществлена и при присоединении носителей высокой культуры Казанского ханства, и при «собираании земель Киевской Руси» Великим княжеством Московским в предшествующие десятилетия¹⁴⁷. Здесь, уже в генезисе Московского государства, лежит ключ к пониманию неразрывного переплете-

¹⁴³ Письмо А. И. Румянцева В. Н. Татищеву с определениями на представленные ему Татищевым требования восставших башкир // МпБ. Т. 6. № 137 (06.08.1736). С. 240–242, здесь 241.

¹⁴⁴ Grant. The Captive and the Gift.

¹⁴⁵ См. особенно гл. 4.6.

¹⁴⁶ Под давлением военного похода московитов оба югорских «князя» Калпак и Течик в 1465 году покорились Московскому великому князю, возможно, в форме еще не зафиксированной письменно присяги на верность. Хотя в летописи не упоминаются понятия, которые соответствовали бы принесению присяги («дать роту» или «дать правду»), однако весь процесс позволяет предположить, что в 1465 году была принесена именно присяга: югорские «князья» были специально привезены в Москву к великому князю Ивану III, который по монгольскому обычаю даровал им титулы князей над Югрой («их пожаловал югорским княжением») и, прояснив с ними вопрос дани, отпустил обратно домой. Этому же ритуалу в 1483 году последовали главы других этнических групп левобережной части нижней Оби. Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 86 и 95. – При последовавшем в 1499 году покорении «князей» Югры присяга на верность уже четко указывается в летописи («князей и земских людей к роте приведоша по их вере»). Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859 [переизд. 1973]. С. 237. – В целом формы присоединения нерусских народов до покорения Казани и Астрахани еще мало изучены. Первые подходы в проблеме см.: Kappeler. Ethnische Minderheiten im Alten Rußland.

¹⁴⁷ Выражение «собираание земель Киевской Руси» описывает процесс экспансии Московского княжества и позже Великого княжества, в ходе которого была присоединена большая часть княжеств, до нашествия Золотой Орды находившихся под властью Киевской Руси. Это выражение ни в коем случае не означает, что московские князья и великие князья «вернули» себе родовое имущество *своей* династии. Скорее следует делать различие между, с одной стороны, Киевской Русью как государством, в традициях которого видят себя сегодня как русские, так и украинцы и белорусы, и, с другой стороны, Московским княжеством, которое исключительно русские рассматривают как колыбель их позднейшего государства. Критику понятия «собираание земель Киевской Руси» см.: Kollmann. The Russian Empire. P. 48–49.

ния последующего формирования преимущественно русского унитарного государства и Российской империи.

В последующие столетия основная концепция принципиально оставалась неизменной, а была лишь дифференцирована и в большей степени формализована¹⁴⁸. Если вначале речь часто шла о поддающихся проверке положениях о том, чего нельзя было делать приносящему присягу, то постепенно возобладали позитивные положения с подробными формулировками для описания внутренних отношений и обязательств принимающего присягу. Во второй половине XVIII века присяги в имперском контексте формулировались все более специфично в соответствии с тем, кто именно их принимал. Ниже кратко изложены *пять* характеристик, с помощью которых можно описать концепцию подданства в том виде, в котором она развилась и формализовалась к началу XVIII века.

Первой и самой важной характеристикой стала вышеупомянутая присяга на верность. Помимо связанной с ней концепции милости, по сравнению с монархиями в «Западной Европе» проявляется еще одна особенность: в то время как в Центральной и Западной Европе было принято приносить присягу на верность непосредственным господам, царское правительство не позднее XVIII века стремилось добиться монополии на присягу. Присяги, которые до сих пор могли приноситься, например по требованию помещиков, епископов или иного низшего светского или духовного начальства, отныне были строго запрещены царями. Присягу на верность следовало рассматривать как центральный элемент автократических притязаний на господство¹⁴⁹. Эта политика способствовала тому, что принятие присяги ассоциировалось у населения исключительно с претензией на власть царя или формирующегося государства.

Второй существенной отличительной чертой российского подданства начала XVIII века было существующее с давних времен представление о высокой степени *личной* связи между подданным и правителем¹⁵⁰. Эта персонифицированная концепция подданства породила традицию, которая на первый взгляд кажется противоречивой: с самого начала присяга на подданство в случае имперской экспансии содержала положение о вечности. Суть этого положения заключалась, с одной стороны, в том, что принесенная присяга считалась действительно «вечной»; с другой стороны, та верность, в которой клялись правителю, распространялась на его детей и внуков. С этой целью дети и внуки, если они уже существовали, также особо перечислялись в тексте присяги¹⁵¹. И все же, несмотря на положение о вечности, присягу приходилось приносить заново при каждой смене правителя, причем как при смене царствующего лица с российской стороны, так и при смене правителя со стороны соответствующей покоренной этнической группы.

При более внимательном рассмотрении этот подход перестает казаться противоречивым. Он имеет смысл тогда, когда включение в подданство понимается как акт милости. Такая

¹⁴⁸ Расслоение концепции можно наглядно проследить с помощью текстов, которые использовались в процессе покорения для принесения присяги. Примеры текстов присяг в имперском контексте можно найти в КаБРО. Т. 1–2, здесь т. 1. № 143 (06.09.1642). С. 215; Колониальная политика Московского государства. № 9 (1642–1654). С. 10–11; ПСЗРИ. Т. 1. № 69. С. 114. Пункт 69. С. 255 (31.08.1651); ПСЗРИ. Т. 3. № 1585. Пункт 25. С. 320–322 (14.05.1697); КРО. Т. 1. № 70 (19.08.1740). С. 68, 169; № 254. С. 646 (1762); КРО. Т. 2. № 63. С. 114 (март – апрель 1786); РДарО. Т. 2. № 267 (не позднее мая 1786), 195; МПИК ССР. Т. 4. № 19 (05.04.1787). С. 83; РДарО. Т. 2. № 356 (12.04.1803). С. 265–267; № 372 (28.02.1807). С. 279–280; КРО. Т. 2. № 119 (1823). С. 207. – О формулировке присяги, которую приносили *все* жители царства при восшествии на престол нового царя: ПСЗРИ. Т. 7. № 4646 (02.02.1725). С. 412; № 5070 (07.05.1727). С. 788–789; Т. 8. № 5509 (28.02.1730). С. 253; Т. 11. № 8473 (25.11.1741). С. 538; Т. 15. № 11391 (25.12.1761). С. 875–876; Т. 16. № 11582 (28.06.1762). С. 3–4; Т. 24. № 11391 (25.12.1761). С. 875–876; № 17635 (12.12.1796). С. 230–232; Т. 26. № 19779 (12.03.1801). С. 583–584.

¹⁴⁹ Rustemeyer. Dissens und Ehre. S. 135–137. Здесь же приведены примеры нарушения запрета приносить присягу лицам, находящимся на более низком, чем самодержец, уровне.

¹⁵⁰ Концепция, согласно которой каждый подданный лично служит правителю, была заложена уже в Соборном уложении 1649 года. *Черная*. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству». С. 31.

¹⁵¹ Это, вероятно, стало продолжением традиции, которая развивалась уже во время киевского государства. Уже в те времена присяга приносилась преемникам правителя, хотя сам правитель еще был жив. Таким образом, присягу можно рассматривать как «династическую клятву верности». Ср. Dewey, Kleimola. Promise and Perfidy. P. 328.

милость могла быть дарована только лицом, считающимся божьим избранником, то есть лично царем. Таким образом, принятие в подданство неразрывно связывалось с фигурой самого правителя. Следовательно, присяга как актуализация этих личных связующих уз должна была возобновляться после ухода правителя и воцарения преемника¹⁵².

Однако несмотря на необходимость повторного принесения присяги, после того как люди однажды были приняты в подданство, каждому преемнику монарха принадлежало принципиальное право осуществлять господство именно над этими подданными. Здесь становится очевидной двойственность концепции, подразумевавшей и персональную, и институционально закрепленную (и постепенно ставшую государственной) связь. Эта двойственность возникла в XV веке и просуществовала до начала XIX века. Позже этот вопрос еще будет рассмотрен. А пока мы, резюмируя сказанное, можем, во всяком случае, констатировать, что с российской точки зрения, несмотря на необходимость повторения присяги, действовал принцип «раз подданный – навсегда подданный»¹⁵³.

В-третьих, акт подчинения как акт милости считался состоявшимся только тогда, когда он подтверждался так называемой *жалованной грамотой*, выданной российским правителем. Этот документ имел большое значение для российской стороны. Он не только фиксировал все условия и обязательства, которые влекло за собой принятие в подданство. Прежде всего жалованная грамота была призвана засвидетельствовать для потомков уже упомянутое «вечное» царское право на господство.

Образцом для жалованной грамоты послужила практика, существовавшая ранее при монголах. У них тоже после принесения присяги выдавалось свидетельство об условиях подчинения и о предоставленной в пользование земле, так называемый *ярлык*, или *ярлык на княжение*. После каждой смены правителя – будь то с монгольской стороны или со стороны русских князей – ярлык выдавался и получался снова, для чего князья должны были «ездить за ярлыками» в столицу Монгольской империи, к хану в Сарай¹⁵⁴. И в 1551 году, когда к Московскому государству была присоединена часть Казанского ханства, упоминается о выдаче жалованной грамоты с золотой печатью. В ней, в частности, зафиксировано, что выплату дани (*ясака*) разрешалось приостановить в течение первых трех лет¹⁵⁵.

¹⁵² Этот же принцип был в силе с точки зрения московских дипломатов при заключении договоров и соглашений о перемирии: они были действительны до тех пор, пока правитель, в период правления которого они заключались, был жив. После вступления на престол его преемника должны были заключаться новые договоры или соглашения о перемирии. В российской державе эта норма действовала гораздо дольше, чем в Западной Европе, где договоры правителей уже в XVI веке рассматривались все реже как связанные с личностью, но в первую очередь с государством. *Грaбapь*. Материалы к истории литературы международного права в России. С. 20.

¹⁵³ С другой стороны, анализ семантики понятия *вечное подданство*, проведенный В. Прокоповичем, вводит в заблуждение. Прокопович не замечает в принятии в подданство той двойственности, которая вырастала из русской исторической традиции, когда, с одной стороны, это акт милости правителя и, таким образом, связь с его личностью, с другой стороны, это с XV века постепенно появившееся с течением времени проявление не персональных, а династических отношений, переходящих в связь с государством, и в них добавление «вечное» формулирует притязание на то, что они длятся и после смерти настоящего правителя. *Prokopovich. The Problem of the Juridical Nature of the Ukraine's Union with Muscovy*. – В германском пространстве позднего Средневековья присяга на подданство тоже требовалась каждый раз, когда к власти приходил новый суверен. Присяга, однако, приносилась без претензии на «вечность». С самого начала она была связана только с конкретной властью. Эта ограниченная действительность объясняется такой распространенной для германских территорий характеристикой, как частая смена правителей в пределах одной и той же области. *Holenstein. Die Huldigung der Untertanen*. S. 278 f., s. 385 f. и s. 509.

¹⁵⁴ Документ, который царь Иван IV передал своему послу Дмитрию Непейцину, чтобы в 1555 году привести к присяге правителей Сибирского ханства, все еще носил даже монгольское название «жалованный ярлык». Это отчетливо свидетельствует о том, что Московское царство непосредственно переняло монгольскую практику, хотя потом термин «грамота» постепенно возобладал над термином «ярлык». См.: История Сибири с древнейших времен. Т. 1. С. 371; *Трепавлов*. Присоединение народов к России. С. 200; *Он же*. Лояльность в обмен на ярлык.

¹⁵⁵ Летопись так пишет о грамоте 1555 года: «...и пожяловал бы их государь, в ясаках полехчил и дал бы им жяловальную свою грамоту <...> дал им грамоту жяловальную со златою печатью, а ясаки им отдал на три годы». Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. 29. С. 62. – Но не только московская сторона, но и некоторые принятые в подданство этнические группы придавали большое значение жалованному ярлыку. Чуваши поместили свою грамоту с золотой печатью в специально для этого изготовленный деревянный ларец, который они для лучшей сохранности зарыли в землю.

В-четвертых, при более внимательном изучении условий принесения присяги, характерных для XVIII века, обнаруживаются и другие принципы концепции подданства, применявшиеся еще со Средневековья. Уже в XIV и позже в XVIII веке присягу необходимо было приносить «по своей вере»¹⁵⁶. В основном это правило применялось и в те времена, когда в ходе завоевания Казанского и Астраханского ханств в XVI веке и прежде всего в первой половине XVIII века государственная сторона поддерживала или сама инициировала крупномасштабные походы с целью обращения в свою веру¹⁵⁷. При принятии в подданство миссионерские намерения отходили на задний план. Интерес российской стороны был сосредоточен в первую очередь на максимальной искренности присяги¹⁵⁸. Для этого присяга должна была приноситься путем обращения к собственным божествам и по возможности с привлечением предмета, служившего гарантом святости присяги. Это наглядно иллюстрирует попытку русской и российской стороны найти аналогии привычной ей традиции целования креста и священный предмет соответствующей веры, сравнимый с крестом или Библией.

Посланники царей прилагали большие усилия, чтобы отыскать подходящие реликвии для всех приносящих присягу. В случае с мусульманами это оказалось сравнительно просто: по аналогии с христианским представлением о Библии как о священном тексте мусульманам предлагалось принести присягу с возложением руки на Коран¹⁵⁹. Буддисты ламаистского толка целовали изображение Будды или прикладывали его ко лбу¹⁶⁰. Сложнее было с «анимистами» и шаманистами, особенно если до подчинения русским они никогда не покорялись чужой власти и даже не знали, что такое присяга. Здесь клятву приносили на свежеснятой медвежьей шкуре или рассеченной собаке, глотали золото или кусали железо¹⁶¹. На медвежью шкуру, перед которой должны были присягать ханты, заранее клали топор, нож и другое оружие; во время самой церемонии человеку, приносящему присягу, следовало протянуть кусок хлеба на остром ноже. Предполагалось, что клятвопреступник может подавиться и задохнуться во время еды, стать добычей медведя или умереть от лезвия ножа. Якуты проходили между разрубленными частями собаки, кладя при этом в рот землю, и клялись тем самым, что при нару-

Димитриев. Чувашиские предания о Казанском ханстве. С. 113; Трепавлов. «Белый царь». С. 142.

¹⁵⁶ Достоверно известно, что уже в 1396 году «татары» должны были приносить присягу в соответствии со своей религией («а Татарове роту пили по своей вере»). Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11 [переизд.: СПб., 1897]. С. 163. См. также: *Golden. Turkic Calques in Medieval Eastern Slavic*. P. 108. – То же справедливо для «князей» из Югры («к роте приведоша по их вере»). Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859 [переизд. 1973]. С. 237. – Обязанность всех подданных, платящих *ясак*, приносить присягу по собственной вере впервые письменно зафиксирована в Уложении 1649 года. Соборное уложение, пункт 161 (29.01.1649). Раздел X «О суде» // ПСЗРИ. Т. 1. № 1. Пункт 161. С. 41.

¹⁵⁷ Только в ходе петровских миссионерских военных походов от данного правила на короткое время отступили. Вместо принесения присяги на Коране мусульмане должны были приносить ее на Библии. После смерти Петра практика давать клятвы по собственной вере была возвращена. Именной, объявленный из Верховного Тайного Совета Сенату. О приводе к присяге в верности Казанского уезда ясачных татар по обрядам их веры // ПСЗРИ. Т. 8. № 5321 (07.08.1728). С. 72.

¹⁵⁸ Собственная вера и форма, в какой они приносили присягу, должны были быть самым тщательным образом установлены, «чтоб у них никакого обмана и лукавства не было». Наказные статьи Нерчинским воеводам. Об управлении земскими и военными делами // ПСЗРИ. Т. 3. № 1542 (18.02.1696). Пункт 9. С. 238.

¹⁵⁹ Для принесения мусульманами присяги с XVI века в Московском Кремле специально хранилось издание Корана. См.: Шмидт (ред.). Описи царского архива XVI века и архива посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 42: «Ящик 218: А в нем <...> куран татарской, на чом приводят татар к шерти». См. также: Зайцев. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина. С. 5.

¹⁶⁰ Это был способ калмыцкого принесения присяги в 1673, 1724 и 1731 годах. ПСЗРИ. Т. 1. № 540 (27.02.1673). С. 924; Т. 7. № 4576 (сентябрь 1724). С. 352–354, здесь с. 353; Т. 8. № 5699 (17.02.1731). С. 382–383, здесь с. 383. – Посланник ойратов в 1621 году сообщал в Москве, что ойраты скрепили клятву верности, облизав нож и поднеся стрелу сначала к голове, затем к сердцу. Запись приема в Посольском приказе посла ойратского тайджи Байбагиша абыза Букенева, приехавшего с предложением шертовать царю Михаилу Федоровичу // Международные отношения в Центральной Азии. Т. 1. № 11. С. 53–55, здесь с. 55; *Khodarkovsky. Where Two Worlds Met*. P. 71. Fn. 52.

¹⁶¹ Бахрушин. Ясак в Сибири в 17 в. // Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 49–85, здесь с. 65–66.

шении присяги они примут судьбу, подобную судьбе собаки. Енисейские киргизы, которые не были мусульманами, либо брали хлеб с ножа, либо пили золото¹⁶².

Кроме того, для подтверждения правдивости присяги требовалось привлечь священнослужителя из другой религии, будь то лама у буддистов ламаистского толка или ахун у мусульман¹⁶³. Предполагалось, что они поручатся за правильность призывания соответствующего божества и впоследствии засвидетельствуют перед своей религиозной общиной, что присяга была принесена. Поскольку у «примитивных религий» отсутствовали подобные авторитеты, возможности дополнительной гарантии не было. Тем тщательнее необходимо было изучать обычаи каждой аннексированной этнической группы. Когда московские посланники упрекали киргизов в том, что они не соблюдают присягу на верность, их предводители (*князцы*) в 1625 году откровенно отвечали боярскому сыну Петру Сабанскому: «Князцам и их улусным людям та шерть [которой томские воеводы заставили их присягнуть] стала нелюба, что приводили их по остяцки, а не по их вере»¹⁶⁴. Ведь присяга киргизов, данная по обычаю остяков (современное название «ханты»), совершенно очевидно освобождала киргизов от обязанности ее соблюдать. В этом случае проведенные московскими служилыми людьми поиски «правильного» обычая не увенчались успехом.

В качестве *пятой* существенной характеристики понятия подданства следует упомянуть изложенные в присяге обязанности подданных. По сути, выбор слов и содержание текстов присяг XVIII века свидетельствуют о том, в какой тесной связи они находились с присягами предыдущих столетий. Основные элементы присяги на верность всегда оставались одинаковыми для всех подданных: не предпринимать ничего «злого» против правителя, немедленно сообщать о «злых» намерениях третьих лиц, не иметь ничего общего ни с каким противником, а также стоять не на жизнь, а на смерть за правителя и в случае необходимости идти за него на войну.

Но тем не менее существовали различия между присягой на верность, которую русское православное население должно было приносить в случае смены правителя, и той, которой клялись представители нехристианских этнических групп при их присоединении или при вступлении на престол нового царя. Уже с XVI века покоренные народы нехристианской веры должны были взять на себя два обязательства, подтверждающие надежность нового политического статуса. Они были зафиксированы и в жалованной грамоте. Одна из повинностей состояла в упомянутой плате подати царю, называемой *ясак* (ранее *дань*)¹⁶⁵. Другая повинность состояла в передаче людей, называемых *аманатами* (заложниками), в качестве живого залога, которые удерживались российской стороной в качестве гарантии повиновения и время от времени

¹⁶² Lantzeff. *Siberia in the Seventeenth Century*. P. 96; Федоров. Правовое положение народов Восточной Сибири. С. 21. – Обычай «пить золото» восходит к религиозным представлениям шаманизма и практике братания монголов с XII века. В случае братания двух представителей различных племен, которые заключали друг с другом договор о дружбе, они не только обменивались подарками, но и в качестве залога верности клятве глотали частицы измельченного золота. Владимирцов. Общественный строй монголов. С. 60–61; Федоров. О форме присяги в России. С. 403. – В персидском мире существовала традиция глотать серу в качестве залога верности клятве. Golden. *Turkic Calques in Medieval Eastern Slavic*. P. 109. – С. П. Крашенинников, участник второй Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга (1733–1743), рассказывает, что присяга часто произносилась под ружейным дулом или произносили установленное выражение: «Правда, что я тебе не солгу». Крашенинников. Описание земли Камчатки. С. 457.

¹⁶³ Так, например, за присягу монгольского ламаистского Алтын-хана поручался лама (ламаистско-буддийский монах) – см.: РМонО. Т. 1. № 102 (03.06.1634–12.05.1635). С. 203–214, здесь с. 209. За присягу казахского хана Младшего жуза Нурали-хана ручался ахун (мусульманский священнослужитель). КРО. Т. 1. № 70 (19.08.1740). С. 134–168, здесь с. 152. См. также: Зайцев. Проблема удостоверения.

¹⁶⁴ Бахрушин. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. 4. С. 46–47.

¹⁶⁵ На имперской периферии уплата дани (*ясака*) имела различную степень важности. Наибольшее значение она, условно, имела в Сибири, на Дальнем Востоке и в Северо-Тихоокеанском регионе. Согласно тексту документа о подчинении, казахи также были обязаны платить *ясак*, но на протяжении многих десятилетий российская сторона воздерживалась от его сбора, чтобы не ставить под угрозу лояльность казахов. КРО. Т. 1 № 28 (19.02.1731). С. 40; № 33 (03.10.1731–14.01.1733). С. 48–86; № 40 (1732). С. 94–97; № 274 (27.04.1770). С. 696–699.

обменивались на новых заложников¹⁶⁶. Этот метод взятия и удержания заложников практиковался *исключительно* при инкорпорации нехристианских этнических групп на юге и востоке империи и не имел никаких традиций во внутреннем русском контексте или в период образования Великого княжества Московского.

Другой аспект, в котором проявлялось различие между православным и нехристианским населением, касался «условного самопроклятия». Речь шла о введенном Иваном IV правиле, согласно которому в случае нарушения присяги клявшийся получал наказание в виде проклятия¹⁶⁷. В то время как с приходом царей династии Романовых с 1613 года в отношении православного населения от этого пункта отказались, мусульмане, ламаисты калмыки и представители примитивных религий должны были приносить присягу на верность, включающую формулировку о самопроклятии¹⁶⁸. По аналогии с клятвой по собственной вере, также и проклятие ввиду предполагаемого повышения эффективности должно было происходить по собственной вере¹⁶⁹.

В этих пяти аспектах (милость вместо договора, личная связь вопреки статье о вечности, жалованная грамота по монгольской традиции, клятва по собственной вере, содержание присяги и обязательства подданства) заключается ядро российской концепции подданства в имперском контексте. Поскольку с этим ядром внутрирусская присяга на верность только лишь эволюционировала и, за исключением особого обращения с самопроклятием, не представляющим важности в практическом смысле, была дополнена только *одним* элементом, имевшим силу и значение исключительно в имперском контексте (институционализированное взятие заложников), не имеет смысла говорить о какой-либо «первой» инкорпорации нерусских этнических групп как образце для «принятий в подданство посредством имперской экспансии». Скорее концепция русского и российского подданства берет начало в политической культуре Московского княжества. Последняя формировалась под сильным влиянием как культуры Киевской Руси, так и многолетнего господства монголов¹⁷⁰.

Вместе с тем важное значение имело присоединение гетманской Украины, на которое, как упоминалось, ссылается Э. Лор в своей книге об «империи и гражданстве» (*Empire and Citizenship*): впервые именно здесь русская традиция принятия в подданство по принципу милости натолкнулась на западноевропейские правовые традиции, преобладавшие в Речи Посполитой: там соглашения о подчинении носили договорной характер и основывались на взаимных обязательствах.

Поэтому было логично, что казаки Гетманщины – подобно тому, как примерно за двести лет до них жители Новгорода – перед своей присягой на подданство потребовали от Василия Васильевича Бутурлина, посланника царя, чтобы он, в свою очередь, дал от имени царя клятву, согласно которой их права и свободы сохранялись бы после вступления в подданство царя. Ответ царского посланника Бутурлина не мог быть более пренебрежительным:

¹⁶⁶ Российская практика захвата заложников в случае Кабарды засвидетельствована уже в XVI веке. См.: Озова. Институт аманатства в Кабарде. – Подробнее о практике заложничества в гл. 3.

¹⁶⁷ Запись <...> данная <...> Государю и Великому Князю Василию Иоанновичу <...> // СГГД. Ч. 1. № 162 (01.12.1532). С. 448–450; Rustemeyer. Dissens und Ehre. S. 130.

¹⁶⁸ Шертная Запись, по которой клялись Магометанского закона подданные в верности <...> // СГГД. Ч. 3. № 131 (1648). С. 440–442; Шертная Запись, по которой новопожалованные Князя Нагайской Орды клялись в верности и подданстве Государю Царю Алексею Михайловичу // СГГД. Ч. 3. № 145 (октябрь 1651). С. 467–470.

¹⁶⁹ См., например: Шертная Запись или Запись шертная // СГГД. Ч. 3. № 181 (04.02.1655). С. 534–536; Ч. 4. № 21 (08.06.1661). С. 74–75; Ч. 4. № 107 (15.01.1677). С. 343–350; Rustemeyer. Dissens und Ehre. S. 31.

¹⁷⁰ Таким образом, занимается промежуточная позиция в вопросе, в каком отношении монгольское влияние и продолжавшая существовать традиция Киевской Руси формировали концепцию подданства. Очевидно только, что присяга имела изначально восточнославянские корни, а традиция документа о милости продолжала монгольскую практику. О разногласиях по поводу политического наследия монгольского владычества в Московском царстве см. спецвыпуск журнала: Kritika. 2000. № 1; Halperin. Muscovite Political Institutions; Goldfrank. Muscovy and the Mongols; Ostrowski. Muscovite Adaptation of Steppe Political Institutions.

А того, что за великого государя веру учинити, николи не бывало и впредь не будет; и ему, гетману, и говорить было о том непристойно, потому что всякой [русский] подданной повинен веру дати своему государю¹⁷¹.

И хотя в конце концов казаки смирились с тем, что им было только *обещано*, что царь сохранит их права и свободы, а правительственные чиновники составили для этого соответствующий документ, это привело к основной проблеме, которая на протяжении последующих веков обременяла русско-украинские отношения: в то время как, с точки зрения казаков, Переяславское соглашение, и в том числе сформулированные позже «статьи» об их «правах и свободах», носило договорной характер, царь, в соответствии с многовековой традицией московской концепции подданства, предоставил эти свободы только из милости. С этой точки зрения сохранение свобод казаков могло стать не вопросом правовых претензий, основанных на взаимности договора о подчинении, а лишь вопросом длительности действия¹⁷².

Но значимость Переяславского соглашения не только в том, что столкнулись различные правовые традиции и по этому поводу представители московского правительства впервые четко сформулировали свою позицию. То, как царская сторона поддержала просьбу казаков и как она почти семьдесят лет при каждой смене правителя подтверждала «статьи» в отношении «Малороссии» – так вскоре была названа Гетманщина в соответствии с церковно-политическим обозначением расположенного там церковного округа, – на первый взгляд может показаться удивительным. Тем более что «статьи» предполагали региональную автономию в таком объеме, в каком ее до сих пор не предоставляли ни одному присоединенному народу¹⁷³. Кроме того, подчинение было объявлено актом милости московского правителя, так что с юридической точки зрения у российских властей не было необходимости постоянно подтверждать эти традиционные «права и свободы» казаков.

На примере Гетманщины скорее можно наблюдать, к какой гибкости была готова российская имперская элита при всей ее принципиальной приверженности основной концепции милости. Эта гибкость проявлялась тогда, когда долгосрочная интеграция вновь подчинившейся этнической группы все еще казалась не гарантированной или если царская сторона, по ее мнению, сталкивалась с сопротивлением. В этом смысле Переяславль вполне можно назвать образцом – как образцом гибкости, к которой постоянно приходилось прибегать при инкорпорациях, так и образцом конкретного оформления региональной автономии в империи в целом. Действительно, модель инкорпорации гетманской Украины, а также постепенное ослабление

¹⁷¹ Статейный список русского посольства во главе с В. Бутурлиным о торжественной встрече послов населением Украины, о Переяславской раде, условиях воссоединения Украины с Россией и о принятии присяги населением украинских сел и городов // Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. № 205 (09.10.1653–05.02.1654). С. 423–490, здесь с. 465.

¹⁷² При толковании Переяславского соглашения в литературе, как правило, упускается исторически сложившееся у царской стороны представление, что присяга должна пониматься только как акт милости. *Vulpinus*. Vorübergehende Allianz oder dauerhafte Unterwerfung? – В литературе выработано минимум семь различных интерпретаций Переяславского соглашения, которое в зависимости от способа прочтения истолковывается как «временный альянс», «личная уния», «реальная уния», «вассальный статус», «протекторат», «автономия» или «инкорпорация». *Davies*. The Road to Pereiaslav; *Basarab*. Pereiaslav 1654; *Braichevskiy*. Annexation or Reunification; *Prokopovych*. The Problem of the Juridical Nature; *Fleischhacker*. Die politischen Begriffe der Partner von Perejaslav; *Günther*. Der Vertrag von Perejaslav; *Нольде*. Очерки русского государственного права. С. 301. – О современных российских и украинских дебатах о Переяславле см.: *Plochy*. The Ghosts of Pereiaslav.

¹⁷³ Само по себе предоставление царем автономии и сопровождаемое этим наделение украинского гетмана определенными ограниченными властными полномочиями не являлись чем-то новым. Уже в XVI веке, до завоевания Казани, Шах-Али (Шигалей) несколько раз возводился на казанский престол как марионеточный хан. То же относится и к Дервиш-Али в Астрахани в 1554 году. История Татарской АССР. С. 68–100; *Худяков*. Очерки по истории Казанского ханства; *Kappeler*. Rußlands erste Nationalitäten. S. 51, 69 f., 72, 74–76, 78, 80, 131; *Nolde*. La formation de l'Empire russe. Т. 1. Р. 4–47; *Алишев*. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. С. 83. – Князь Иштерек в 1600 году был назначен царской милостью князем ногайского протектората. *Новосельский*. Борьба Московского государства с татарами. С. 40; Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. С. 111.

казачьего самоуправления еще до перехода Ивана Мазепы на сторону Карла XII стали шаблоном для будущих имперских стратегий российской державы в XVIII веке¹⁷⁴.

Сопоставимые стратегии применялись и среди социально высокодифференцированных калмыков и казахов Младшего жуза. Сочетая гибкость и уступки, с одной стороны, и постепенное разложение собственных традиционных структур этих народов, с другой, российской имперской элите удалось прочно закрепить калмыков и казахов в имперских структурах¹⁷⁵. В этом смысле соглашение 1654 года (и проводимая в последующие десятилетия политика) свидетельствуют об успехе московского курса на превращение *внешнеполитического* договора, к которому первоначально стремилась присоединяемая сторона (в данном случае казачество), во *внутригосударственное* соглашение о подчинении¹⁷⁶.

Однако из средне- и долгосрочного успеха российского курса никак нельзя сделать вывод, что казаки или другие этнические группы южных степей приняли царскую интерпретацию. Напротив, вопреки всем российским интерпретациям, казаки даже десятилетия спустя рассматривали свою «подвластность» царю как договор, заключенный в западноевропейской традиции, который наделял обе стороны правами и обязанностями и который, следовательно, терял силу в случае нарушения его условий. Несколько раз казачья элита предъявляла доказательства нарушения договора как основание для своего намерения выйти из-под власти царя, как это в последний раз произошло под предводительством гетмана Ивана Мазепы.

В не меньшей степени московское понимание «вечного подданства» отличалось от интерпретации ногайцев, башкир, калмыков, казахов и кабардинцев. Степные народы юга и горные народы Северного Кавказа веками придерживались традиции политических союзов, которые часто менялись и с самого начала заключались лишь на короткий срок. С распадом Золотой Орды, в рамках которой отношения между различными частями империи регулировались с помощью уже упомянутых ярлыков, с конца XV века союзы основывались на так называемой «шерти». Этот термин происходит от арабско-тюркского *šart* и первоначально употреблялся только в значении «соглашение», «условие»¹⁷⁷.

При первом упоминании понятия в русском контексте, в документе 1474 года *шертью* называется клятва, которой могущественный хан Крымского ханства Менгли I Герай пообещал («крепкое свое слово молвя») вошедшему в силу великому князю Московскому Ивану III Васильевичу придерживаться согласованных в *ярлыке* договоренностей о ненападении и военном союзе, в то время как великий князь Московский, в свою очередь, в присутствии представителя хана целовал крест в знак подтверждения и соблюдения условий «братского договора»¹⁷⁸. Следовательно, в то время и с русской точки зрения *шерть* еще воспринималась как внешнеполитический договор, который заключали между собой две стороны и который предусматривал для каждой стороны четко сформулированные договорные обязательства. Ни о каком «вхождении» крымского хана в московское подданство даже с русской точки зрения в то время речи не шло¹⁷⁹.

¹⁷⁴ Гетман Мазепа в начале XVIII века сформировал со шведами при Карле XII коалицию против царя Петра I, чтобы вывести «Малороссию» из зависимости Московского государства.

¹⁷⁵ Более детально в гл. 4.5.

¹⁷⁶ Однако московское правительство в первые десятилетия после Переяславского соглашения действовало отнюдь не целенаправленно. О более тесной связи с метрополией царства можно говорить самое раннее с момента установления контроля над образованным А. С. Матвеевым *приказом Малой России* (Малороссийским *приказом*) и включением его в 1671 году в «Министерство иностранных дел» (*Посольский приказ*). Софроненко. Малороссийский приказ; Torke. The Unloved Alliance. P. 50–51.

¹⁷⁷ Фасмер. Этимологический словарь. Т. 4. С. 431; *Idem*. Russisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 3. S. 393.

¹⁷⁸ Карамзин. История государства Российского. Т. 6. С. 55 и примеч. 124 (здесь же детальное содержание *шерти*). См. также: Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. С. 1587.

¹⁷⁹ Трепавлов. Присоединение народов к России. С. 198–205; *Он же*. «Шертные» договоры. Ч. 1. С. 28–30.

Но впоследствии московские правители неоднократно прибегали к понятию *шерть* и стали обозначать им все присяги, которые приносили представители мусульманских и «языческих» этнических групп в Сибири, южных степях и на Северном Кавказе. За расширением употребления понятия *шерть* в XVI веке последовали и перемены в его интерпретации: понимание *шерти* как клятвы соблюдения мирных договоров или временных союзов с закрепленными взаимными обязательствами преобразовалось, в соответствии с московской интерпретацией и по образцу собственной средневековой традиции, в соглашение, в котором фиксировалось безусловное подчинение милости русского правителя. С московской точки зрения *шерть* превратилась в присягу на верность со всеми описанными выше характеристиками, включая статью о вечности, когда представители нехристианских этнических групп искали защиты у московского правителя. В этом смысле было вполне логичным, что царская сторона стала приписывать «клятвенной грамоте», издаваемой в связи с *шертью* (*шертная грамота*), такое же значение, которое ранее уже было связано с жалованной грамотой в контексте средневековой присяги на верность, а именно – закрепление безусловного и прочного принятия в подданство русского и позднее российского правителя¹⁸⁰.

Поскольку изменение семантики понятия *шерть* происходило медленно и завуалированно, а российская сторона в начале взаимодействия с этнической группой остерегалась слишком четких формулировок своей интерпретации, произошла предсказуемая и продолжительная череда недоразумений. Среди нехристианских этнических групп юга и востока вплоть до XVIII века сохранялось первоначальное понимание *шерти* как двустороннего договора. В этой связи они видели себя во временном статусе царского протектората¹⁸¹. Так, на Северном Кавказе в 1557 году то, что, по версии московской стороны, представляло собой «вступление» кабардинцев в подданство русского царя («учинение в холопство»), с точки зрения самих жителей Кабарды означало всего лишь временную внешнеполитическую ориентацию на Московское государство, своего рода военно-политический союз. К большому раздражению российской стороны, после этого кабардинцы де-факто по-прежнему продолжали лавировать между персидским шахом, османским султаном и московским царем¹⁸². Даже присоединенные лишь в XVIII веке казахские ханы Младшего и Среднего жуза не соблюдали своих подданных обязательств, не освобождали пленных и не позволяли российским караванам мирно передвигаться по своим пастбищам, как это было согласовано¹⁸³.

¹⁸⁰ Московское понимание равенства между принятием *шерти* и клятвой на верность особенно очевидно при смене престола. Так, при восшествии на престол от представителей правительства требовалось, чтобы все православные жители в знак верности новому монарху были приведены к целованию креста, а «иноземные верующие» (*иноверцы*) заключали *шерть* (к *шертованию*) – процедура, которая занимала месяцы. ПСЗРИ. Т. 2. № 624 (10.02.1676). С. 6–7. – В начале XVIII века устраняются языковые различия между *клятвой на верность*, связанной с целованием креста, и *шертью* как клятвой для нехристиан. Отныне везде действовала единая языковая форма «присяги на подданство» // ПСЗРИ. Т. 6. № 3778 (апрель 1721). С. 383–387; Т. 7. № 4646 (02.02.1725). С. 412; № 5070 (07.05.1727). С. 788–789. См. о шерти: Трепавлов. Добровольное вхождение в состав России. С. 160; Он же. Присоединение народов к России; Шаблей. Подданство в Азиатской России. С. 99–122; Бахрушин. Ясак в Сибири // Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 65; Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier. P. 53–54; Idem. «Third Rome» or a Tributary State. P. 366–368.

¹⁸¹ В связи с этим российский историк В. В. Трепавлов не согласен с тем, чтобы понятие *шерть* в принципе понималось как принятие царского подданства. Он указывает на то, что за принесением присяги фактически наступало не подданство, но лишь отношения протектората. Однако вместе с тем он не учитывает ни русское понимание *шерти* в то время, ни присущие московской стороне претензии на верность. Именно эластичность российского понимания подданства, благодаря которой различные уровни подчинения обозначались одним понятием, позволяла позже без изменения понятий и без перехода на другой уровень достигать более тесной связи. Трепавлов. Присоединение народов к России. С. 200.

¹⁸² Bennigsen-Broxup (Ed.). The North Caucasian Barrier; Khodarkovsky. Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism; Дзамихов. Адыги в политике России; Бобровищев, Бабиц (ред.). Северный Кавказ в составе Российской империи; Калмыков. Интеграция Кабарды и Балкарии.

¹⁸³ О казахх: Аполлова. Присоединение Казахстана к России; Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier. О московской политике в отношении ногайских татар: Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв.; Kappeler. Moskau und die Steppe; Трепавлов. История Ногайской Орды. – О башкирах: Donnelly. The Russian Conquest of Bashkiria; Steinwedel. Threads of Empire. – О калмыках: Khodarkovsky. Where Two Worlds Met. P. 67–73; Schorkowitz. Die soziale und politische Organisation bei den Kalmücken.

Но если за присягой на подданство царю не следовало повиновение царскому правительству, если каждый по-своему трактовал свою присягу, а также условия подчинения или подвластности, возникает несколько вопросов: какое значение имел статус номинального подданства для российской стороны вообще, если он не был или не мог быть реализован? Каким российская имперская элита видела статус инкорпорированных ею, но «непокорных» нехристианских этнических групп за пределами концепции милости? В какой мере могли, с ее точки зрения, существовать разные степени подданства? И какие критерии, с точки зрения историка, должны быть соблюдены, чтобы вообще можно было говорить о реальном подданстве инкорпорированных этнических групп в российском государстве?

2.2. КРИТЕРИИ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА

Российский историк В. В. Трепавлов и его последователь П. С. Шаблей не так давно размышляли о том, как следует анализировать распространенное в XVIII веке понятие *подданство* с учетом различий его восприятия в центре и на периферии, а также различной степени его реализации. На первом этапе Трепавлов называет необходимым условием статуса подданства, во-первых, заключение соответствующего соглашения, а во-вторых, использование термина, обозначающего этот статус¹⁸⁴. Для установления различия между номинальным и реальным подданством Трепавлов предлагает четыре критерия: во-первых, включение территории или народа в высшую государственную символику – прежде всего в официальный царский титул или в большой государственный герб; во-вторых, обложение налогом каждой «включенной» этнической группы; в-третьих, распространение царского законодательства и юрисдикции национальных учреждений на территорию формально инкорпорированной этнической группы; и в-четвертых, принадлежность территории к одной из административных единиц структуры правления или государства¹⁸⁵.

Эти критерии важны по ряду причин. С их помощью впервые предпринимается попытка разложить сложный процесс имперских инкорпораций в российском государстве на компоненты. Критерии позволяют обозначить неодновременность формального принятия в *подданство* и фактического включения в административную систему Российской империи и аналитически определить степень политического проникновения. Наконец, они дают возможность измерения различных восприятий с российской стороны и со стороны инкорпорированных этнических групп на основе единых стандартов.

И все же упомянутые критерии не могут адекватно отразить сложность и неоднородность российской концепции подданства, сложившейся к XVIII веку. Попытка Трепавлова административно представить переход от номинального подданства к реальному оперирует идеальными типами и основывается на современном представлении о сформированном государстве. Однако он пренебрегает такими важными аспектами, как намерения современников и их интерпретации. Он недостаточно учитывает, в чем состоял соответствующий *интерес* российского правительства по отношению к коренным жителям различных регионов и в какой степени этот интерес придавал значение определенным аспектам подданства и отодвигал на задний план остальные аспекты, что не обязательно влекло за собой другой уровень интеграции подданных – а порой российское государство и не ставило перед собой подобной цели.

Продемонстрируем это на примере. В Сибири и на Дальнем Востоке постоянно повторяющееся предписание «ласково» приводить коренное население в подданство означало, что коренным народам предлагалась альтернатива: либо добровольно вступить в подданство и тогда платить *ясак* самыми лучшими собольими шкурками, либо быть убитыми. В южных степях повеление «ласково» приводить в подданство означало, что калмыцких или казахских ханов осыпали подарками, прежде чем осторожно, путем многочисленных искусных уговоров и переговоров, предложить им российское подданство. Если на востоке действовал девиз «отдай или умри», то на юге собрать *ясака* можно было только в том случае, если местные жители предоставляли его добровольно. В случае их отказа не следовало от них ничего требовать, хотя изначально уплата *ясака* была даже зафиксирована в жалованной грамоте как условие подданства¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Трепавлов. Присоединение народов к России. С. 198–205; Он же. «Белый царь». С. 134. – О русской системе понятий подданства подробнее далее.

¹⁸⁵ Трепавлов. Добровольное вхождение в состав России. С. 155–163.

¹⁸⁶ Грамота имп. Анны хану Абулхаиру и всему казахскому народу о принятии их в российское подданство // КРО. Т. 1. № 28 (19.02.1731). С. 40–41, здесь с. 40. Однако обязательства по уплате *ясака* для казахов были ослаблены по сравнению

Рис. 1. Сдача ясака в Тюмени. Рисунок С. У. Ремезова из его «Служебной чертежной книги» 1699–1701 годов

Эта разница в подходах была связана с варьирующимися в зависимости от региона интересами царских правительств. На востоке целью имперской экспансии являлось прежде всего «белое» золото. На юге требовалось обезопасить геополитически значимый регион, чтобы обеспечить возможность торговли с Индией и Китаем, а также импорт лошадей. На востоке действовали с применением оружия и принуждали к подданству по праву победителя. На юге и Северном Кавказе производились попытки включать степные и горные народы в состав российской державы, настраивая этнические группы друг против друга.

Таким образом, критерии Трепавлова лишь отчасти помогают ответить на вопрос, когда сама российская сторона стремилась добиться только номинального или реального подданства и стремилась ли она установить определенный тип подданства. Именно этот аспект в литературе при анализе российско-имперской политики постоянно преподносится как ключевой. В зависимости от того, о каком народе идет речь, ответы на него оказываются более или менее

с первоначальными планами представителей российского правительства. В грамоте о принятии в подданство значилось, что они должны «платить *ясак* так, как служат башкирцы». – Ранее же шла речь о том, что ежегодно должны доставляться 4000 лисьих шкур. Письма ханов Абулхайра и Семеке <...> имп. Анне о принятии ими российского подданства // КРО. Т. 1. № 27 (02.01.1731). С. 37–40, здесь с. 38.

спорными¹⁸⁷. Но если взглянуть на российскую практику применения концепции подданства в масштабах всей державы, становится очевидным, насколько интересы царских правительств и их имперской элиты различались в зависимости от региона и как расставлялись приоритеты при принятии соответствующих мер. Тогда становится очевидным, что эти разные точки зрения предполагали такой гибкий и прагматичный подход, что, кроме требования верности и послушания, нельзя выделить ни одного компонента концепции подданства, которому имперская элита всегда во всех регионах уделяла одинаковое внимание.

Поэтому, чтобы понять российскую концепцию подданства с точки зрения ее современников, представляется целесообразным вновь осмыслить ее, исходя из ее исторического развития. Только при понимании царского подданства как акта *милости* правителя становится понятным, почему никакие попытки рассмотреть данное явление с юридической или административной точки зрения не увенчаются успехом. Напротив, концепция акта милости позволяет понять, что *подданство* можно рассматривать только как *ситуативную* категорию, с которой обращались *гибко*, в зависимости от региона, а также в пределах одного региона в зависимости от условий, и которая не допускает идеальных типов. *Подданство* с самого начала являлось динамической системой¹⁸⁸. Под одним и тем же понятием сознательно подразумевали различные степени инкорпорации. Они не были четко разграничены, но переходили одна в другую. Именно эта бесступенчатость, позволявшая политике царских правительств проявлять большую гибкость, была не столько недостатком, сколько большим преимуществом концепции¹⁸⁹.

Без сомнения, декларирование подданства во многих случаях еще не означало реального подчинения¹⁹⁰. Часто отношения русских с коренными этническими группами, в особенности с башкирами в XVII веке и с казаками в XVIII веке, формировались на уровне протектората. Также в духе предыдущих замечаний можно согласиться с анализом Павла Шаблея, согласно которому благодаря прагматичному российскому подходу среди относительно многих этнических групп преобладало представление, что *подданство* следует рассматривать как «свободные вассальные отношения», как временный альянс союзного партнера с российским государством, а не как безусловное и вечное подчинение.

То, что характер предмета не был четко определен российской стороной, несомненно, вызывало проблемы. Гибкая царская политика действительно могла служить искрой для восстаний, если она, как считали башкиры в конце XVII и начале XVIII века, в одностороннем порядке нарушала предполагаемые условия договора¹⁹¹. Но преимущества этой гибкой концепции подданства, безусловно, перевешивали ее недостатки.

¹⁸⁷ В качестве примера дебатов в исследовательской литературе по вопросу о том, как следует оценивать соответствующий статус этнической группы в составе российского государства, могут служить замечания о казахском Младшем жузе и о ногайцах. *Латин*. Деятельность О. А. Игельстрома. С. 145–146; Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. С. 97–101; *Трепавлов*. История Ногайской Орды. С. 627–647.

¹⁸⁸ Это утверждение справедливо и для веков, предшествовавших появлению концепции *подданства* в XVII веке. О русском понятии *подданства* до подданства см. далее. – О гибких и непоследовательных темпах интеграционной политики Московского княжества после соответствующего официально объявленного присоединения коренных групп населения см.: *Kappeler*. *Ethnische Minderheiten im Alten Rußland*. S. 145.

¹⁸⁹ Призыв рассматривать *подданство* как ситуативную категорию отличается от принципа *сепаратной сделки*, с помощью которого Э. Лор описывает русскую практику, когда с каждой покоренной группой договаривались о специфических условиях прав и обязанностей. Термин «сепаратная сделка» справедливо указывает на то, что не существует общего кодекса обязательств и прав для всех подданных, включенных путем иммиграции или аннексии, но дает понять, что подобные соглашения, будучи единожды заключенными, навсегда характеризуют соответствующее подданство. «Ситуативное подданство» указывает, напротив, на то, что один и тот же партнер по соглашению с течением времени приобретал абсолютно различные формы подданства. См.: *Лор*. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. С. 40–41, 55–56.

¹⁹⁰ Предложенная Ж. Б. Кундакбаевой формулировка «принятие подданнической ориентации» для обозначения стадии между номинальным, но (еще) не реальным подданством представляется в данном случае особенно удачной. *Кундакбаева*. «Знаком милости Е. И. В.». С. 279.

¹⁹¹ *Шаблей*. Подданство в Азиатской России. С. 99–122.

Вопреки точке зрения Шаблея, именно отсутствие правовых норм в российском понимании *подданства* в духе концепции милости, привело скорее к успеху российско-имперской политики, чем к ее провалу. Гибкость и прагматизм в решении вопросов *подданства* в сочетании с военной силой были главным козырем царей и их имперской элиты в непрерывном продолжении и укреплении территориальной экспансии. «Вечное» *подданство* могло быть зафиксировано письменно по праву победителя, после успешно проводимой политики дезинтеграции или угрозы со стороны других империй, которая вынуждала коренные этнические группы искать убежище в российском государстве. С российской точки зрения, после этого *подданство* сохранялось и в случае чисто номинального господства как воплощение *притязания* на реальное господство. Таким образом, статус *подданства* имел гораздо большее значение, чем юридическая характеристика индивида, которая указывала на принадлежность к российскому государству. *Подданство* само по себе было инструментом российской политики экспансии. *Подданство* гарантировало правовую позицию, которая впоследствии могла оправдать и оправдывала карательные экспедиции (*поиски*) и вмешательство во внутренние дела – в первую очередь именно для достижения реального подданства¹⁹².

В отношении «непокорных» этнических групп, таких как живущие на Дальнем Востоке чукчи, среди которых к середине XVIII века только часть вождей и их последователей удалось привести в подданство, представители царского правительства даже заявляли, решительно и со множеством уловок, будто *все* чукчи стали подданными московского царя. Вслед за историком А. С. Зуевым здесь с полным основанием можно говорить о «превентивном характере» *подданства*: российское подданство было объявлено не просто для отдельных представителей чукчей, но по умолчанию для всей этнической группы в заявлении о верности, которое предшествовало фактической присяге. Это, с точки зрения царской стороны, впоследствии давало право на применение оружия для обеспечения законности установленных притязаний¹⁹³.

Политика прагматичного отношения к *подданству* особенно ярко проявлялась в регионе наивысшего межимперского соперничества: в южной и юго-западной Сибири. Здесь российские цари на протяжении веков допускали двойное, а в отдельных случаях даже тройное подданство. Барабинские татары и енисейские киргизы с середины XVII века до падения Джунгарской империи в середине XVIII века являлись подданными и российского царя, и джунгарского хана. Они платили дань обоим правителям и обязывались в случае нападения предоставлять воинов обоим сторонам (*двоеподданство*)¹⁹⁴.

После уничтожения Джунгарской империи династией Цин в 1750-х годах российская сторона продолжала практику двойного подданства этнических групп на юге Алтайских гор, на этот раз вместе с китайской империей. Конфронтации с династией Цин на первых порах избегали, чтобы не навредить прибыльной сухопутной торговле с Китаем. В конце концов и здесь царское правительство добилось успеха благодаря своей гибкости, и в 1860-х годах ему удалось установить в регионе единоличное российское подданство¹⁹⁵. Подобное было харак-

¹⁹² Комендант Оренбургской комиссии Иван Иванович Неплюев (1693–1773) в 1742 году так подытожил значение присяги среди «непостоянных народов», таких как казахи Среднего жуза: «Ибо хотя и на присягах их немало основаться неможно, яко народ весьма непостоянной и неверной, но чрез то *вечное право о подданстве* их Е. И. В. подтверждается». Донесение начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева Коллегии ин. дел о мерах, предпринятых в отношении хана Абулмамбета в связи с его намерением принять джунгарское подданство // КРО. Т. 1. № 105 (18.11.1742). С. 269–273, здесь с. 270. – Присяга на верность ногайских татар за 1557 год также демонстрирует значение процесса с точки зрения Москвы. Хотя ногайские татары имели совершенно иное представление о своей присяге, Москва настойчиво возвращалась к однажды установленной (с ее точки зрения) правовой позиции и использовала ее как аргумент для неизменного подчинения. Kappeler. Moskau und die Steppe. S. 87–105.

¹⁹³ Зуев. Русско-чукотские переговоры 1778 года.

¹⁹⁴ Основатель Джунгарского ханства и его первый правитель контайша Эрдэни-Батур в 1640 году впервые открыто предложил московскому представителю заставить киргизов платить двойную дань. Московская сторона не отреагировала негативно. РМонГО. Т. 2. С. 208.

¹⁹⁵ Боронин. Двоеданничество в Сибири; Он же. Челканцы между Россией и Джунгарией; Он же. Русско-джунгарские

терно как для отдельных районов Дагестана, которые в первой половине XVII века находились в подданстве, с одной стороны, персидского шаха, а с другой, московского царя, так и для частей казахского Среднего жуза, которые в середине XVIII века временно находились в подданстве русских царей и династии Цин. В этих двух случаях российская сторона в конечном итоге также получила единоличное подданство¹⁹⁶.

В особенности прагматизм был распространен среди представителей имперской элиты на периферии. В отличие от предыдущих веков центральные органы власти в XVIII веке придавали большое значение тому, чтобы как можно более четко декларировать переход коренного населения в царское подданство, чтобы таким образом узаконить свои военные кампании по «умиротворению» региона и обеспечению российских интересов. С другой стороны, российские посланники и посредники на местах часто шли на различные уловки и скрывали от коренного населения истинные последствия принесения присяги и платы *ясака*. Тем самым они стремились предотвратить восстания и прежде всего обеспечить требуемое центром поступление *ясака*.

В результате в Сибири, на Дальнем Востоке и в Северо-Тихоокеанском регионе у многих коренных этнических групп сложилось впечатление, что при сдаче пушнины и получении в обмен бус и ножей происходил скорее бартер, чем выплата дани правителю, подданными которого они становились навсегда. Ногайцы во главе с бием Иштереком в XVII веке заявили, что им полагается столько же подарков, сколько они получали от «царя Крымских татар» и султана Османской империи¹⁹⁷. Среди казахов также многие считали, что они будут состоять в «добровольном» союзе с российским государством только до тех пор, пока не перестанут получать за это ценные сабли, одежды и шапки из собольих шкур. Российские представители на периферии часто были осведомлены об этом заблуждении. Однако часто именно эта неявная стратегия была наиболее эффективной: сначала забрасывалась сеть номинального подданства, чтобы позднее следующим шагом постепенно и в соответствии с российскими нуждами и военным потенциалом затянуть нить реального подданства таким же образом, как это продлевается с рыболовной сетью¹⁹⁸.

Итак, при всех значимых различиях между номинальным и реальным подданством можно отметить, что номинальное принятие в российское подданство не исчерпывалось исполнением формальностей, особенно с конца XVII – начала XVIII века. Скорее сам акт принятия составлял обоснование постоянного притязания российской стороны на коренное население, независимо от того, могло или не могло на самом деле осуществляться царское господство над номинально новыми подданными, а также от вопроса, каким образом осуществлялось принятие в подданство: путем применения силы или на якобы добровольной основе. Акт вступления в подданство олицетворял собой обязательное условие связей с российской стороной. Он

посольские связи; *Он же*. Вопрос о двоеданных; *Он же*. Двоеданничество и двоеподданство; *Шерстова*. Проблема переориентации аборигенного населения; *Моисеев*. Прием в российское подданство южных алтайцев. – Однако *тройное* подданство существовало только в XVII веке и включало ойратов, хотогойтов и телеутов.

¹⁹⁶ В случае Дагестана исходным термином является *опчее холопство*. Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 135–136; *Кишова*. Народы Северного Кавказа. С. 307, 308; История народов Северного Кавказа с древнейших времен. С. 343. – В случае казахского Среднего жуза российская сторона, однако, не была готова согласиться с долговременным двойным подданством. Царское правительство пыталось всеми средствами как можно быстрее изменить ситуацию в свою пользу. За этим стояло опасение, что в случае примирительной политики оно может потерять казахский Младший жуз, который уже сравнительно прочно находился в исключительном царском подданстве, в пользу династии Цин. КРО. Т. 1. № 84 (06.05.1742). С. 197–198; № 105 (18.11.1742). С. 269–273; № 216 (16.01.1758). С. 549–550; № 217 (29.01.1758). С. 550; № 219 (19.05.1758). С. 552–561; № 230 (31.08.1759). С. 598.

¹⁹⁷ *Новосельский*. Борьба Московского государства с татарами. С. 139.

¹⁹⁸ Осознание соответствующих различий в понятии подданства, с точки зрения коренных жителей и российской стороны, отражены в словах полководца А. В. Суворова, заметившего по поводу черкесов и их желания принести присягу в 1779 году: «Подданство: термин не столь важный на тамошнем языке, как на российском». Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. С. 98. – Подробнее о российской практике даров в отношении этнических групп на юге и востоке в гл. 4.6.

создавал новую политическую идентичность местного населения, которая с российской точки зрения должна была сохраняться даже тогда, когда носители этой новой идентичности больше не желали быть частью империи. С российской точки зрения однажды совершенный акт приема узаконивал любые меры, служившие для закрепления подданства, а также усиления административного проникновения, как только появлялись собственные возможности для этого. Именно отсутствие установленных российской стороной этапов административного проникновения позволяло гибко трактовать *подданство* в зависимости от региона или этнической группы.

2.3. ПОДДАНСТВО, ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА И ИМПЕРИИ

После того как в первой подглаве было показано, что в концепции российского подданства не проводилось *принципиального* различия между *природными* русскими подданными и теми, кто стал россиянами в результате имперской экспансии, на следующем этапе возникает вопрос, какие последствия для концепции имела растущая национализация в XVIII веке и что это означало для «старых» и «новых» групп подданных соответственно.

В рамках пяти характеристик российской концепции подданства было упомянуто о двойственном положении между личными и династическими и позднее государственными связями, которые были внесены в присягу на верность: несмотря на предусмотренную в присяге формулу о вечном характере подданства, которая указывает на институциональное постоянство российской структуры правления, присягу необходимо было повторять при каждой смене власти. Это трактовалось уже как выражение личного подданства. Но та же схема действовала и в отношении «природных» подданных. От них также требовалось заново приносить присягу при каждой смене царя, хотя в тексте присяги уже говорилось, что она должна была распространяться также и на преемников нового царя/императора, новой царицы/императрицы.

Итак, в этом двойственном положении между личным и институционально закрепленным подданством все подданные находились на равных. Однако это еще недостаточно объясняет исходное состояние концепции подданства в XVII веке, то есть *до* процесса огосударствления. Для того чтобы наглядно представить процесс огосударствления, происходивший в XVIII веке, и его последствия для всех подданных, необходимо в качестве вспомогательного средства привлечь историю понятий. Только при анализе различных понятийных систем и связанной с ними семантики подданства, а также подданства монарху как во внутрирусском, так и в имперском контексте XVII века становится ясно, как государственное образование, развиваемое Петром I, укрепило то пересечение, которое уже существовало в исторической традиции понятия российского подданства: слияние концепции подданства для «природных» русских и аккультурированных россиян, с одной стороны, с концепцией подданства для людей нехристианских культур, которые были инкорпорированы в ходе имперской экспансии на юге и востоке, с другой стороны¹⁹⁹.

Тот факт, что российские подданные были подданными конкретных личностей, а не безличного государства, вплоть до XVII века находил свое отражение в таких формулировках, как «быть под государевою высокою рукою» или «привести под государеву руку». «Государева высокая рука» символизировала защиту властью и силой – связанными с личностью царя и его притязанием на господство. Независимая от него государственная структура еще не предполагалась. Но как называли людей, ставших подданными царя? И что можно извлечь из этих определений для понимания подданства *до* огосударствления царской власти?

В XVI и в начале XVIII века все «принятые в подданство» царя путем имперской экспансии, независимо от того, принадлежали ли они к высшему или низшему классу их соответствующей этнической группы, назывались «холопами» царя: «Он взял себе в холопы, холопы царя <...> во веки»²⁰⁰. Таким образом, прежде всего возникает вопрос о семантике понятия *холоп*

¹⁹⁹ О плодотворности анализа центральных понятий, происходящих из источников, для декодирования политико-социальной системы в связи с подданством в немецкоязычном пространстве см. также: Blickle. Untertanen in der Frühneuzeit.

²⁰⁰ Одним из ранних примеров стали черкесские князья, которые в 1552 году обратились к царю Ивану IV с просьбой принять их в подданство. Он их «взял себе в холопы» и обещал защищать их от крымского хана. Через три года пришла вторая черкесская делегация, которую он принял «во веки» и «з детьми» как царских подданных («а они холопы царя и великого князя и з женами и з детьми во веки»). Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. 1-я пол. М., 1965 [перепечатка с изд. СПб., 1904]. С. 259.

в то время. Примечательно, что при его употреблении обращались к тому же термину, которым еще в прежние века называли несвободных людей землевладельца или тех, кто в качестве вспомогательной военной силы вместе с высокопоставленным воином отправлялся в поход. Но в обоих случаях это были *социально-сословные*, а не властные отношения.

Использование одного и того же термина, с одной стороны, в отношении несвободных людей в социально-сословной сфере, а с другой – в качестве обозначения подданных в контексте господства предполагает, что в этом одновременно можно увидеть и аналогию для описания отношений: сходство между властными отношениями царя и его подданных (*холопов*) с социально-сословными отношениями между землевладельцем и его «слугами» (*холопами*). Фактически размывание границ между отношениями, вытекающими из социально-сословного контекста и из контекста господства, можно наблюдать и на примере русского термина, противоположного по значению «холопу», а именно термина для обозначения помещиков и правителей: не только владельцы несвободных людей (слуг, холопов) назывались «государями» – так, в Судебниках 1497 и 1550 годов при Иване III и Иване IV к носителю правящей власти, великому князю московскому, по крайней мере с XV века, также обращались как к *государю* и *господину*, а с 1470-х годов – как к *государю* и *господарю*.

На фоне этой аналогии становится понятным и поведение русских представителей власти: великий князь Иван III в конце XV века был первым русским правителем, придававшим значение тому, чтобы к нему не только во внутрироссийской, но и в дипломатической среде обращались с упоминанием титула *государь*. Как следствие, русские вельможи приняли обозначение *холоп*, соответствующее *государю* в социально-сословном контексте, как самообозначение по отношению к *государю* в контексте властных отношений²⁰¹.

Маршалл По и А. А. Горский представили убедительный анализ семантики понятия *холоп* в отношении преданных высших сановников русского правителя. Согласно их выводам, это понятие использовалось не для выражения самоуничтожения российского высшего класса, а скорее было призвано политически возвеличить статус великого князя московского: речь идет в том числе и о терминологической борьбе за признание правителя, претендовавшего, в частности, посредством титула *царь*, на то, чтобы считаться равным монгольскому хану. «Возвышение» правителя тем самым возвеличивало и честь тех, кто служил этому правителю²⁰². Отсюда напрашивается вывод, что понятие «холоп» во внутрирусском контексте относилось только к элите, но не было доступно простым российским подданным. Относительно правителя они скорее должны были называть себя «сиротами».

Для подданных, присоединенных в ходе имперской экспансии на юге и востоке, такого различия по социальным критериям в начале XVII века еще не существовало. До сих пор они все без различия должны были именовать себя *холопами* царя. По аналогии с внутрирусской семантикой, по поводу понятия *холоп* в имперском контексте также напрашивается мысль, что с ним не связаны выходящие за рамки концепции милости намерения придать новым, нехристианским подданным явный уничижительный статус. Предположение о намерении унижить невозможно хотя бы потому, что понятие *холоп* во внутрирусском контексте относилось *только* к высшему сословию. Скорее следует предположить, что это обозначение прежде всего было призвано вновь указать на славу правителя, на честь быть его подданным. Кроме того, можно было надеяться, что желание обрести эту честь мотивирует и других, еще не ставших подданными, также стать ими.

²⁰¹ Н. С. Борисов приводит в качестве самого раннего примера самообозначения вельможи как *холопа* обращение князя Федора Хованского в 1489 году к великому князю Ивану III. *Борисов*. Иван III. С. 574. – В дипломатическом диалоге Иван III обозначался впервые в 1493 году в обращении Великого князя Литовского Александра Ягеллончика как *Государь всея Руси*. *Real- und Sachwörterbuch zum Altrussischen*. S. 77.

²⁰² Горский. О происхождении «холопства» московской знати; *Poe*. What Did Russians Mean When They Called Themselves «Slaves of the Tsar»?; *Флоря*. Иван Грозный. С. 99.

Путь от термина *холоп*, применявшегося для обозначения новых подданных, к собирательному понятию *холопство* для обозначения *состояния*, в котором находились все, кто был «принят» в подданство в имперском контексте, был с точки зрения лингвистики недолгим. Это первое обозначение подданства в Московском государстве утвердилось в начале XVII века. Оно распространялось на всех вновь присоединенных подданных в Сибири, на Дальнем Востоке, в Алтайских горах, в южных степных районах и на Северном Кавказе²⁰³. До сих пор в исследованиях уделялось мало внимания понятию «холопство». Вероятно, это связано с тем, что коннотация имперского подданства всегда накладывалась на второе, гораздо более важное для внутрирусского контекста значение этого понятия, в соответствии с которым до конца XVIII века *холопство* обозначало состояние рабства, а позже стало синонимом крепостничества²⁰⁴.

Обозначение подданства – *холопства* – в его имперском измерении всегда сопровождалось выражениями, подчеркивающими личностный характер подчиненности, – например, «быть под высокою рукою в вечном холопстве» или «быти под высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным». Образное представление о «высокой руке» и терминологическая аналогия с социально-сословными отношениями господина и слуги вдвойне подчеркивали концепцию тесной связи с правителем. Однако именно это сходство с отношениями господина и слуги привело к тому, что понятие «холопство» постепенно перестало применяться для обозначения имперского подданства.

От холопства к подданству

Могущественный хан государства Алтын-ханов в северо-западной Монголии Бадма Эрдэни, также называемый Омбо Эрдэни, в середине 1630-х годов был очень заинтересован в сотрудничестве с московским царем. Будучи преемником основателя империи Алтын-ханов, он стремился, с одной стороны, обеспечить себе военную поддержку против конкурентов из Внутренней Монголии, а с другой – получить доступ к торговым рынкам сибирских городов²⁰⁵. Когда в ответ на его желание царские послы предоставили ему присягу на верность для вступления нехристиан в царское подданство (*шертнүю грамоту*), он возмущенно заявил: «В холопстве де <...> то бесчестно». Невозможно представить, чтобы он, «Золотой царь» (такое буквальное значение имеет монгольский титул, заимствованный Московским государством из тюркоязычного перевода слова *алтын-хан*), принес присягу для вступления в «холопство» «великого государя». «А если нельзя изменить слово холопство, то я, Алтын-царь, не могу подписать» («и то де слово холопство лъзя ли переменить инак, а так де мне, Алтыну-царю, отнюдь не писатца»)²⁰⁶.

Московская сторона старалась объяснить монгольскому хану, что многие *государства* до него уже перешли под «высокую царскую руку» правителя. Тот, кого *государь* называет

²⁰³ КаБРО. Т. 1. № 49 (от 25.06.1614). С. 80; РМонгО. Т. 1. № 91 (между 03.06.1632 и 11.11.1632). С. 184; Колониальная политика Московского государства. № 6 (14.05.1641). С. 9; МпБ АССР. Т. 1. № 51 (24.11.1663). С. 175, 176; ПСЗРИ. Т. 3. № 1585 (14.05.1697). Пункт 25. С. 320–322; Памятники сибирской истории. Т. 1. № 119 (07.09.1709). С. 506–515, здесь с. 508.

²⁰⁴ Одним из немногих исключений в исследовательской литературе является В. В. Трепавлов, который истолковывает *холопство* в смысле царского подданства в его имперском измерении в контексте Ногайской Орды в XVI веке. Трепавлов. История Ногайской Орды. С. 644–647. – Русский писатель А. Н. Радищев использовал в книге «Путешествие из Петербурга в Москву», опубликованной в 1790 году, понятие «холоп» как синоним, с одной стороны, слов *слуга* и *раб* и, с другой стороны, – слова *крепостной*. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 288.

²⁰⁵ Омбо Эрдэни был вторым из Алтын-ханов, который правил в северо-западной части Монголии примерно с 1628 по 1657 год после своего предшественника и основателя империи Алтын-ханов Шолая Убаши. *Шастина*. Алтын-ханы западной Монголии; *Она же*. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. С. 19–21, 35.

²⁰⁶ Статейный список посольства томского сына боярского Б. Карташева к ламе Дайн Мерген-ланзу // РМонгО. Т. 2. № 8 (28.08.1636–23.04.1637). С. 50–64, здесь с. 58 (13.12.1636).

холопом, достоин чести, а не бесчестия²⁰⁷. Но попытки не увенчались успехом: все переговоры о личном исполнении шерти монгольским Алтын-ханом закончились безрезультатно. Вместо этого монгольский царь, не желая сильно оскорбить представителей Московского государства, позаботился о том, чтобы его духовный ламаистский наставник вместе со своим братом принесли присягу (*шерть*) за него и «за всю свою землю»²⁰⁸.

Таким образом, монгольский «царь» все же не стал *холопом* московского царя. Это было поражение, с которым царские дипломаты не готовы были смириться. Последующая неопределенность политического курса, с одной стороны, свидетельствует о гибкости Москвы, но, с другой стороны, также указывает на границы царского прагматизма. Они обнаружились в тот момент, когда речь зашла о сути понимания подданства, о концепции милости. Прежде всего, необходимо было предложить Алтын-хану новое наименование, чтобы он все-таки согласился лично принести присягу. В конце октября 1637 года, после долгих переговоров, московские дипломаты решились представить «Золотому царю» термин для обозначения царского подданства, которого никогда прежде не предлагали нехристианским вождям, а на тот момент, возможно, только грузинскому (а значит, христианскому) князю Александру в конце XVI века: он имел право вступить в царское *подданство* как *подданный*²⁰⁹.

К сожалению, в источниках отсутствуют следы рефлексии по поводу того, какая интерпретация была связана с этими обозначениями. Однако представляется, что именно монгольский Алтын-хан был тем, кто впервые ввел новое понятие, чтобы навязать его московской стороне. Еще до того, как посланники царя предложили термин *подданство*, в письме к московскому правителю он уже называл себя «подданой твой»²¹⁰. Только после того, как московские посланники набрались смелости и попытались настоять на старом термине *холопство*, но потерпели фиаско, они согласились предложить монгольскому «царю» принести присягу в роли *подданного*²¹¹. С уверенностью можно сказать только одно: по мнению Алтын-хана, новое понятие означало новый статус: он считался более почетным, чем статус *холопа*.

Но и этот шаг не позволил московской стороне добиться своей цели. Даже с учетом нового обозначения монгольский царь не был готов *лично* положить руку на текст присяги для подтверждения *шерти*: в Монгольской земле «не повелось, что царь царю шертует»²¹². Вместо этого он сообщил, что присяги, которую дали лама и его двоюродный брат за него, вполне достаточно и что он и так был готов следовать всем указаниям великого царя²¹³.

Для московской стороны позиция Алтын-хана была неприемлема. Подданство в рамках понятия милости требовало *личного*, безоговорочного подчинения. Достичь его можно было только через *личную* подпись. На понятийном уровне гибкость в ограниченной мере была воз-

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же. С. 57–59; Запись приема царем Михаилом Федоровичем монгольских послов Мергена Деги с товарищами // РМонгО. Т. 2. № 25 (18.02.1638). С. 94–97, здесь с. 96–97.

²⁰⁹ Запись приема в Посольском приказе послов Алтын-хана и ламы Дайн Мерген-ланзу Мергена Деги с товарищами // РМонгО. Т. 2. № 24 (27.10.1637). С. 92–94. – Грузинские посланники использовали понятие *подданство* уже в 1588–1589 годах, объясняя российским послам причины, по которым грузинский «царь» Александр вступил в царское «подданство» («государю бил челом в подданные <...> Грузинская земля потому государю и била челом, в подданстве учинилась»). Возможно, речь идет о в принципе первом упоминании понятия *подданство* в русском/российском контексте. Посольство из Грузии князя Каплана, старца Кирилла и Куршита // Белокуров (ред.). Сношения России с Кавказом. № 6 (1588–1589). С. 53 и далее. – Издателям «Словаря русского языка XI–XII вв.» были неизвестны эти ранние случаи применения понятия *подданства*, в качестве первого упоминания они называют 1645 год. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 15. С. 248.

²¹⁰ Письмо Алтын-хана царю Михаилу Федоровичу о пожаловании его служилыми людьми и жалованием и о верной службе русскому царю // РМонгО. Т. 2. № 14 (не позднее 04.02.1637). С. 72–73.

²¹¹ Статейный список переговоров томского воеводы И. И. Ромодановского с Дурал-табунаном и послом Алтын-хана Мерген Дегой с товарищами // РМонгО. Т. 2. № 20 (23.04–05.06.1637). С. 78–88, здесь с. 87.

²¹² Там же. С. 82.

²¹³ Запись приема в Посольском приказе послов Алтын-хана и ламы Дайн Мерген-ланзу Мергена Деги с товарищами // РМонгО. Т. 2. № 24 (27.10. 637). С. 92–94.

можно, в вопросах подчинения – нет. Когда Алтын-хан отказался первым спросить московских посланников о здоровье московского царя в соответствии с московскими дипломатическими обычаями и вместо этого потребовал сначала поинтересоваться его собственным здоровьем, провал вступления в царское подданство был предрешен²¹⁴. Как ни желательно было бы с московской точки зрения после Сибирского ханства инкорпорировать и орду Алтын-хана – «Золотой царь» не желал ни становиться царским *холопом*, ни превратиться в *подданного*.

В конце концов была составлена жалованная грамота, в которой не содержалось ни слова *холопство*, ни слова *подданство*, а просто было сказано, что Алтын-хан переходит под «нашу царскую высокую руку в наше царское в милостивое повеленье и в послушанье навеки неотступно». Тем самым уже не оставалось никаких сомнений в том, что вступление в подданство не состоялось и был заключен скорее «договор о дружбе»²¹⁵.

В литературе рассматриваются два варианта происхождения понятий *подданный* и *подданство*. Один из вариантов заключается в том, что дипломаты образовали их от польских терминов *poddany* и *poddanstwo*. Эти обозначения, вероятно, были знакомы московским дипломатам по контактам с польско-литовским государством (Речь Посполитая), по крайней мере, с середины XVI века²¹⁶. С российской точки зрения польская семантика понятия, производного от латинского *subditus* («покоренный»), вполне подходила для заимствования: старопольское понятие *poddany* также имело двойное значение и обозначало, с одной стороны, принадлежность крестьянина государству, а с другой – социально-сословную зависимость крестьянина от феодала²¹⁷.

Таким образом, двойственное положение принадлежности, которая, с одной стороны, была личной, а с другой стороны, в то же время соотносилась с надличной структурой правления, также было включено в новое понятие. Тем не менее польская и более поздняя русская и российская интерпретации имели одно существенное различие: *poddanstwo* в Речи Посполитой соотносилось *исключительно* с зависимым положением крестьян по отношению к польскому королю. «Покоренным» (*poddany*) назывался только тот, кто в социальном плане находился на самой низкой ступени общества. Напротив, в отношении представителя польско-литовской шляхты семантика статуса «покоренного» применяться не могла.

Другой вариант может заключаться в том, что, возможно, московские дипломаты вывели эти термины из корня слова «дань»: *быти под данью*. В этой деривации понятие *подданный* указывает на то, что лицо (*данник*) платит подати в пользу того, кому он подчинился²¹⁸.

Поскольку термин *подданство* – вопреки тому, что утверждали до настоящего времени исследования – впервые был применен не в контексте переговоров с казаками Речи Посполитой в 1654 году, а, как описано выше – еще в грузинском контексте, а затем и в ходе переговоров с монгольским Алтын-ханом, его латинско-польское происхождение вызывает сомнения²¹⁹. Однако дальнейшее использование термина в течение XVII века свидетельствует о том,

²¹⁴ Статейный список посольства томского сына боярского Р. Старкова к Алтын-хану // РМонГО. Т. 2. № 28 (05.09.1638–26.04.1639). С. 103–133, здесь с. 107.

²¹⁵ Жалованная грамота царя Михаила Федоровича о принятии Алтын-хана Омбо Эрдени-хунтайджи в русское подданство // РМонГО. Т. 2. № 26 (28.02.1638). С. 97–102. – Вопреки названию, присвоенному документу только в XX веке, в источнике не идет речи о *подданстве*.

²¹⁶ Первое употребление прилагательного *подданный* относится к 1558 году: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II. СПб., 1887 // СИРИО. Т. 59 (1887). С. 541–542. См.: Каштанов. Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. С. 219; Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 15. С. 248. С. М. Каштанов указывает на то, что понятие *подданный* использовалось в переводах иностранных писем на русский язык в начале XVII века, особенно в первой русской рукописной газете «Вести-Куранты». См.: Каштанов. Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. С. 219.

²¹⁷ Słownik Staropolski. Т. 6. Р. 236–237.

²¹⁸ Трепавлов. «Белый царь». С. 135.

²¹⁹ Трепавлов считает внутреннюю русскую деривацию столь же вероятной, как и польско-латинскую: Трепавлов. «Белый царь». С. 135. Аналогичного мнения придерживается и Марасинова. К истории политического языка. С. 7.

что его введение, без сомнения, находилось в русле семантики *холопства* и, следовательно, в контексте описываемого намерения повысить статус царя. Поэтому представляется более убедительным исходить из акцента на *подчинении* и связанного с этим понятия польско-латинского происхождения как подтверждения подчинения уплате дани, как предполагает производное от корня русского слова.

Отныне во всяком случае понятие *подданства* обозначало предполагаемую или осуществленную инкорпорацию любой имеющей высокий авторитет категории подданных, независимо от того, были эти подданные христианами или нехристианами. Оно употреблялось всякий раз, когда государственное образование с высокой степенью социальной и политической дифференциации должно было быть переведено или переводилось в реальное *подданство* или, по крайней мере, в своего рода отношения протектората. Соответственно, в уже упоминавшихся переговорах 1654 года о присоединении гетманской Украины обсуждалось только понятие *подданства*. То же самое произошло два года спустя с молдавским князем и еще два года спустя с курляндским герцогом. Также в переговорах 1661 года с калмыцкими аристократами ламаистско-буддийской веры (*тайши*²²⁰) или при присяге царю кабардинского князя Каспулата Муцаловича Черкасского в 1676 году упоминалось исключительно понятие *подданство*²²¹. С другой стороны, при присоединении сибирских оленеводов, охотников и кочевников царская сторона в течение всего XVII века еще придерживалась понятия *холопства*²²².

Одновременное использование двух понятий для обозначения подчиненности в имперском контексте с середины 1630-х годов – *подданства* для высокопоставленных лиц и их свиты, *холопства* для этнических групп, не имеющих социальных классов, сопоставимых с российским высшим дворянством, соответствовало употреблению сразу двух понятий для самоназвания *подданных* по отношению к правителю во внутривосрийском контексте. Как и в случае с *подданством* и *холопством*, в использовании терминов *холоп* (для высокопоставленных лиц) и *сирота* (для простого населения) решающее значение имели только социальные критерии²²³.

Как же повлияли усиление и расширение роли государства, которые продвигал Петр I, на понятийную систему и стоящие за ней концепции подчинения? Такой реформатор, как Петр I, который, с одной стороны, намеревался коренным образом реорганизовать Россию на

²²⁰ *Тайши* у калмыков являлся высшим аристократическим титулом после хана. Он применялся по отношению к главам самой обширной калмыцкой подвластной территории (*улуса*), но мог обозначать также претендента на титул хана или бывшего хана. В русском языке этот титул обычно передается как *тайша*. Schorkowitz. Die soziale und politische Organisation bei den Kalmücken. S. 272–274. – В целом обозначение *тайши* (или также *тайша*) использовалось для обозначения лидера народов монгольского происхождения.

²²¹ ПСЗРИ. Т. 1. № 180 (29.06.1656). С. 384–390; № 316 (09.12.1661). С. 561–564. О принятии герцога Курляндского в *подданство*: Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 63. 1658 г. Д. 4; указано у Рухманова. К истории переговоров о принятии Курляндии в подданство России. С. 161. О принятии кабардинского *тайши*: КабРО. Т. 1. № 229 (08.01.1676). С. 357. – В. Прокопович еще в 1955 году пришел к аналогичному анализу семантики *подданный/подданство* в XVII веке, который, однако, в последующий период был едва ли воспринят. Прокопович не был знаком с контекстом, в котором впервые появилось *подданство* в 1637 году, поэтому упустил из виду преемственность с *холопством* и пришел к неверным выводам. Prokopovych. The Problem of the Juridical Nature. P. 960–980.

²²² Свидетельства об использовании слова *холопство* еще в конце XVII века и даже в начале XVIII века: ПСЗРИ. Т. 2. № 1099 (16.12.1684). С. 644–645; Т. 3. № 1542 (18.02.1696). Фрагмент 5. С. 237 (здесь, однако, использовались как *холопство*, так и *подданство*); Т. 3. № 1585 (14.05.1697). Фрагмент 25. С. 320–322; Т. 4. № 1802 (30.06.1700). С. 61–64; Т. 4. № 1822 (05.01.1701). Фрагмент 6. С. 95; Колониальная политика Московского государства. № 119. С. 506–515 (07.09.1709); МпИБ АССР. Т. 1. № 51. С. 175–176 (24.11.1663). – Башкиры еще в 1737 году говорили русскому государственному чиновнику о *холопстве*: МпИБ АССР. Т. 3. № 430. С. 39 (18.03.1737) и № 432 (1737). – В отношении кабардинцев термин *подданство* был впервые использован в 1676 году: КабРО. Т. 1. № 229. С. 357 (08.01.1676).

²²³ Среди дипломатов за пределами Российской империи различие между *холопством* и *подданством* должно было вызвать недоумение. Посланники монгольского князя в 1689 году в тексте ходатайства своего главы в целях безопасности выбрали вариант с обоими терминами: «быть под вашею великих государей под высокой самодержавною рукою в подданстве в вечном холопстве»: Отписка иркутского воеводы Леонтия Кислянского в Сибирский приказ <...> // Сборник документов по истории Бурятии. Вып. 1. № 125 (до 01.08.1689). С. 359–361, здесь с. 360.

основе принципов камерализма, а с другой – нуждался в мощной регулярной армии и для этого рассчитывал на призыв солдат из широких слоев населения, быстро пришел к выводу, что упомянутые различия больше не имели смысла. Для пополнения армии ему были необходимы и *холопы*, бежавшие от своих господ. Привлечение *холопов* в армию и, следовательно, их невозвращение прежним господам можно было осуществить только в случае одновременного упразднения *холопства* как социальной категории сословного права. Однако с отменой *холопства* возвращение на уровне языка к социально-сословным отношениям *господина* и *холопа* в контексте отношений монарха и его приближенных больше не имело смысла. Более того, возникшая из камерализма цель царя унифицировать положение населения по отношению к личности монарха также упраздняла различия между *холопами* и *сиротами*²²⁴.

В связи с этим в 1702 году царь повелел, чтобы отныне все жители «российского царства» в своих челобитных, подаваемых монарху, *единообразно* и без указания своего ранга именovali себя *нижайшими рабами*. Больше не допускалось различия между *сиротами* и *холопами*²²⁵. Но этого было недостаточно, повеление явно относилось не только к «природным» россиянам, боярам, служилым и купцам. В равной степени оно относилось и к нерусским и даже нехристианским жителям, то есть к тем жителям, которые назывались *иноземцами* или в последующие десятилетия *иноверцами*.

Таким образом, одновременно на двух уровнях был сделан значимый шаг к формированию представления об *объединении* подданных: с одной стороны, вне социальных слоев, с другой – вне этнического происхождения и религиозной принадлежности дистанция между тронem и подданными должна была быть, по крайней мере номинально, одинаковой для всех, а единство населения должно было поддерживаться только имперским патриотизмом и институтом самодержца как верховного господина²²⁶. Основопологающий для империй принцип политики различия следовало упразднить, цель унитарного государства необходимо было сформировать в умозрении подданных.

На фоне этой концепции дальнейшее уравнивание было вполне логичным процессом. Если с точки зрения отношения подданных к монарху между приближенными высокого ранга и широкими слоями населения уже не должно было оставаться различий, то и употребление понятия *подданства* среди нерусского населения уже не требовало дифференциации по социальному статусу. Таким образом, даже в рамках подданства нерусских жителей социальные различия потеряли свою актуальность, по крайней мере на понятийном уровне: *холопство* вышло из употребления как термин для обозначения подданства нехристиан низшего ранга. *Подданство* утвердилось как единое понятие для всех, кто был покорен в ходе имперской экспансии, будь то кочевники в степях, оленеводы на Дальнем Востоке или остзейские немецкие дворяне в Лифляндии и Эстляндии²²⁷.

²²⁴ Марасинова. Власть и личность. С. 258–263.

²²⁵ ПСЗРИ. Т. 4. № 1899 (01.03.1702). С. 189. – О дискуссии, с какой семантикой связано понятие *раб*, см.: Марасинова. Власть и личность. С. 260–263; Каменский. Подданство, лояльность, патриотизм. С. 75–81.

²²⁶ Марасинова. Власть и личность. С. 257–260. С критикой подобной интерпретации введения такого единого обозначения, как *рабы*, выступает Каменский. Подданство, лояльность, патриотизм. С. 75–82. – В дискуссии по вопросу, требовалось ли при Петре I подданство, связанное с личностью или с государством, Маргарет Вольтнер поддерживает позицию, что при Петре принятие православия для получения подданства утратило значение и было заменено требованием приверженности российскому государству. С другой стороны, Клаудио Ингерфлом, опираясь на историко-понятийные исследования текстов присяги коренных народов и иностранцев, пришедших с запада, придерживается мнения, что петровское представление о правлении все еще было связано с личностью и поэтому преждевременно говорить о том, что присяга была связана с государством. В. Н. Бенда указывает на значение новой формы впервые зафиксированной законом присяги на верность. Ранее это был только устав, теперь же она была зафиксирована в манифесте (18.08.1721). В этом манифесте, однако, по-прежнему утверждалось, что присяга приносится русскому *государю* (а не государству). Woltner. Untertanenschaft von Westeuropäern in Russland bis Peter einschließlich. S. 47–60; Ингерфлом. Историографический миф о верности «государству» при Петре Великом; Бенда. «Присяга на верность...».

²²⁷ Вероятно, последнее упоминание *холопства* относится к 1737 году и встречается в башкирском контексте. Запись башкира Ногайской дороги Кыркулинской вол. Муллагула Топанова уфимскому посадскому человеку И. Н. Дюкову на вечное

Унифицировано было не только понятие, обозначающее концепцию подданства. Отныне «природные» русские, так же как инкорпорированные «иноземцы» и «иноверцы», были приведены к единому обозначению *подданные*. Однако в качестве самоназвания в челобитных к царю это понятие пока еще не использовалось. Только в 1786 году Екатерина II ввела самоназвание *верный подданный*, отменив тем самым введенный Петром I термин *раб*²²⁸.

Еще при Петре I были отменены и языковые различия между *клятвой на верность*, которая исполнялась по христианской традиции крестным целованием, и *шертью* как присягой для людей других вероисповеданий. Вместо этого не позднее чем с 1720-х годов *всем* необходимо было приносить лингвистически унифицированную *присягу на подданство*²²⁹.

То, что совершенно иная концепция подданства в принципе могла быть возможна, обнаруживается при сравнении действий российского государства с политикой Британской империи. Для англичан включение коренного населения британских колоний, будь то Канада, Новая Англия, Австралия или Индия, в государственное объединение «свободнорожденных англичан» было бы немыслимым. Вместо включения (и постепенной аккультурации) коренных этнических групп в собственное население и в собственную социальную структуру британским властям, напротив, крайне важно было постоянно следить за сегрегацией англичан от коренного населения²³⁰.

Однако другая картина наблюдалась в дореволюционной Франции. В частности, в «Новой Франции» (в Канаде) французская имперская элита придерживалась не только интегративного подхода, схожего с российским. Прежде всего французская колониальная элита на протяжении многих десятилетий как в XVII веке, так и периодически во второй половине XVIII века стремилась к полной ассимиляции автохтонного населения с французским. Несмотря на то что формирование французской нации, составляющей большинство, на решающем этапе образования империи в XVIII веке уже продвинулось намного дальше, чем в российском государстве, между обеими империями можно провести примечательные параллели.

Эти параллели заметны не только в осуществлении попыток инкорпорировать культурно чуждые этнические группы в соответствии с концепцией всеобщего подданства или гражданства. Наряду с этим в обеих империях обнаруживались ограниченность и амбивалентность таких попыток. Если в российском государстве XVIII века, несмотря на единый статус подданства, по-прежнему проводились различия между *иноверцами* и *природными россиянами* и даже после обращения «новокрещенные» не становились автоматически «россиянами», а продолжали считаться «новокрещеными» или даже *крещеными иноверцами*, то и во Франции, несмотря на политику ассимиляции, сохранялись различия между «природными французами» и «не природными французами», или натурализованными иностранцами²³¹. Таким образом, в обоих случаях можно увидеть зачатки типичного явления, характерного для колониального дискурса, в соответствии с которым границы между колонизаторами и колонизированными хотя зачастую и стираются, но все же не исчезают полностью²³². Однако прежде всего взгляд за

холопство с крещением в христианскую веру // МПИБ АССР. Т. 3. № 430 (18.03.1737). С. 359; Запись башкира сибирской дороги, Сельжутской вол. Афонасия Келчюрина оренбургскому купцу Ивану Ильину на вечное холопство с крещением в христианскую веру // Там же. № 432 (06.04.1737). С. 361.

²²⁸ ПСЗРИ. Т. 22. № 16329 (19.02.1786). С. 534.

²²⁹ ПСЗРИ. Т. 6. № 3778 (апрель 1721). С. 383–387; Т. 7. № 4646 (02.02.1725). С. 412; № 5070 (07.05.1727). С. 788–789. – Бывший московский государственный муж Григорий Карпович Котошихин уже в 1666–1667 году в написанном им в эмиграции в Швеции сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» использовал понятие *подданные* для обозначения представителей всех социальных слоев, начиная с бояр и князей и до простолюдинов. *Котошихин*. О России. С. 1. – Как показывают свидетельства и вопреки утверждению Каштанова, только политика Петра I в начале XVIII века создала семантику *подданства*, охватывающую *все* население Русского царства. *Каштанов*. Государь и подданные. С. 220.

²³⁰ Darwin. Das unvollendete Weltreich, особенно S. 241.

²³¹ Sahlins. Unnaturally French; *Idem*. Interview.

²³² Bhabha. Of Mimicry and Man. – Более внимательное сравнение российской и французской концепций подданства в их имперском измерении и связанной с ним политики в дореволюционное время могло бы стать привлекательной темой для

пределы Российской империи показывает, что отнюдь не контраст между морскими и континентальными империями был определяющим при выборе политики интеграции или сегрегации, а скорее ту или иную политику определяли исторические традиции и причины соответствующей имперской экспансии.

История понятия проливает свет не только на инициированное при Петре I слияние империи и протонационального государства посредством создания терминологически единого союза подданных. Вместе с тем она также может проиллюстрировать параллельно протекающий процесс огосударствления подданства. Таким образом, понятийная система отражает то, как изначально преобладающая двойственность российского подданства (с одной стороны, личного, с другой – трансперсонального) постепенно превращалась в однозначную связь с институцией, бытование которой все чаще рассматривалось как не зависящее от личности, которую она олицетворяла²³³.

В то время как в 1696 году такие формулировки, как *быть под высокою рукою в вечном холопстве*²³⁴, не предполагали цели скрыть от людей личное подданство, уже через несколько десятилетий обозначения *российское подданство* (впервые употребленное уже в 1722 году)²³⁵, а также *подданные российские* (1731) продемонстрировали²³⁶, какие изменения Петр I внес для отделения государства от правителя²³⁷. Конечно, в середине XVIII века все еще встречались отголоски личностного восприятия в употреблении таких формулировок, как *быть в подданстве Его Императорского Величества* (1741)²³⁸. Однако не позднее начала XIX века концепция связи подданства с государственной структурой, то есть «империей» или «троном», окончательно утвердилась: теперь подданные находились *в подданстве империи Всероссийской* (1802)²³⁹ или оставались *под покровительством всероссийского престола* (1812)²⁴⁰.

От подданства к протекции и покровительству

Процесс огосударствления был важнейшей, но не единственной тенденцией, оказавшей влияние на развитие концепции подданства в XVIII веке. Другие преобразования происходили в результате освоения (западно)европейских понятий и связанных с ними концепций раннего и позднего периодов эпохи Просвещения. К ним относился термин *протекция*. Это понятие, произведенное от латинского *protectio* (защита, охрана), один из многочисленных неологизмов, проникших в российское государство через украинско-польское языковое пространство и взятое на вооружение Петром I и его окружением, в российском контексте приобрело два значения²⁴¹.

С одной стороны, оно представляло собой этап подготовки к «абсолютному подданству». Если казахский жуз не желает *точного подданства*, писал царь Петр I в одном из наставлений

будущих исследований.

²³³ О деперсонализации правления и связанных с этим трудностях в российской державе см.: *Raphael. Recht und Ordnung*. S. 37–40, 67–74.

²³⁴ ПСЗРИ. Т. 3. № 1542 (18.02.1696). Фрагмент 5. С. 237.

²³⁵ Из записи А. Тевкелева по поводу высказывания Петра I о привлечении казахов в российское подданство // КРО. Т. 1. № 24 (1722). С. 31.

²³⁶ ПСЗРИ. Т. 8. № 5704 (19.02.1731). С. 386–387.

²³⁷ О значении Петровской эпохи для постепенного отделения понятия правления от понятия государства см.: *Черная. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству»*.

²³⁸ РТуркО. № 29 (17.03.1741). С. 62.

²³⁹ ПСЗРИ. Т. 27. № 20442 (03.10.1802). С. 265–269.

²⁴⁰ РДагО. Т. 2. № 397 (07.02.1812). С. 298, 299.

²⁴¹ Еще П. А. Шафиров, Ф. Прокопович, Г. Ф. Долгоруков и Б. И. Куракин использовали понятие *протекция*. *Шафиров. Рассуждение какие законные причин. С. 1; Прокопович. Слова и речи; Долгоруков // ПиБ. Т. 2. С. 544; Куракин (1707) // Архив Ф. А. Куракина. Т. 1. С. 189, 197, 202. См.: Christiani. Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache. S. 20, 21; Смирнов. Западное влияние на русский язык. С. 246; Фасмер. Русский этимологический словарь. Т. 3. С. 382.*

своему переводчику Алексею Ивановичу Тевкелеву (1674–1766), то нужно постараться, невзирая на большие расходы до 1 миллиона [рублей], в письме обязать его *вступить под протекцию Российской империи*²⁴². Конечно, остается открытым вопрос, что именно Петр I понимал под *протекцией*. Но очевидно, что казахам (Младшего жуза) необходимо было предоставить статус, который бы *не предполагал* обязательств, вытекающих из «полного подданства»²⁴³.

С другой стороны, гораздо чаще российская элита употребляла обозначение *протекция* как синоним *подданства*, невзирая на иное толкование со стороны коренных этнических групп²⁴⁴. Обязательства, связанные с концепцией подданства, а также личное принесение присяги по собственной вере, выплата дани и предоставление заложников называли то *подданством*, то *протекцией*, то и тем и другим одновременно²⁴⁵. Тем самым вновь проявилась многовековая русская и российская традиция прагматичного и гибкого обращения с понятием царского подданства: неоднозначное употребление понятия *протекции* допускало его различные трактовки. Не было никаких критериев, которые указывали бы на разницу между *протекцией* и *подданством*. Более того, ни к чему не обязывающее взаимодействие плавно могло перейти в другую, значительно более тесную связь. Решающим с российской точки зрения оставался сам акт включения, а также связанное с ним притязание на длительные отношения. Обозначение и детали могли варьироваться²⁴⁶.

И все же с появлением термина *протекция* в российском подданстве возник новый нюанс, который в последующие десятилетия значительно укрепил свои позиции. Восприятие мыслей Просвещения проявилось в том, что были введены такие новые термины, как *покров* и прежде всего *покровительство*. Эти новые понятия стали поздним следствием осуществленного при Петре I принятия парадигмы цивилизованности, которая еще будет подробно рассматриваться в настоящей работе²⁴⁷. С появлением новой парадигмы в российской имперской элите распространилось осознание себя как цивилизатора покоренных коренных этнических групп на юге и востоке и, следовательно, осознание своего долга вывести эти группы на более высокий цивилизационный уровень. Начиная с 1730-х годов убежденность в необходимости выполнить эту

²⁴² Из записи А. Тевкелева по поводу высказывания Петра I о привлечении казахов в российское подданство // КРО. Т. 1. № 24 (1722). С. 31.

²⁴³ Даже несколько десятилетий спустя сохранились свидетельства того, что «протекция» и «подданство» терминологически различались. Например, в письме оренбургского губернатора Ивана Неплюева джунгарскому правителю Галдан-Церену говорится, что казах Абулхайр-хан сначала долгое время состоял «в протекции великих российских монархов», а с 1738 года стал «подданным по присяге» («торжественно присягал»). Письмо начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева Галдан-Церену с требованием не вмешиваться в дела казахов, принявших российское подданство // КРО. Т. 1. № 95 (02.09.1742). С. 228–229, здесь с. 228. – Ногайские орды также просили в 1771 году Екатерину II о статусе протекции, но не подданства: «чтоб быть нам в протекции, а не в подданстве вашего величества». Цит. по архивному документу: Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. С. 99.

²⁴⁴ По вопросу о том, как нерусские этнические группы на юге и востоке государства воспринимали свою связь с российским царством, в которое они вошли в результате «присоединения», см.: Трепавлов. «Белый царь». С. 134–197.

²⁴⁵ Пример: хотя казахский Абулхайр-хан изначально просил о получении всероссийской *протекции*, российский дипломат А. Тевкелев рассуждал о том, можно ли считать желание Абулхайра быть принятым в русское *подданство* [sic!] «добрым и верным *подданством*» // КРО I. № 33 (03.10.1731–14.01.1733). С. 48–86, здесь с. 49; № 43 (10.04.1733). С. 99–100; см., кроме того, там же № 47 (10.02.1734). С. 103; № 50 (01.05.1734). С. 107–114; № 92 (07.06.1742). С. 217–218; особенно примечательно: Там же. № 178 (11–25.07.1749). С. 450–473; РДарО. Т. 1. № 1 (20.04.1719). С. 27–28; № 3 (21.01.1720). С. 28–29; № 38 (28.10.1723). С. 53; № 85 (17.05.1751). С. 85; КабРО. Т. 2. № 207 (19.06.1769). С. 290–291; № 225 (19.12.1777). С. 324–326.

²⁴⁶ В заблуждение вводит тезис Трепавлова, согласно которому неологизм *протекция* в начале XVIII века заменил понятие *шерть* в значении покровительства. В действительности понятие *шерть* в XVIII веке уже не использовалось. Игнорируется, во-первых, тот факт, что понятие *шерть* уже в XVII веке с точки зрения Москвы больше не несло семантики протектората, но просто обозначало присягу нехристианских представителей при вступлении в царское подданство, на что указывает также то, что обозначение *шерть* в начале XVIII века было заменено на выражение *присяга на подданство*. С другой стороны, он упускает из виду широко распространенную практику применения в XVIII веке *протекции* и *подданства* как синонимов или одновременно, и даже без градации относительно «полного подданства» (см. свидетельства в предыдущем примечании). Трепавлов. «Белый царь». С. 138 и 147.

²⁴⁷ См. гл. 4.1.

задачу связывалась не только со стремлением *принудить* людей к якобы «наилучшему пути» для них, но и с попыткой склонить их к изменениям «изнутри».

В связи с этим не позднее чем с середины XVIII века в центре внимания оказалась идея «покровительства». С правления императрицы Екатерины II новый дискурс терминологически проявился в том, что этнические группы, инкорпорированные в ходе имперской экспансии, принимались не в *подданство*, как это было раньше, а уже главным образом в *покровительство* императрицы. Как ранее *протекция*, так и *покровительство* применялось с разной семантикой: в редких случаях это понятие выступало для обозначения однозначно *не достигающей* подданства принадлежности к имперской структуре (в смысле протектората)²⁴⁸; часто оно использовалось либо в одном ряду с *подданством*²⁴⁹, либо как синоним к *подданству*²⁵⁰. Иногда *покровительство* также непосредственно выражало только мысль о царской милости, защите и заботе – обычно с тем примечанием, что желательно было попасть под «особое покровительство» императрицы²⁵¹.

Эти категории покровительства, прогресса и представления о различных уровнях цивилизации, получившие широкое распространение в поздний период эпохи Просвещения во второй половине XVIII века, не могли не повлиять на концепцию подданства. Прежде всеобщая и унифицированная концепция Петра I была частично разрушена, что расчистило путь для патерналистского образа мыслей и действий. В качестве примера «политики покровительства» в конце XVIII века можно привести действия в отношении Младшего жуза казахов. С российской точки зрения цель состояла в том, чтобы сломить упорную казахскую несговорчивость и привести кочевников в подчинение. В то время как, с одной стороны, царская сторона самочинно назначала казахского хана на российской земле, с другой стороны, казахской элите предоставлялась возможность войти в российские административные структуры и получать за это регулярное жалованье²⁵².

Однако сформулированный на этой основе тезис, как это делает историк Дов Ярошевский, что только такая политика служила цели «предоставить» казахам «полное» подданство, неубедителен. Ярошевский предполагает, что при императрицах Анне и Елизавете сознательно избиралась концепция лишь «ограниченного подданства». Таким образом, утверждает он, речь шла только о минимизации набегов казахов на российских подданных путем передачи казахам «выкупа» в виде жалованья или подарков. Только при Екатерине II и ее оренбургских губер-

²⁴⁸ ПСЗРИ. Т. 21. № 15835 (29.09.1783). С. 1013–1017 (Под протекторатом грузинского царя); Т. 19. № 13636 (12.08.1771). С. 294 (Под протекторатом крымских татар).

²⁴⁹ ПСЗРИ. Т. 25. № 18990 (02.06.1799). С. 674–675; № 19107 (01.09.1799). С. 780; Т. 26. № 19994 (28.08.1801). С. 763 и далее; КабРО. Т. 2. № 213 (09.08.1771). С. 299–304, здесь с. 303; № 220 (24.04.1775). С. 312; № 221 (после 1775). С. 318–319; РДарО. Т. 2. № 248 (1783). С. 183; № 258 (02.03.1786). С. 190 (здесь *покров* и *подданство* одновременно); Доношение Г. И. Шелихова иркутскому генерал-губернатору И. В. Якобия // Русские открытия в Тихом океане. № 18 (19.04.1787). С. 206–214, здесь с. 207; КРО. Т. 2. № 64 (1786); РТуркО. № 85 (1801). С. 137; № 91 (09.05.1802). С. 143.

²⁵⁰ ПСЗРИ. Т. 23. № 16937 (27.01.1791). С. 206–207; РДарО. Т. 2. № 167 (30.09.1769). С. 131–132; № 241 (03.07.1783). С. 179–180; № 250 (1783). С. 184; № 272 (26.08.1786). С. 198–200; КабРО. Т. 2. № 208 (08.08.1769). С. 291–292; № 212 (до 15.10.1770). С. 295–299; КРО. Т. 2. № 66 (1786); № 86 (1803). С. 152–163; № 105 (07.10.1820). С. 185–186; № 117 (10.02.1823). С. 204; МпиБ АССР. № 497 (11.01.1770). С. 473–484; РТуркО. № 98 (13.03.1803). С. 153; № 100 (1803). С. 157; № 103 (16.04.1803). С. 159–160; № 141 (23.11.1819). С. 208; № 146 (25.01.1820). С. 217: «Они, приняв высокое покровительство императора Александра I, почтут себя счастливыми, когда будут носить имя подданного всероссийского государя»; № 149 (12.04.1820). С. 221–226; № 150 (21.04.1820). С. 226–228. – После смены столетия *подданство* все более вытеснялось *покровительством*.

²⁵¹ ПСЗРИ. Т. 38. № 29127 (22.07.1822). С. 417–433, здесь § 285 и 286; Т. 29. № 22371 (28.11.1806). С. 884–891; КабРО. Т. 2. № 220 (24.04.1775). С. 312; РДарО. Т. 2. № 267 (не позднее мая 1786). С. 195; № 316 (10.02.1796). С. 227–230; КРО. Т. 2. № 66 (1786). С. 118; № 123 (13.05.1824). С. 214; № 88 (10.05.1805). С. 164; № 89 (20.09.1805). С. 165; № 120 (07.01.1824). С. 209. – В целом Екатерина II снизила подобным смешением границ вступления в «покровительство» или в «подданство» доселе базовую значимость присяги. Она все больше воспринимала его как ритуал, который утрачивал свою ценность, если не соответствовал внутреннему настрою человека. В свете сопротивления польской шляхты присяге после восстания Костюшко она даже приказала, чтобы присягу принимали исключительно «от наличных и усердных». СИРИО. Т. 16. СПб., 1875. С. 62.

²⁵² Подробнее об этом экспериментальном проекте «политики покровительства» в гл. 4.5.

наторах Дмитрие Васильевиче Волкове (1715–1785) и Осипе Андреевиче Игельстроме (1737–1817 или 1823) возникла новая линия политики, посредством которой из подданных, которые были таковыми «только по названию», пытались сделать лояльных подданных²⁵³.

Как до него Трепавлов и Шаблей, Ярошевский не основывает анализ на понимании подданства современниками событий. Скорее, исходя из существующих сегодня представлений, он измеряет возможности участия в государственном управлении, которыми обладали казахи на соответствующих этапах российского подданства. При этом он аналитически опирается на концепцию, которую можно обозначить скорее как гражданство, нежели подданство. Однако политика Екатерины II в отношении казахов не была связана в первую очередь с наделением их особыми правами участия в управлении. Ее главной задачей был поиск новых средств, направленных на борьбу с постоянными грабительскими набегами казахов, и обеспечение их неизменной лояльности российскому государству. Не укрепление подданства само по себе было ее целью. Речь шла о новой политике в духе Просвещения, которая полагалась не столько на физическое насилие для воспитания из казахов «послушных подданных», сколько на то, чтобы «завоевать» их сердца и заставить изменить образ жизни посредством политики царского «покровительства» и вовлечения в дела государства²⁵⁴. Таким образом, цель была та же, что и в начале принятия казахов в царское подданство в 1730-х годах, только средства были другие. Опять же, именно гибкость российской концепции подданства дала возможность и в этом случае пересмотреть выбор средств.

²⁵³ Yaroshevsky. Attitudes toward the Nomads of the Russian Empire.

²⁵⁴ Оренбургский губернатор О. А. Игельстром в конце 1780-х годов с неприязнью вспоминал предшествующую российскую политику организованного грабежа казахов, которая обозначалась как «карательная экспедиция» и по факту, как правило, касалась невинных людей. Игельстром, напротив, преследовал цель «и у дичайших народов приобрести доверенность в пользу империи». В этом духе он обратился к казахам с предложением принять участие в «пограничных судах», созданных для них // МПИК ССР 1785–1828. № 33 (10.05.1789). С. 108–127, здесь с. 110, 111. Больше об этом в гл. 4.5.

2.4. ВЫВОД

Царскую концепцию подданства в *имперском* контексте XVIII века можно понять только с оглядкой на возникновение *внутрирусской* концепции подданства в конце XIV – начале XV века. Ее сущностные характеристики формировались из условий присяги на верность, которая со времен русского Средневековья составляла основу акта принятия в подданство правителя.

Со времен образования Великого княжества Московского решающее значение имела концепция неравенства участников. Правитель оказывал милость, принимая кого-либо в свое царство. В отличие от заключения равноправного договора, согласно московскому подходу, подразумевалось полное подчинение без правовых ограничений. Отличительной чертой подданства была *личная* связь, что было типично для правящих структур раннего Нового времени. В Российской империи это продолжалось дольше и было более выражено, чем в Западной Европе, несмотря на содержащееся в тексте присяги положение о трансперсональной вечной связи подданных с господином. Свидетельством русского, а затем российского подданства в соответствии с монгольской традицией выдачи *ярлыка* служила жалованная грамота, которую должен был предоставлять великий князь или царь. Для достижения максимальной истинности присяги клятва должна была осуществляться по собственной вере инкорпорированных.

Эти компоненты концепции подданства были взяты из *внутрирусского* контекста, когда в XVI веке впервые зашла речь об инкорпорации представителей чуждой, нехристианской высокой культуры. Это была та же концепция подданства с ее основным элементом – присягой на верность, и в межимперском сравнении в этом заключается особенность, которая проявилась при инкорпорации чуждых этнических групп Казанского ханства, а также при «собрании земель Киевской Руси» Великим княжеством Московским несколькими десятилетиями ранее. Эта инклюзивная традиция, продолженная в XVII веке, стала предпосылкой того, что дальнейшее расширение Российской империи в XVIII веке было самым тесным образом связано с образованием российского унитарного государства, а параллельно протекающие процессы частично даже слились друг с другом. Это важное наследие XVIII века, инклюзивный характер имперских дискурсов и государственной политики, несмотря на некоторое противодействие, сформировало российскую историю вплоть до XIX и XX веков и продолжает оказывать на нее влияние по сей день.

При этом цель царской власти объединить нерусские этнические группы, инкорпорированные в рамках имперской экспансии, с собственным населением, в межимперском сравнении отнюдь не была уникальной. Французская имперская элита сформулировала ту же самую цель в некоторых частях «Новой Франции» (Канада) и уже в XVII веке проводила аналогичную политику. Однако, пожалуй, ни в какой другой европейской империи стремление к объединению населения не доминировало в дебатах и имперской политике с такой настойчивостью и так эффективно, как в российском государстве.

Благодаря истории понятий становится ясно, как концепция подданства раннего Нового времени отделилась от своего первоначального двойственного положения между личными и зарождающимися государственными связями и развилась в начале XVIII века от личного подданства к гражданству: отправной точкой является *холопство*, первое русское понятие, обозначающее подданство, в котором терминологическое сходство с социально-сословными отношениями между *государем* и *холопом* демонстрирует личностный характер, несмотря на его употребление в контексте отношений господства. Когда в первой половине XVII века монгольский Алтын-царь Омбо Эрдэни отверг термин *холопство* в тексте своей присяги, российские власти ввели термин *подданство*. Он употреблялся до 1917 года и служил с Петровской эпохи общепринятым обозначением подчиненности, вне социальных и политических различий. С тех пор он отражал формирование концепции российского государственного народа, которая

в равной степени характеризовала как давно проживающее население, так и вновь инкорпорированные нерусские этнические группы.

Царская администрация допускала расхождения между номинально установленным и иногда едва различимым реальным подданством. Современное понятие подданства включало различные ступени «натурализации», которые могли плавно перетекать друг в друга. В этом смысле российское подданство в XVIII веке, если не учитывать его основные компоненты, было *ситуативной* категорией, которая могла гибко корректироваться на местах в зависимости от региона и условий. Российские имперские акторы использовали именно эту гибкость концепции для установления все новых и новых притязаний и этим обеспечивали постоянный приток новых подданных.

Только *один* компонент концепции подданства уже с XVI века придавал инкорпорации новых подданных на юге и востоке явно имперский колорит: помимо сбора дани представители нехристианских аннексированных коренных этнических групп должны были передавать российской государственной власти в качестве живого залога членов самых уважаемых семей, которые регулярно обменивались. Этому методу, имевшему первостепенное значение для построения и консолидации Российской империи на юге и востоке, посвящена следующая глава.

3. ЗАЛОЖНИЧЕСТВО КАК ИМПЕРСКИЙ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ

Концепция царского подданства в ее основных принципах с самого начала распространялась на всех, кто подчинялся или хотел подчиниться российскому господству. Однако в случае нехристианских подданных, помимо *присяги/шерти* и *ясака*, выдвигалось дополнительное требование предоставить заложников²⁵⁵. Для коренных русских или членов других этнических групп, если они были христианами, обязанности платить *ясак* соответствовала аналогичная обязанность платить налоги или служить своему господину. Обязательное же предоставление заложников в том виде, в котором оно формировалось начиная с XVI века, не имело *никаких* аналогий ни во внутрирусском контексте, ни в форме господства над теми жителями державы, которые хотя и не были русскими, но все же являлись христианами.

Значение заложничества заключалось в первую очередь в том, что, в отличие от присяги, которая могла быть зафиксирована только на бумаге, взятие заложников являлось *видимым* признаком властно-политического превосходства. В этом пункте представления коренных народов, выдававших заложников, также во многом совпадали с мнением российской стороны, удерживающей заложников. В большинстве других вопросов, связанных с заложничеством, мнения расходились: с царской точки зрения заложники символизировали обещание постоянного подданства в виде лояльности и послушания. Для коренных этнических групп или их предводителей предоставление заложников обычно имело другое значение – например, оно могло являться символом временного протектората, связанного с притязанием на военную защиту, установлением дипломатических отношений или обременительным условием для получения подарков²⁵⁶.

С российской точки зрения с XVI по XIX век удержание заложников служило решающим средством обеспечения царского права на подданство, даже среди нехристианских этнических групп, и надежным методом укрепления российской экспансии. Положения, которые впервые освещают этот имперский метод от его истоков до начала XIX века и с акцентом на XVIII веке, могут прояснить два момента. Во-первых, требование заложников, как ничто другое, обнаруживает, что царская власть управляла своими имперскими перифериями двояко: при присоединении христианской гетманской Украины, остзейских или польских губерний не было взято ни одного заложника. Во-вторых, на примере того, как решался вопрос с заложничеством, можно изучить, как в XVIII веке возникла российская миссия цивилизирования – политика, предусматривавшая всестороннюю трансформацию образа жизни коренного населения на юге и востоке.

²⁵⁵ Lutteroth. Der Geisel im Rechtsleben.

²⁵⁶ Трепавлов. «Белый царь». С. 134–197; Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier. P. 63–69.

3.1. ЗАЛОЖНИЧЕСТВО В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Взятие заложников относится к правовым архетипам. Еще в Библии рассказывается, как Иосиф удерживал при себе Симеона в качестве гаранта, когда его братья отправились обратно домой, чтобы привести к нему младшего брата Вениамина. Упоминания о взятии заложников встречаются в самых ранних источниках Китая, Вавилона и Индии, у ассирийцев и тимуридов²⁵⁷.

Особое значение захват заложников приобрел при римлянах. С самого начала они использовали заложничество для создания своей империи, прибегая, однако, лишь к одностороннему взятию заложников. Это означало, что получали заложников (*obsides*) исключительно римляне, сами же их не предоставляли²⁵⁸. Покоренные этнические группы принуждались к заключению союза с Римом (*foedera iniqua*) и в качестве побежденных были обязаны предоставить заложников (так произошло в 201 году до н. э. с карфагенянами и в 189 году до н. э. с этолийцами). Известно о заложнике Полибии из Греции, который в 167 году до н. э. поселился в доме полководца Эмилия, где воспитывал юного Сципиона.

Однако чем дальше заложник находился вдали от дома, тем больше Рим опасался, что с его отсутствием могут смириться и в результате снизится важность заложника в обеспечении договоренностей. Поэтому через определенный срок заложников заменяли на новых. Положение взятых под надзор было для римлян священным, за исключением случаев, когда заложник утрачивал свое значение. Такое положение дел возникало, если покоренная этническая группа, предоставившая заложника, не соблюдала соглашения.

В позднеримский период истребование заложников сводилось к тому, чтобы продемонстрировать блеск и престиж *Imperium Romanum*: с помощью заложничества демонстрировалось не только превосходство Рима над другими этническими группами. Прежде всего возросло стремление использовать взятых в заложники сыновей «варварских» вождей для того, чтобы оказывать на них влияние в духе Рима и приобщать их к римским ценностям.

Несмотря на то что этот аспект заложничества в значительной мере был утрачен в Европе в Средневековье, столетия на рубеже первого тысячелетия являлись расцветом взятия и обмена заложников. Шла ли речь о нашествии викингов, нормандском завоевании Англии, борьбе за инвеституру, иберийской *Реконкисте* или крестовых походах – все европейские державы вплоть до папы римского были вовлечены в широко признанный институт поручительства – захват заложников²⁵⁹.

Вариантов этой практики существовало великое множество, они варьировались от взятия заложников как гаранта высокой дипломатии между королями до насильственного и одностороннего захвата в заложники обычных людей с целью подчинения. Карл Великий для подтверждения своего господства над недавно завоеванными этническими группами регулярно брал заложников, особенно у саксов. Заложники рассматривались им как гарантия мирного поведения остальных членов рода. Так же как позднее и в российском государстве, эта форма заложничества в большинстве случаев сопровождалась принесением присяги²⁶⁰.

²⁵⁷ Первое свидетельство о взятии заложников в Китае относится к VIII веку до н. э. Yang. Hostages in Chinese History. P. 507. – Kosto. Hostages in the Middle Ages. P. 3; Lutteroth. Der Geisel im Rechtsleben. S. 179; Pollock. «Thus We Shall Have Their Loyalty and They Our Favor».

²⁵⁸ Единственным исключением были самниты. Римляне должны были сначала предоставить им заложников, но затем в итоге смогли их освободить. Lutteroth. Der Geisel im Rechtsleben. S. 181–182.

²⁵⁹ Kosto. Hostages in the Middle Ages. P. 4.

²⁶⁰ Lintzel. Zur altsächsischen Stammesgeschichte. Bd. 1. S. 98–100; Braunfels. Karl der Große. S. 43 f., 58; Lampen. Sachsenkriege, sächsischer Widerstand und Kooperation. Bd. 1. S. 264–272; Becher. Karl der Große. S. 56–74.

Международно-правовые дискурсы XVI и XVII веков фундаментально изменили на Западе отношение к захвату заложников. Благодаря трудам, подобным произведениям Гуго Гроция, захват заложников в мирное время как средство давления и договоренностей рассматривался в рамках международной политики все чаще как противоречащий нормам международного права, поскольку оценивался как неправоудное насилие по отношению к невинным частным лицам. Подобное считалось допустимым исключительно в том случае, если захват заложников побуждал другое государство отказаться от поведения, противоречащего международному праву²⁶¹. В противном случае привлекались другие формы дипломатии, и в 1748 году, с подписанием Аахенского мирного договора, состоялась последняя среди западноевропейских государств передача заложников²⁶².

Вместе с тем размышления о международном праве едва ли мешали западноевропейским империям прибегать к захвату заложников в ходе заморской экспансии. Скорее, напротив, нарушение соглашений и их одностороннее толкование были обычным явлением в обращении с местным населением, как, например, с североамериканскими индейскими племенами. И все же, по сравнению с происходящим в российском государстве, заложничество не сыграло значительной роли в испанской, голландской, британской или французской колонизации Северной и Южной Америки. Только в отдельных случаях голландцы прибегали к договорам о заложниках в рамках международного права, как, например, голландские колонисты в Южной Америке, когда по мирному договору 1762 года они предоставили свободу сарамакам, но хотели защитить себя от набегов с помощью взятия заложника²⁶³. О французах и англичанах известно лишь, что при каждой колониальной войне XIX века они время от времени брали заложников²⁶⁴. В мирное время этим занимались преимущественно частные лица, которые путем взятия заложников пытались вымогать шкуры или другой выкуп. Английские или французские купцы в Африке также часто прибегали к частнопрововому договору о заложниках, чтобы использовать их в качестве гарантии или залога при торговых сделках либо для обеспечения долгов при штрафах, в азартных играх или пари²⁶⁵.

Тем не менее ни в одной из западноевропейских колониальных империй раннего Нового времени, располагавших заморскими колониями, «добровольно» заключенные договоры о заложниках или основанное на международном праве одностороннее (насильственное) взятие заложников в мирное время не служили систематическим средством содействия имперской экспансии и обеспечения насильственно-военных претензий расширяющегося государства. В континентальной Османской империи ситуация была иной. Не позднее XV века удержание заложников происходило здесь на регулярной основе²⁶⁶. Могущественные султаны на протя-

²⁶¹ Например, в 1740 году Фридрих Великий арестовал двух российских дворян, чтобы побудить российское государство освободить прусского дипломата. *Lutteroth. Der Geisel im Rechtsleben. S. 230.*

²⁶² Англичане передали Франции двух высокопоставленных заложников, чтобы гарантировать передачу Франции острова Кейп-Бретон. *Lutteroth. Der Geisel im Rechtsleben. S. 205–206.*

²⁶³ *Price. To Slay the Hydra. P. 162.*

²⁶⁴ *Hammer, Salvin. The Taking of Hostages. P. 22.* Авторы ссылаются в качестве доказательства на: *Morgan J. H. The German War Book, being «The Usages of War on Land» issued by the Great General Staff of the German Army. London, 1915. P. 119.*

²⁶⁵ *Pawn* – английский термин для обозначения заложников, которые выступали в качестве гаранта в гражданско-правовых договорах в торговле и на невольничьем рынке (или *pawnship* — заложничество). *Lovejoy, Falola (Ed.). Pawnship; Lovejoy, Richardson. The Business of Slaving. P. 67–89.* – Помимо этого, в контексте африканских колоний существовала практика взятия в плен или похищения (*pauyarring*) на короткое время человека, который являлся членом общины, к которой принадлежал должник или убийца, чтобы принудить к одному конкретному действию (например, вымогательство ценностей, уплата долгов) или для краткосрочного наказания (после убийства). Английские и американские купцы применяли эту практику, которая, вероятно, была знакома им из африканского контекста, на берегах Северной Америки, захватывая коренных жителей и принуждая автохтонное население к отдаче шкур животных. *Gibson. Otter Skins, Boston Ships, and China Goods. P. 160–161; Гринев. Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 136.* – Однако эту практику (по-русски «полон») следует отличать от российского заложничества («аманатство»).

²⁶⁶ *Pollock. «Thus We Shall Have Their Loyalty». P. 144.*

жении двух столетий выступали в качестве господ по отношению к заложникам – сыновьям правителей из многих покоренных ими стран, которых они на протяжении долгого времени держали в зависимости. К ним принадлежал, например, знаменитый сын валашского господаря Влада Дракулы, граф Дракула (Vlad Drăculea), который с 9 до 17 лет удерживался в качестве «человеческого залога», вероятно, временами в крепости, временами при дворе османского султана. После смерти его отца султан объявил его наследником престола Валахии²⁶⁷. Эта процедура была типичной для османского обеспечения власти. В случае с Крымом, завоеванным в 1478 году, султаны пытались с помощью заложников, большинство из которых являлись братьями крымского хана, повлиять на вопрос о том, кто должен быть избран наследником престола вассального ханства²⁶⁸.

Однако с падением Османской империи в XVII и XVIII веках и потерей многочисленных территорий удержание заложников становилось все менее важным. В последний раз оно имело место после недолговечного триумфа османов над русскими в результате поражения последних в 1711 году на реке Прут, когда султану удалось получить в заложники Михаила, сына русского фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, и дипломата и доверенное лицо царя Петра Павловича Шафирова (1670–1739), в качестве гарантии заключенного мирного договора, однако лишь на короткое время²⁶⁹. Российское государство вследствие усиления своей власти во внешнеполитическом контексте больше уже не видело себя в роли того, кто предоставляет заложников, но исключительно в роли того, кто их берет.

В противовес снижающейся значимости взятия заложников в западноевропейских и Османской империях, в российском государстве с конца XVI века значение заложничества неуклонно возрастало. В XVII и особенно в XVIII веке в контексте российской экспансии и укрепления власти взятие заложников приобрело наибольшее значение. Различие, проведенное Асканом Луттеротом между предоставлением заложников, регулируемым договором, с одной стороны, и их насильственным захватом, с другой, в российском случае бесполезно. Хотя, за единственным исключением в конце XVIII века, речь всегда шла об одностороннем взятии заложников, границы между их «мирным» предоставлением по соглашению и захватом силой или под угрозой применения силы были подвижны.

Вместе с тем можно говорить о «градиенте насилия» с востока на юг: в то время как взятие заложников на Северном Кавказе и в Южных степях, несмотря на элементы принуждения и насилия, как правило, с обеих сторон встречало понимание и часто сопровождалось своеобразным договором о заложниках, взятие заложников в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в северной части Тихого океана и на Аляске почти всегда основывалось на открытом применении силы. Выражаясь современным языком, это можно было бы обозначить как «организованное на государственном уровне похищение людей»²⁷⁰ и этим провести очевидные связи между понятием заложника раннего Нового времени и тем же явлением конца XX века, террористический вариант которого в 1979 году был объявлен вне закона в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников²⁷¹. Однако значительные семантические различия между понятиями «заложник» конца XX века и раннего Нового времени намного перевешивают терминологическую идентичность.

²⁶⁷ Местонахождение Дракулы во время его пребывания в заложниках не совсем ясно. Хайко Хауманн изначально предполагает, что он получил образование при дворе султана, но в другом месте упоминает, что его точное местонахождение неизвестно. Другие источники указывают Эгерскую крепость, где он, по крайней мере временно, находился в заключении. *Haumann. Dracula. S. 17 f., 22; Klell, Deutsch. Dracula; Treptow. Vlad III. Dracula.*

²⁶⁸ Греков. К вопросу о характере политического сотрудничества; *Bennigsen, Lemerrier-Quelquejau. Le khanat de Crimée; Pollock. «Thus We Shall Have Their Loyalty». P. 144; Fisher. The Russian Annexation of the Crimea. P. 6.*

²⁶⁹ Журналы и камер-фурьерские журналы 1695–1774 гг. СПб., 1853–1864, здесь – 1711 год. С. 74; Шафиров смог уже в 1714 году вернуться в Россию. *Лихач. Шафиров. С. 42–43.*

²⁷⁰ *Гришев. Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 129.*

²⁷¹ *Kosto. Hostages in the Middle Ages. P. 4–5.*

Несмотря на значение для российской империи заложничества как инструмента экспансии, методы взятия и удержания заложников до сих пор мало изучены в историографии российского государства²⁷². Очевидно, что гетерогенность имперских периферий царства привела к тому, что удержание заложников не рассматривалось как один из наиболее трансрегионально значимых российских методов имперской экспансии и стабилизации господства на юге и востоке²⁷³. Тот факт, что сегодня доступны лишь малочисленные преимущественно связанные с региональной спецификой исследования, чреват тем, что этот феномен в целом окажется недооцененным²⁷⁴.

²⁷² Только после распада Советского Союза историки «обнаружили» тему заложничества, но либо рассматривали ее не как основную тему и только с точки зрения региональной специфики, либо ограничивали ее рассмотрение несколькими страницами. *Тхамоков*. К вопросу о роли системы аманатства; *Khodarkovsky*. Russia's Steppe Frontier. P. 56–60; *Гринев*. Туземцы-аманаты в Русской Америке; *Асфандияров*. Институт аманатства в Башкирии; *Торопицын*. Институт аманатства; *Зуев*. «Аманатов дать по их вере грех»; *Озова*. Институт аманатства в Кабарде; *Pollock*. «Thus We Shall Have Their Loyalty». – Незадолго до выхода в свет данной книги автор узнала о недавно опубликованной статье: *Rusakovskiy*. Geiselstellungen an den Russischen Kulturgrenzen in der Frühen Neuzeit. Материал данной статьи, затрагивающий несколько российских периферий и сосредоточенный преимущественно на XVII веке, не учтен в данной книге.

²⁷³ В обзорных работах Диттмара Дальмана о Сибири и А. Каппелера и Нэнси Коллманн об истории Российской империи эта практика упоминается, но не получает особого внимания в качестве важнейшего инструмента российской имперской экспансии и консолидации власти. *Dahlmann*. Sibirien, например, P. 78, 83, 90; *Kanneler*. Россия – многонациональная империя. С. 33–34, 39; *Kollmann*. The Russian Empire. P. 63, 70.

²⁷⁴ Поллок определяет российскую форму практики заложничества как «дипломатическое взятие заложников». Однако при этом он оценивает данный феномен в его северокавказском проявлении. *Pollock*. «Thus We Shall Have Their Loyalty». P. 139.

3.2. МОНГОЛЬСКИЙ ТРАНСФЕР? СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПРАКТИКА ЗАЛОЖНИЧЕСТВА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Российская имперская элита XVIII века рассматривала захват заложников как нечто целиком и полностью само собой разумеющееся и считала, что его легитимность обоснована уже одной лишь давностью традиции. Вновь и вновь в источниках встречаются указания на порядок действий, известный «с незапамятных времен». Чтобы понять концепцию заложничества в ее русском и российском исполнении, а также изменения, которые произошли в XVIII веке, необходимо – как уже было сделано в предшествующей главе о подданстве – обратиться к истокам метода, к этапу его становления в восточнославянском регионе.

Сразу же возникает вопрос не только о преемственности и разрыве с традициями на протяжении столетий. Прежде всего необходимо прояснить, на какие традиции ориентировалось русское и позднее российское заложничество. Идет ли речь о том, что заложничество стало актом сложного культурного обмена в рамках пространства *Slavia Asiatica*?²⁷⁵ Или можно говорить о захвате заложников как об осознанном акте культурного трансфера, трансфера определенного метода, который Великое княжество Московское после окончания монголо-татарского владычества переняло у Золотой Орды, так же как сбор дани (*ясак*), введение почтовой системы (*ям*), перепись населения и многие другие государственные практики? Следовало ли, таким образом, русское и позже российское формирование заложничества в русле монголо-татарской традиции?²⁷⁶

В научной литературе встречаются бесчисленные, подозрительно одинаковые указания на то, что московиты переняли эту практику от монголов. Однако тщетно искать этому доказательства²⁷⁷. С. В. Бахрушин, один из самых известных экспертов московской экспансии в Сибири в XVII веке, ссылаясь на результаты обширных архивных изысканий, даже утверждает, игнорируя Античность и раннее Средневековье, что русские переняли практику, которая была *изобретена* монголами²⁷⁸.

А. З. Асфандияров заменяет отсутствующие доказательства собственными умозаключениями: невозможно представить, пишет Асфандияров, что «башкирские племена» в XIII и XIV веках «без принуждения и добровольно вносили в ее [Золотой Орды] казну *ясак*. <...> Без института аманатства – одного из средств принуждения, [хан Золотой Орды] [задачу удержания башкирских племен в повиновении] не смог бы <...> решить»²⁷⁹.

²⁷⁵ С полным основанием в литературе, особенно в отношении европейского Средневековья, указывается на широкий спектр культурных связей и процесс взаимообмена. Вместе с тем отношения трансфера – это только одна из многих возможных форм взаимодействия. Gerogiorgakis, Scheel, Schorkowitz. Kulturtransfer vergleichend betrachtet; Schorkowitz. Akkulturation und Kulturtransfer in der Slavia Asiatica.

²⁷⁶ По мнению Л. И. Шерстовой и В. В. Трепавлова, заложничество относится к ряду практик, заимствованных в монгольский период. Помимо уплаты *ясака*, указывается также на практику принесения присяги на верность (*шертование*). Шерстова. Русские в Сибири XVII века. С. 23; Трепавлов. «Белый царь». С. 180–184. – Термин «монголо-татарское» владычество учитывает тот факт, что изначально исключительно этнически монгольская правящая верхушка захватчиков с принятием самое позднее в XIII веке ислама при правлении Берке-хана все больше смешивалась с тюркоязычными азиатскими этническими группами, так что в итоге нельзя говорить о чисто «монгольском» правлении. Spuler. Die Goldene Horde. S. 281–282.

²⁷⁷ Бахрушин. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. Т. 4; Зуев. «Аманатов дать по их вере грех». С. 155–159; Торопицын. Институт аманатства. С. 59–80; Luehrmann. Alutiiq Villages under Russian and U. S. Rule. P. 76; Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier; Трепавлов. «Белый царь»; Шерстова. Русские в Сибири XVII века; Тхамоков. К вопросу о роли системы аманатства; Грицев. Туземцы-аманаты в Русской Америке; Асфандияров. Институт аманатства в Башкирии.

²⁷⁸ Бахрушин. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. Т. 4. С. 47.

²⁷⁹ Асфандияров. Институт аманатства в Башкирии. С. 11.

Более тщательное исследование монгольских и монголо-татарских практик порабощения и последующего взимания дани с различных русских княжеств приводит к более дифференцированным выводам. Действительно, существуют свидетельства того, что монголы в процессе покорения этнических групп и расширения империи требовали в качестве заложников сыновей или младших братьев правителей покоренных групп²⁸⁰. С подобным требованием монголы в 1262 году обратились к корейскому монарху и в 1267 году к правителю Аннама. Но все доступные свидетельства заставляют предположить, что взятие заложников *не* являлось правилом для закрепления завоеваний на русских территориях.

В научной литературе в качестве свидетельства взятия заложников в первой фазе монгольского завоевания и покорения Руси приводится единственный источник – рассказы францисканца Джованни дель Плано Карпини (ок. 1185 – 1252)²⁸¹. Карпини отметил, что тверской князь Ярослав Ярославович (1230–1272), впоследствии великий князь Владимирский, должен был посылать своих детей в качестве залога добросовестного поведения должника²⁸². В действительности формулировки Карпини говорят о том, что монголы не применяли практику заложничества по отношению к русским княжествам в 1240-х годах. Согласно Карпини, взятые в качестве «заложников» сыновья или братья князей позже никогда больше не выпускались из столицы Орды – Сарая, даже если отец или брат, который осуществлял господство над определенной территорией, умирал, не оставляя преемников²⁸³. Это говорит о том, что Карпини наблюдал одну из форм монгольского *плена*, поскольку отсутствует элемент, столь характерный для практики заложничества, а именно временное удерживание заложника или даже обмен заложников²⁸⁴. Русский дореволюционный историк А. В. Экземплярский в своем изложении данного инцидента также исходит из того, что речь идет не о захвате монголами заложников: сыновья князя Ярослава Ярославовича в 1252 году попали в монгольский плен во время битвы под Переславлем (их *взяли в полон*)²⁸⁵.

Полагать, что захват заложников практиковался в первой фазе монгольского владычества, нельзя и потому, что монгольские ханы осуществляли правление из Сарая и назначали в каждом русском княжестве *баскаков*, чтобы иметь возможность оказывать непосредственное давление и обеспечивать постоянное подчинение. *Баскаки* выполняли функции, сходные с задачами губернаторов, однако также могли в любой момент применить насилие с помощью привлечения частей монгольской конницы для придания веса своим требованиям²⁸⁶. До первой трети XIV века в их задачу входил сбор дани и налогов. Они контролировали размещение войск и создание и поддержание князьями почтовой системы. Кроме того, они следили за тем, чтобы князья при каждой смене правителя отправлялись к новому хану в Сарай с ходатайством

²⁸⁰ Помимо этого, требовалось личное появление покоренного правителя при дворе хана, проведение переписи населения, уплата дани и конфискация десятой доли людей и имущества каждого покоренного княжества. Это означало не только натуральные выплаты и выдачу продуктов животноводства, но и то, что должна быть передана десятая часть населения; часть мужского населения направлялась в армию, другая часть использовалась в качестве работников или продавалась в рабство. Martin. *Medieval Russia*. P. 165.

²⁸¹ Allsen. *Mongol Imperialism*; Черепнин. Монголо-татары на Руси. С. 193; May. *The Mongol Conquests*; Di Cosmo, Frank, Golden (Ed.). *The Cambridge History of Inner Asia*; Ostrowski. *The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions*. – О захвате заложников как институте монгольского правления в конце XIV века см. ниже.

²⁸² Карпини. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 55.

²⁸³ Там же. С. 56.

²⁸⁴ Процедура обмена заложниками, столь значимая для российской формы заложничества, будет подробнее рассмотрена ниже.

²⁸⁵ Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. С. 449–450.

²⁸⁶ В нерусских источниках представители монголов названы *даругачи* (darughachi) или *даруга* (darugha). Об этих терминах, их возможных различиях и самих должностях см.: Vásáry. *The Origin of the Institution of Basqaqs*. P. 201–206; Allsen. *Mongol Imperialism*. P. 46 f.; Черепнин. Монголо-татары на Руси (XIII в.). С. 193; May. *The Mongol Conquests*. P. 166 f. – Дискуссии о том, какой властью и полномочиями обладали, какие задачи решали *баскаки*, см.: Nitsche. *Die Mongolenzeit und der Aufstieg Moskaus*. S. 562, 563; Каргалов. Существовала ли на Руси военно-политическая баскакская организация; Семенов. К вопросу о золотоордынском термине «баскак».

о предоставлении им права на княжеское правление на их территории (*ярлык на княжение*). Это путешествие, которое князья использовали также для защиты своих политических интересов, всегда было трудным, опасным и дорогостоящим предприятием, которое обычно занимало от одного года до двух лет²⁸⁷. Применительно к этой фазе консолидации монгольского владычества неизвестно, чтобы *баскаки* брали и удерживали заложников, дабы гарантировать уплату дани или реализацию других повинностей князьями. Учитывая возможность быстрого применения своей конницы, *баскаки*, видимо, считали себя в состоянии справиться со своими задачами без взятия заложников.

Когда *кыпчакские* ханы в Сарае убедились, что Русь в достаточной мере замирена, они уполномочили в первой половине XIV века русских великих князей самостоятельно собирать налоги и поддерживать закон и порядок. *Баскаки* были отозваны почти со всей северо-восточной Руси. Причиной этого нововведения, таким образом, стали замирение территорий и принятие гегемонии *кыпчакского* хана, а не местное сопротивление монголо-татарскому владычеству в целом или уплате дани в частности²⁸⁸. Таким образом, следует отметить, что на всем этапе консолидации власти над вновь завоеванными территориями, во время которого в российском государстве захват заложников получил наибольшее распространение и значение, в случае Золотой Орды этот метод не играл абсолютно никакой роли.

Однако после ухода *баскаков* функционирование монголо-татарской системы власти зависело от сотрудничества русских князей с Сараем. Если раньше власть и авторитет хана в Сарае олицетворяли *баскаки*, то теперь русские князья оказались непосредственно включенными в жестко организованную иерархию монголо-татар. Прежде всего это относилось к великому князю московскому, который отвечал за сбор дани. Поездки, которые все русские князья обязаны были совершать по случаю их прихода к власти или смены монголо-татарского правителя, чтобы отдать дань уважения престолу хана в Сарае, после ухода *баскаков* становились все дольше²⁸⁹. Отказаться от поездки в Орду не имел права никто. В противном случае хан посылал гонцов с вооруженными отрядами.

И все же было бы слишком смело вслед за историком Л. И. Шерстовой трактовать поездку за *ярлыком* (*ездить за ярлыками*) и последующее пребывание в Сарае как период заложничества²⁹⁰. В русских летописях нет указаний ни на то, что *поездка за ярлыками* имела что-то общее с заложничеством в смысле человеческого залога, ни на то, что русские воспринимали *поездку за ярлыками* именно таким образом²⁹¹. Скорее можно говорить о принудительном, но ограниченном по времени пребывании князей в Орде, которое служило для демонстрации властных отношений и их ритуального выражения.

Лишь спустя многие десятилетия *после* передачи сбора дани русским князьям появляются указания на то, что Золотая Орда ввела некую форму захвата заложников в процесс правления Русью. Возможно, хан считал введение этого метода необходимым для противодействия

²⁸⁷ Черепнин. Монголо-татары на Руси (XIII в.). С. 179–203; Полубояринова. Русские люди в Золотой Орде. – Великий князь Владимирский Александр (Невский) также ездил много раз в Сарай для отстаивания своих интересов. Он совершал третью обратную поездку из Сарая, когда в 1263 году умер в Городце на Волге. Schenk. Aleksandr Nevskij. S. 54–55.

²⁸⁸ Ostrowski. Muscovy and the Mongols. P. 42–43.

²⁸⁹ На этом этапе активировавшихся отношений между русскими князьями и ханами Золотой Орды во второй половине XIV века также впервые появляется указание на ритуал *бить челом* или *челобитие*, что буквально может быть переведено как «ударь лбом об пол». С этим связано правило, как именно русские князья должны были приближаться к хану: в знак почтения они прикладывали лоб к земле и только после этого могли изложить свою просьбу. Выражение *челобитие* сохранилось в российском государстве до XIX века как официальное определение любого прошения или обращения к царю. Монголы, в свою очередь, заимствовали это понятие у китайцев, возможно, в период монгольского владычества над ними. Dewey. Russia's Debt to the Mongols. P. 268.

²⁹⁰ Шерстова. Тюрки и русские в Южной Сибири. С. 66.

²⁹¹ Подобная точка зрения могла быть отражена, например, в соответствующей системе понятий, которая в то время была хорошо известна благодаря внутрироссийскому контексту. Подробнее о системе понятий, касающейся заложничества, см. ниже.

укреплению местных сил и тем самым угрозе свержения Золотой Орды. В любом случае начиная с 1380-х годов существуют свидетельства того, что сыновья князей различных русских княжеств содержались в Сарае и, по-видимому, использовались в качестве залога²⁹².

Однако в источниках того времени по-прежнему не встречается специального понятия для этой практики или самого состояния заложничества. Вместо этого используется довольно неопределенное выражение *оставить во Орде* или *послать/отпустить в Орду* для описания ситуации, когда княжеские сыновья, которых «поставляли» в Сарай, чтобы они жили там – как, например, в случае Василия из Володимира – против их воли в течение трех лет, а затем отпускали²⁹³. Принудительность пребывания особенно подчеркивается тем, что в источниках упоминается о многочисленных попытках побега²⁹⁴.

В то же время отмечается, что князья часто «посылали в Орду» своих сыновей, чтобы те могли таким образом лучше представлять и отстаивать их интересы при дворе хана²⁹⁵. Тот, кому посчастливилось находиться в Сарае во время кончины одного из русских князей, мог даже надеяться, что хан передаст ему освободившийся удел²⁹⁶. Нелояльное отношение одного из русских князей также могло привести к тому, что хан сместит его и заменит его сыном, которого до этого момента держали в Сарае как заложника²⁹⁷.

Другими словами: взятие монголо-татарами в заложники сыновей русских князей в конце XIV века было включено в политическую культуру; пребывание в Орде с самого начала выполняло по меньшей мере две функции: во-первых, сыновья русских князей служили для Золотой Орды залогом корректного поведения их отцов. Во-вторых, князья, со своей стороны, пользовались длительным пребыванием своих сыновей при ханском дворе, чтобы реализовать свои политические амбиции и тем самым получить преимущества во власти²⁹⁸.

Эта форма монголо-татарской практики отличается по многим существенным пунктам от позднейшего российского заложничества. Эти различия с очевидностью демонстрируют, что нельзя исходить из того, что метод заложничества был заимствован Московским государством из контекста Золотой Орды: во-первых, заложничество играло в мире Золотой Орды, как

²⁹² Приведем выборочно свидетельства: Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11. М., 1965. С. 90 (1386–1387) («внук Иванов, Московский видя себя држима во Орде»); С. 93 (1387) («посла во Орду сына своего»); Летописец Рогожский // ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. С. 149 (1382) («сына своего князя Александра во Орде оставил»); Т. 15. С. 154 (1391) («князь Борис Константинович посла сына своего в Орду князя Ивана»); Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 211 (1383) («князь Дмитрие Константинович Суздальскы посла в Орду сына своего князя Семена; <...> сын его князь Александр оста в Орде»). Среди немногих исследований, в которых приводятся свидетельства из источников практики монгольского заложничества на Руси: *Полубояринова*. Русские люди в Золотой Орде. Здесь с. 13–14; *Dewey*. Russia's Debt to the Mongols. P. 254 f.

²⁹³ Летописец Рогожский // ПСРЛ. Т. 15. М., 1922. С. 148 (1383) («князь великий Дмитрие Иванович отпусти в Орду к царю Токтамышу сына своего старшаго Василиа из Володимеря <...> и там пребысть 3 лета»).

²⁹⁴ Сын суздальского князя Дмитрия Константиновича, Василий Дмитриевич, который в 1382 году был взят в заложники, совершил попытку побега в 1386 году. *Полубояринова*. Русские люди в Золотой Орде. С. 14. – Хотя побег не удался, срок пребывания в заложниках был продлен, но уже через год (после в общей сложности пяти лет пребывания в заложниках) княжеский сын был освобожден и хан пожаловал его городом. Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 11. М., 1965. С. 93 (1387) («прииде из Орды князь Василей Дмитреевич Суждальский, пожалован от царя Тахтмышша: даде ему царь Городец»); Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1922. С. 154 (1387) («прииде из Орды князь Василей Дмитреевич Суздальский и поручи ему царь, вда ему Городец»); Т. 15. Вып. 1. М., 1922. С. 444 (1386) («князь великий Василей Дмитриевич из Орды убегл»). – Сын рязанского князя Олега Дмитриевича, Родослав, тоже сбежал в 1387 году из Орды. Летописец Рогожский // ПСРЛ. Т. 15. М., 1922. С. 153 (1387) («прибежа из Орды князь Родслав сын Олгов Рязанского»).

²⁹⁵ Так произошло, например, с уже упомянутым сыном суздальского князя Василием Дмитриевичем, который изначально был послан в Орду, чтобы заручиться поддержкой монголов и получить *ярлык*, который возвел бы его на владимирский престол. Летописец Рогожский // ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. С. 148 (1382). – Великий князь Тверской, Михаил Александрович, также при собственном возвращении из Орды оставил там своего сына для представления своих интересов. Летописец Рогожский // ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. С. 149 (1382).

²⁹⁶ Так произошло с князем Борисом Константиновичем, который находился в Сарае со своим сыном Иваном, когда умер великий князь Нижегородский. Летописец Рогожский // ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. С. 149 (1382).

²⁹⁷ *Allsen*. Mongol Imperialism. P. 74.

²⁹⁸ *Martin*. Medieval Russia. P. 170–171.

уже упоминалось, определенную роль только и лишь тогда, когда монголо-татарское владычество, спустя столетие, уже консолидировавшись, столкнулось с проблемой участившихся притязаний на власть некоторых русских княжеств. В Московском государстве, напротив, заложничество имело большое значение *во время* процесса завоевания и покорения, а также по меньшей мере в течение последующих столетий внедрения и укрепления имперского господства²⁹⁹.

Во-вторых, в случае монголо-татар заложники содержались в месте пребывания хана в Золотой Орде, чтобы – как в случае с монгольским владычеством над Китаем – пополнять императорскую гвардию или – как в случае с господством над Русью – вовлечь их в политику обеспечения господства, чтобы затем поставить их в качестве преемников при захвате русских княжеств и таким образом закрепить монголо-татарское господство посредством личных связей³⁰⁰. Таким образом, давление Золотой Орды на даннического правителя Руси состояло не столько в угрозе физической расправы и душевных страданиях кровных родственников, взятых в качестве заложников, сколько в том, чтобы при первых признаках нелояльности его *самого* могли поменять местами с заложником. Заложника, который провел много времени при имперском дворе, татары считали более надежным, чем его родственника, который все время провел вдали, на княжеском престоле³⁰¹.

В Московском государстве заложники, напротив, с момента введения данной практики в конце XVI века, находились или на специально для этого устроенных *аманатных дворах* в российских крепостях вдоль *фронтира*, например в южных степях и на Северном Кавказе, или в более простых рубленых *избах* в Сибири и на Дальнем Востоке³⁰². Кроме того, они регулярно заменялись и до XVIII века, как правило, не имели никаких контактов с политическим руководством страны. До XVIII века никто не думал о заложниках как о возможности оказывать влияние на преемников правителей покоренных этнических групп, не говоря уже о том, чтобы назначать преемниками самих заложников.

В-третьих, и это, вероятно, самая важная причина, из-за которой нельзя говорить, имея в виду позднее русское и российское заложничество, о заимствовании традиции Золотой Орды, – русские князья уже до покорения монголами были знакомы с заложничеством как одной из форм человеческого залога³⁰³. В Киевской Руси заложничество стало частью ряда практик гражданской и коллективной ответственности на духовном, военном, финансовом и политическом уровнях³⁰⁴. Заложник, обозначаемый восточнославянским понятием *таль*, обменивался как залог при сделках в гражданско-правовом контексте, как, например, между Новгородом и остзейскими купцами, или во внешнеполитическом или «международном» контексте например между русскими князьями и степными народами, такими как печенег и половцы (куманы)³⁰⁵. Эта практика в обеих формах сохранялась неизменной – и с теми же

²⁹⁹ Подробнее о становлении и развитии заложничества в Московском государстве см. ниже.

³⁰⁰ О привлечении заложников в императорскую армию монгольского хана см.: *Lattimore. Chingis Khan and the Mongol Conquests; Allsen. Mongol Imperialism*. P. 73–74; *Yang. Hostages in Chinese History*. P. 517, 518.

³⁰¹ *Allsen. Mongol Imperialism*. P. 74. – В Китае также иногда происходили военные столкновения, когда княжеские сыновья возвращались на периферию после пребывания в столице в качестве заложников и благодаря обретенной близости к имперскому центру предъявляли претензии на власть. *Yang. Hostages in Chinese History*. P. 509.

³⁰² Подробнее о процедуре захвата русских и российских заложников см. ниже.

³⁰³ Д. Шорковитц даже исходит из того, что восточные славяне были знакомы с заложничеством еще в доправовую эпоху, когда славянские группы в начале IX века находились под властью аварского каганата. Он утверждает, что заложничество «следует рассматривать не с точки зрения взаимопроникновения и ранней аккультурации, а как локально развитую юридическую практику культурно различающихся групп, основанную на совместимых правовых концепциях». *Schorkowitz. Akkulturation und Kulturtransfer in der Slavia Asiatica*. S. 153.

³⁰⁴ *Dewey, Kleimola. Suretyship and Collective Responsibility; Idem. Russian Collective Consciousness; Dewey. Russia's Debt to the Mongols*.

³⁰⁵ *Schmidt. Soziale Terminologie in russischen Texten*. S. 508, 522; Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 29. М., 2011. С. 210; *Real- und Sachwörterbuch zum Altrussischen*. S. 313; *Фасмер. Русский этимологический словарь*. Т. 4. С. 16. – Русские

обозначениями – также и во время монголо-татарского правления над территориями Киевской Руси³⁰⁶.

Понятие *таль*, однако, не встречается ни в одной русской летописи в связи с княжескими сыновьями, посланными ко двору монголо-татарского хана в Сарай. Таким образом, становится ясно, что практика обмена человеческого залога в узком смысле слова (как во времена Киевской Руси), с одной стороны (*таль*), и «политическое» заложничество с целью влияния и аккультурации при дворе Золотой Орды (в смысле римской модели) (*хождение в Орду*), с другой стороны, в сознании современников происходящего значительно различались. Речь идет о двух разных формах практики заложничества с разными функциями, которые во времена монголо-татарского владычества существовали параллельно³⁰⁷. История понятий содержит четвертый и самый веский аргумент, который свидетельствует против трансфера заложничества в Московское государство в монголо-татарском варианте. В отличие от таких терминов, как *ясак* (дань), *ям* (почтовая система) и *деньги*, у монголов не существовало термина для характерного для них типа заложничества, который нашел бы отражение в русских летописях и сохранился бы после их владычества, и также нет никаких указаний с русской стороны, позволяющих предположить, что монгольский вариант заложничества воспринимался как продолжение древнерусской практики *таль*.

княжеские семьи также отдавали своих детей в качестве залога другим княжествам в рамках соглашений о дружбе, никак специально терминологически не обозначая этот процесс. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. А. Н. Насонов. М.; Л., 1950. С. 26 (1140 год), 66 (1228 год). – Dewey. Russia's Debt to the Mongols.

³⁰⁶ Ср. взятие в заложники князя Бориса Константиновича Василием I в 1392 году: Новгородская первая летопись. С. 385, и другие многочисленные примеры в XIV и XV веках: Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. С. 922; Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 29. С. 210.

³⁰⁷ Так, в Новгородской летописи говорится: «Того же лета [1392] вышел из Орды князь великий Василий Дмитриевич, и взя Нижний Новгород, и пойма князи и княгини *в таль*; а князь Семен бежа в орду». В данном случае Сарай даже обозначен как место, которое защищало от захвата в заложники самих русских князей. Новгородская вторая летопись. С. 385.

3.3. СТАНОВЛЕНИЕ ЗАЛОЖНИЧЕСТВА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Вопрос об истоках

Если Московское государство переняло заложничество не из контекста Золотой Орды и если форма монголо-татарского заложничества не оказала никакого влияния на позднее русское и российское проявление этого метода, то возникает вопрос о началах заложничества в Московском государстве. Упадок монголо-татарского владычества и одновременное усиление Великого княжества Московского в XV веке, его территориальное расширение благодаря последовательному присоединению старых княжеств Киевской Руси и первых неславянских этнических групп на северо-востоке расширили не только источники дохода московской власти. Укрупнение государства предполагало развитие новых практик стабилизации власти или расширение устоявшихся методов.

В литературе встречаются утверждения, согласно которым «заложники» брались уже во время первых походов за Урал в конце XV века³⁰⁸. Обращение к источникам этого не подтверждает: в летописях постоянно говорится о «пленении» (*в полону вывели*) или о статусе «пленников» (*полоны*), в который добровольческие отряды (*хотящие люди*) по приказу Ивана III перевели часть коренного населения, но не о заложниках³⁰⁹. Нельзя исходить из того, что под «пленниками» и «заложниками» понималось одно и то же, поскольку в Киевской Руси, как позже и в Московском государстве, между этими двумя феноменами существовало четкое различие³¹⁰. К тому же понятие *таль*, которое еще во время монголо-татарского иностранного господства играло определенную роль в отношениях русских князей друг с другом и с Западной Европой, во время Ивана III не использовалось и в конце XV – начале XVI века было утрачено³¹¹.

Как и прежде, отсутствует какое-либо указание на взятие заложников в связи с методами подчинения, с помощью которых Иван III как великий князь Московский обязал лидеров этнических групп в западно-сибирской Югорской земле, «князей» Калпака и Течика, принести присягу и платить дань, дал им право осуществлять княжеское правление в Югорской земле («князь великий их пожаловал югорским княжением») и затем отправил домой, выдав

³⁰⁸ Dahlmann. Sibirien. S. 41; Forsyth. A History of the Peoples of Siberia. P. 28 f., 41; История Сибири с древнейших времен. Т. 1. С. 368–370.

³⁰⁹ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950. С. 86, 94, 95.

³¹⁰ Как правило, в российском контексте заложник в отличие от пленника считался только временно удерживаемым человеческим залогом. Согласно предписаниям царского правительства их хорошо содержали и регулярно обменивали. В источниках между заложником (*аманаты*) и пленником (*полоны*, в отношениях с Крымских ханством *ясыри*) проводится четкое различие, как концептуальное, так и понятийное. Однако был возможен плавный переход из одного статуса в другой, когда, например, заложник без согласия предоставившей заложника стороны становился или объявлялся пленником. Так, Москва приказала воеводе в Терске перевести Алегука, сына кабардинского князя, по причине «неверности» его отца из заложников (*аманатный двор*) в тюрьму. При этом речь шла о мерах вследствие так называемой порчи заложника, которые вступали в силу, если с точки зрения того, кто удерживал заложника, обязательства стороны, предоставившей заложника, не выполнялись. Грамота из Посольского приказа терскому воеводе <...> // КабРО. Т. 1. № 129 (26.07.1641). С. 200–202; Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier. P. 54 f. – Другие примеры из XVIII века, демонстрирующие разницу между заложником и пленником: о башкире Юкаеве – «которого отец здесь в аманатах и брат в полону». Сказка переводчика И. Г. Дуракова в канцелярию Главного правления казанских и сибирских казенных заводов <...> // МпиБ. Т. 6. № 89 (28.04.1736). С. 163–164, здесь с. 164. – Другой пример: Протокольная запись переговоров начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева с ханом Абулхаиром <...> // КРО. Т. 1. № 96 (22.09.1742). С. 229–253, здесь с. 248.

³¹¹ Это с очевидностью следует не только из изученных автором источников, но и из данных, приведенных в статье «таль» в соответствующем словаре. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 29. С. 210.

им жалованную грамоту³¹². Даже присяга, которая приносилась в начале процесса покорения Казани в 1550 году, не содержала обязательства предоставлять заложников³¹³. Таким образом, отсутствуют свидетельства связи раннего этапа существования Московского государства и заложничества (*маль*) в какой-либо форме времен Киевской Руси и тем более Золотой Орды.

Только когда Московское государство вследствие знаменательного завоевания Казани, в тот период самой крупной державы в регионе, вступило в контакт с этим краем, где благодаря османскому влиянию заложничество было обычной практикой, эти методы прочно интегрировались в репертуар московской политики подчинения и имперской реализации власти. Произошло ли это в результате диффузионного акта культурного обмена или сознательного культурного трансфера – здесь не важно. Но теперь, так или иначе, взятие и удержание заложников развились в составные элементы консолидации русского и российского владычества над нехристианскими народами. Регионом, в котором происходил этот культурный обмен или трансфер, стал Северный Кавказ.

Поскольку в литературе зарождение и первоначальный характер московского заложничества либо остаются в тени, либо из-за политических обстоятельств и ситуации с источниками не рассмотрены и не оценены достаточно основательно, следует уделить этому аспекту более пристальное внимание. Московское покорение мусульманского Казанского ханства коренным образом изменило политический ландшафт. Главы многочисленных этнических групп, которые населяли территории к востоку и югу от Казани, впервые послали посольства в Москву, добиваясь заверений в «дружбе», и даже были сразу готовы принести присягу на верность русскому правителю. Одним из ярких примеров стало покорение Сибирского ханства, чьи посланники в 1555 году прибыли ко двору русского правителя Ивана IV, чтобы от имени своего князя Едигера и всех сибирских земель принести присягу на верность и стать данниками российского монарха. Иван IV, который был провозглашен в 1547 году «царем», в ответ на это отправил своего посланника (*дорога*) с *ярлыком*, чтобы на монгольский манер сосчитать податных и привести их к присяге. При этом он также не потребовал заложников³¹⁴.

В 1554 году последовал поход на Астраханское ханство и его окончательное покорение два года спустя. С покорением Астрахани сразу же сформировалась прямая связь с Северным Кавказом – регионом, с которым в Москве связывали дальнейшие геополитические амбиции. Часть населения Северного Кавказа также стремилась к тому, чтобы избавиться от власти крымских татар и османского султана, которую многие считали деспотичной, и хотели взамен заключить альянс с набиравшим силу русским царством. Посреди этнической пестроты Северного Кавказа, облюбованного османским султаном, персидским шахом, кумыкским шамхалом и крымско-татарским ханом, поселились черкесские (адыгейские) кабардинцы. Наряду с кумыками, они являлись, не в последнюю очередь благодаря высокой степени социального расслоения, одним из политических «тяжеловесов» региона. Первые кабардинские князья, которые уже в 1552 и 1555 годах просили о принятии их на царскую службу и крестились, в результате были радушно встречены в Москве³¹⁵.

³¹² «Югорская земля» – собирательное название для ареала расселения ханты, манси и других малых неславянских групп. Устюжский летописный свод. С. 86. – Тот же порядок действий имел место, когда Иван III в 1483 году успешно сражался с вогульскими князьями Юмшаном и Каплой, сибирским «князем» Лятиком Югорским, югорским «князем» Пыткеем и югорским «великим князем» Молданом, которых в итоге привез Москву и обязал платить дань – также без требования о предоставлении заложников. Устюжский летописный свод. С. 95.

³¹³ Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 62–63 (1550).

³¹⁴ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 233 (1555). – Отныне он также включил в список своих титулов дополнительный титул «Всея Сибирской земли повелитель», хотя данническая зависимость в 1563 году была приостановлена ханом Кучумом и снова восстановлена только после российского завоевания в 1580-х годах. *Kämpfer, Stökl. Rußland an der Schwelle zur Neuzeit*. S. 897.

³¹⁵ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 240 (1554). – О деталях черкесских дипломатических миссий см.: *Бгажников, Дхамихов*. Темрюк Идаров и военно-политический союз Кабарды и России.

В 1557 году «верховный князь» (или *пицы тхъэмадэ*) Кабарды Темрюк Идаров даже просил о военном союзе с царем для защиты от османских и крымско-татарских притязаний и, согласно русской летописи, также о том, чтобы войти «в подданство» («бити челом чтоб их государь пожаловал, велел им себе служить и в холопстве их учинил»). Поскольку оригинал документа не сохранился и русская летопись является единственным источником информации об этом событии, сегодня нелегко оценить характер данного соглашения. Однако летопись не упоминает о принесении присяги кабардинским князем. Также речь не идет о кабардинской земле, поэтому празднование в 2007 году предполагаемого 450-летнего юбилея государственного «союза» Кабарды с «Россией» обосновано скорее идеологическими, а не историческими причинами³¹⁶.

Истинный характер договора становится очевидным при более внимательном рассмотрении условий. В русской летописи не только отсутствует указание на присягу, но также не идет речь и об уплате дани. Есть немало оснований полагать, что царь Иван IV вначале исходил из того, что нашел в лице верховного кабардинского князя Темрюка Идарова могущественного союзника, с чьей помощью Московское государство рассчитывало расширить силовое присутствие на Северном Кавказе. Это объяснило бы, почему царь в последующие два года предоставил в распоряжение князя значительные войска (*стрельцов* или казаков), которыми тот мог свободно распоряжаться в борьбе против других кабардинских князей, оказывающих Темрюку неповиновение³¹⁷. Иван IV даже считал возможным, после смерти своей первой жены, в 1561 году взять в жены дочь Темрюка. Это еще одно доказательство того, что в 1550-х и 1560-х годах с точки зрения Москвы они хотя и находились в асимметричном соотношении сил, но вместе с тем рассматривались как союзники по коалиции. О строгих иерархических отношениях, как в случае с элитой этнических групп, которые непосредственно перешли в царское подданство, речь отнюдь не шла.

Уже этот короткий взгляд на русско-кабардинские отношения показывает, насколько нецелесообразно исходить из предположения, разделяемого Г. А. Кокиевым и Ф. А. Озовой, что уже в 1550-х годах осуществлялось предоставление кабардинских заложников в качестве выражения кабардинского подданства русской стороне³¹⁸. Кроме того, данное утверждение, во-первых, не подкреплено происходящим из источника понятием, и во-вторых, внешние обстоятельства не позволяют сделать убедительный вывод о предоставлении заложников.

Скорее с 1557 года ряд кабардинских князей, и среди них верховный князь Темрюк Идаров, исходящие из собственных властно-политических интересов, начали отправлять к царскому двору в Москве в знак «дружбы» одного или даже нескольких своих сыновей³¹⁹. Послед-

³¹⁶ В отсутствие свидетельств о принесенной присяге в историографии остается спорным вопрос, можно ли говорить о событии 1557 года как о «вступлении» в царское подданство (с точки зрения московской стороны) или не может ли это быть справедливым для присяги, принесенной не ранее 1588 года. С точки зрения кабардинских князей, в 1550-х годах речь шла только о военном союзе с царем и в конце 1580-х годов о номинальном признании иерархического «старшинства» царя над местными князьями. Это признание, по мнению кабардинской стороны, в зависимости от соотношения сил могло быть изменено в пользу крымского ханства. Только в XVIII веке началось систематическое продвижение Московского царства на Северном Кавказе. Окончательное вхождение Кабарды в русское подданство, по мнению В. В. Трепавлова, состоялось только в XIX веке. Трепавлов. «Белый царь». С. 185 и далее; Он же. «Шертные» договоры. С. 28–30; Он же. Присоединение народов к России. С. 198–205; Он же. Добровольное вхождение. – О дискуссии: Бгажноков, Дхамихов. Темрюк Идаров и военно-политический союз Кабарды и России. С. 54–75; История народов Северного Кавказа. С. 334–335; Кушева. Политика русского государства; Она же. Народы Северного Кавказа. С. 232–272. – Подробнее о проблеме российского подданства в гл. 2. – Положение «старшего князя» среди кабардинских князей, вероятно, сравнимо с положением великого князя среди русских княжеств. Он избирался собранием представителей всех входящих княжеств, называемым *хаса*. Озова. Институт аманатства в Кабарде. С. 63.

³¹⁷ Дополнения к Никоновской летописи // ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904. Ч. 2. С. 371 (1564).

³¹⁸ Озова. Институт аманатства в Кабарде. С. 58 и далее; Кокиев. Методы колониальной политики. С. 75–121; Он же. Русско-кабардинские отношения. С. 184–193.

³¹⁹ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904. Ч. 1. С. 284 (1557); Дополнения к Никоновской летописи // ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904. Ч. 2. С. 312–313 (1559).

ние были там крещены, получили русские имена, выучили русский язык, были приняты на царскую военную службу, участвовали в оборонительных войнах против крымского ханства и некоторые еще при Иване IV стали видными политическими деятелями в Московском государстве³²⁰. Княжеские семьи добровольно посылали своих сыновей, которые никогда не заменялись, не рассматривались как залог и которые, как правило, никогда не возвращались на родину³²¹. Чтобы подчеркнуть союзнические и дружеские отношения, они, напротив, поступали на царскую службу, перенимали русскую культуру и обеспечивали своим семьям перспективные должности при дворе. Эта форма отправки сыновей не имела ничего общего с позднеримской или монголо-татарской традицией заложничества, когда в каждом случае метрополия была заинтересована в том, чтобы оказывать влияние и политически воздействовать на наследника престола покоренной этнической группы, прежде чем он возьмет в руки бразды правления этой группой. Также это не имело ничего общего с заложничеством, которое укоренилось в Московском государстве с 1580-х годов.

Самое позднее в конце 1580-х годов в русско-кабардинских отношениях произошли коренные изменения. Наперсник и тесть царя Ивана IV князь Темрюк Идаров умер от ран, полученных в сражении с крымскими татарами, двое его сыновей попали в крымско-татарский плен. Идея, что Идаровы смогли бы объединить под одной рукой всех кабардинских князей и соседние этнические группы Северного Кавказа (по образцу модели московского владычества над княжествами Киевской Руси) и обеспечить царю стабильную возможность влияния во всем регионе, оказалась иллюзией. Противодействие вмешательству Москвы на Северном Кавказе ожесточенно и последовательно выражали не только ее противники в Османской империи и в Крымском ханстве. Среди кабардинских князей также сформировался сильный антимосковский альянс³²². В результате царское правительство сделало вывод, что больше не может полагаться на *один* княжеский клан, чтобы прочно закрепиться в регионе. Оно нуждалось в более широком фундаменте власти.

Начало московского заложничества на Северном Кавказе

По аналогии с уже устоявшейся практикой политики подчинения на восточной границе с этих пор Московское государство обратило свой взгляд на все сильные партии Северного Кавказа. Как можно больше вождей и князей были обращены в подданство с помощью присяги «под царскую руку». При «неповиновении» организовывались военные походы, партии натравливались друг на друга. Для укрепления этой многопланово организованной политики на Северном Кавказе московская сторона впервые в истории создания своего государства применила метод, с которым кабардинцы были уже хорошо знакомы из османско-крымско-татарского опыта: взятие заложников. Применительно к 1588 году можно говорить не об удивлении

³²⁰ Среди них – младший из четырех сыновей Темрюка Идаровича, Солтан. Он был крещен после приезда под именем Михаил Черкасский (Черкасский – для обозначения его родины), получил хорошее образование и в 1559 году начал военную службу в южных пограничных областях Московского государства. В возрасте около 30 лет он первым среди кабардинских князей получил титул боярина и занял при дворе видное положение. Мальбахов, Дзамихов. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом. С. 35–36. – Младший брат Темрюка Идаровича, Камбулат, прибыл в 1578 году в Москву с посольством и оставил тут на службе своего сына Карасая. Карасай был наречен при крещении Борисом Камбулатовичем Черкасским, получил влиятельную должность на южной границе царства, был пожалован титулом боярина в 1592 году и приобрел славу одного из значительнейших российских военачальников своего времени. Подробнее обо всех «черкасских князьях», которые использовали этот новый институт *выезда* до XVIII века: Дзамихов. «В службе и обороне...». С. 169–224, о Михаиле (Солтане) Темрюковиче – с. 178; Мальбахов, Дзамихов. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом. С. 37.

³²¹ Лишь в случае пересмотренных союзов, как, например, с князем Сибоком, который объединился в борьбе против османско-крымско-татарского захвата с Польшей, а не с царскими войсками, сыновья кабардинских князей, перешедшие на царскую службу и принявшие крещение, бежали из Московского государства. Так, сын Сибока Кудадек (Александр) бежал в 1563 году из Москвы в Польшу. Из Никоновской летописи о сношениях адыгейцев, кабардинцев и черкесов с Москвой и о присоединении Кабарды к России в 1557 году // КабРО. Т. 1. № 1 (август 1555). С. 4, также примеч. 5, с. 390.

³²² Дзамихов. «В службе и обороне...». С. 76–79.

тельном «переломном моменте» в методе заложничества в сравнении с 1550-ми годами (Ф. А. Озова) или даже об открытии «двухступенчатой» практики (Г. А. Кокиев), но скорее только о *начале* практики заложничества³²³.

И вновь полезно обратиться к истории понятий, чтобы приблизиться к пониманию современников событий – в данном случае пониманию того, что подразумевала московская сторона под термином «заложник». Изначально доминировавший термин *заклад*, обозначающий заложника, впервые был применен в кабардинском контексте в 1588 году в жалованной грамоте³²⁴. Исходя из этого, необходимо было выступить военным походом против «непослушных» («на наших непослушников»), «заставить повиноваться» и затем захватить заложников («и заклады у них поимати»). Заложник (*заклады*) должен был быть доставлен в город Терск для подтверждения («для укрепления поимати»), чтоб они [кабардинцы] «от Крымского и от Шевкальского отстали» и вместо этого «в нашем царском жалованье и в службе» были³²⁵.

В этой грамоте представляются важными несколько элементов. Так, *сначала* осуществлялось принуждение к «послушанию» и только *затем* брались заложники «для подтверждения», но не наоборот – люди становились пленниками, чтобы *таким образом* осуществить процесс покорения. В противном случае речь шла бы о пленении, но не о захвате заложников в смысле человеческого залога. Кроме того, взятие заложника обосновывалось тем, что он должен был обеспечить лояльность царю и предотвратить переход на сторону Крымского хана или кумыкского шевкала (человеческий залог). Наконец, было приказано содержать заложника в московской крепости Терск – порядок действий, который явственно отличался от монголо-татарского метода держать заложников при ханском дворе.

С термином *заклад* московские дипломаты ввели понятие для «человеческого залога», которое до этого с XIV века использовалось как эквивалент латинского термина *pignus* (залог) исключительно для материальных видов залога, таких как залог недвижимости, залог движимого имущества или антихрез, и которое едва ли можно было отличить от русского термина для материального залога (*залог*). С конца 1580-х годов оно стало также распространяться на обозначение человеческого залога, хотя и всего на полстолетия³²⁶.

³²³ Спорным является вопрос, указывать ли 1586 год вместо 1588-го как дату первого случая заложничества в Московском государстве. В этом году правитель Большой ногайской орды, Урус-Бий и несколько ногайских *мурз* согласились в знак возобновления отношений протектората с Москвой отсылать заложников в Астрахань. Однако они отсылали заложников не к астраханскому воеводе, князю Ф. М. Лобанову, как должно было быть, но к крымско-татарскому «наследнику престола» Мураду-Гирею, который в это время как царский подданный находился в Астрахани и способствовал московско-ногайскому сближению. Он находился под надзором царского воеводы, и, значит, ногайские заложники также оказывались под косвенным надзором Москвы. Вместе с тем данная ситуация заложничества не стала прототипом той модели, которая была внедрена двумя годами позже. *Трепавлов*. История Ногайской Орды. С. 626. – Так или иначе, ногайцы, как и кабардинцы, и вместе с ними кумыки и особенно крымские татары долгое время находились в постоянном конфликтном взаимодействии с Османской империей, поэтому все они были хорошо знакомы с практикой заложничества задолго до того, как Московское государство также ввело этот метод в собственную имперскую культуру.

³²⁴ Посольство в Москву Черкасских князей Мамстрюка и Куденека мурзы «от всей Кабардинской черкасской земли» // Белокуров (ред.). Сношения России с Кавказом. № 5 (1588). С. 47–51.

³²⁵ Там же. – В своем в целом точном анализе кабардино-русских отношений в 1550–1590-х годах Дзамихов опускает рассмотрение заложничества, хотя для его работы, согласно которой о вхождении кабардинских князей в российское подданство можно говорить только с января 1588 года, это было бы весьма плодотворно. *Дзамихов*. «В службе и обороне». С. 76–85.

³²⁶ В латинском языке, напротив, *pignus* (залог) всегда подразумевает исключительно имущество, в то время как *obsides* — заложников-людей. – И. И. Срезневский и Р. И. Аванесов не знакомы с употреблением термина *заклад* в отношении людей в качестве залога и цитируют исключительно свидетельства о залоге в отношении имущества. *Срезневский*. Материалы для словаря. Т. 1. С. 918; *Аванесов*. Словарь древнерусского языка. Т. 3. С. 308. – У М. Р. Фасмера также отсутствует статья *заклад*. – См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 5. М., 1978. С. 210. С другой стороны, многочисленные случаи использования понятия «залог» в отношении людей встречаются в свидетельствах конца XVI – начала XVII века. – Понятие *заклад* в отношении людей с 1589 до примерно 1630 года широко представлено в документах, касающихся отношений российской державы в Кавказом: *Белокуров* (ред.). Сношения России с Кавказом, например, с. 102, 103 (1589), 121, 130, 136, 181, 366, 425, 530 (1610–1614). См. также: *Pollock*. «Thus We Shall Have Their Loyalty». Р. 141. – О замещении понятия *заклад* в начале XVII века см. далее.

Именно эта аналогия, согласно которой понятие залога отныне должно было распространяться как на людей, так и на материальные предметы, ярко демонстрирует характер заложничества в конце XVI, XVII и даже в начале XVIII века в российском государстве (и, предположительно, также во времена Киевской Руси): люди, как и вещи, должны были «храниться» в условленном месте условленное время, чтобы придать вес политическим требованиям. И именно это понимание легло в основу заложничества, как оно практиковалось в имперском контексте российского государства до начала XVIII века. Таким образом, оно значительно отличалось от формы, практиковавшейся в античном Риме или монголо-татарском Сарае.

Существенной предпосылкой для введения заложничества с российской стороны (по османскому образцу) было строительство крепостей. Возведение крепостей, форпостов, редутов и валов издавна принадлежало к важнейшим инструментам экспансии Великого княжества Московского и позже Московского государства. Он применялся при завоевании как Сибири и Дальнего Востока, так и южных степей и Северного Кавказа³²⁷. Поэтому спустя десятилетие после принятия отдельных кабардинских князей на царскую службу и заключения военного союза с князем Темрюком Идаровым в 1550-х годах, царское правительство охотно удовлетворило просьбу князя Темрюка закрепить свою военную мощь у подножия Северного Кавказа. В 1567 году на реке Терек было возведено первое московское укрепление³²⁸.

Место было выбрано удачно: крепость стояла у устья реки Сунжи, у места впадения в крупный Терек, на стратегически важном перекрестке, известном как «османский путь», где пересекались пути, шедшие с севера на юг и с востока на запад Северного Кавказа. Крепость переполнила чашу терпения крымско-татарского хана и османского султана: они больше не хотели мириться с вмешательством Москвы в дела региона, который они воспринимали как неотъемлемую часть собственной зоны влияния. Больше двух десятилетий шла борьба за этот узловый пункт, и в 1571–1572-м, а затем в 1578 году крепость разрушалась³²⁹. В итоге московская сторона добилась своего. Ей удалось не только заново отстроить крепость в 1588 году, но и основать в ее окрестностях постоянное поселение казаков³³⁰.

Год спустя создание специально оборудованного дома для заложников, которые жили внутри Терской крепости, положило начало новому методу консолидации власти в Московском государстве³³¹. Впредь все заложники по всему царству должны были содержаться, как в случае с Терской крепостью, *на окраинах* завоеванных, аннексированных или находящихся в процессе захвата территорий. Такая организация убивала одним выстрелом сразу трех зайцев: во-первых, территориальная близость к исконным местам поселения покоренных этнических групп облегчала замену заложников, которая должна была происходить через определенные промежутки времени. Во-вторых, родственники заложника получали возможность время от времени убеждаться в его благополучии. С помощью подобных посещений российская сторона надеялась добиться большего успеха в выполнении ее требований. В-третьих, наконец, и без того уже существующую военную охрану крепости можно было также использовать для надзора за заложниками, так что охрана не требовала дополнительного финансирования. Терск (*Терский город*) как пункт содержания заложников даже назначили местом пребывания вое-

³²⁷ Подробнее об использовании крепостей и крепостных линий в ходе имперской царской экспансии см. гл. 4.2.

³²⁸ Просьба о строительстве города для защиты от врагов была высказана кабардинскими князьями уже в 1566 году. Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 353 (1566); Из дополнений к Никоновской летописи о <...> постройке русской крепости у устья р. Сунжи и др. // КабРО. Т. 1. № 4 (декабрь 1566). С. 13; Кушева. Политика русского государства на Северном Кавказе. С. 275 и далее.

³²⁹ Грамота царя Ивана Васильевича турецкому султану Селиму с сообщением о сносе Терского города и об открытии «астраханской дороги» // КабРО. № 16 (март 1571). С. 27–29, здесь с. 27.

³³⁰ Бгажноков, Дхамихов. Темрюк Идаров и военно-политический союз Кабарды и России. С. 54–63.

³³¹ Озова. Институт аманатства в Кабарде. С. 58–87, здесь с. 59. – Только в XVII веке эти дома получили название *аманатский двор* (*аманатская изба*).

воды и город оставался на протяжении почти полутора столетий важнейшим центром имперской политики российской державы на Северном Кавказе.

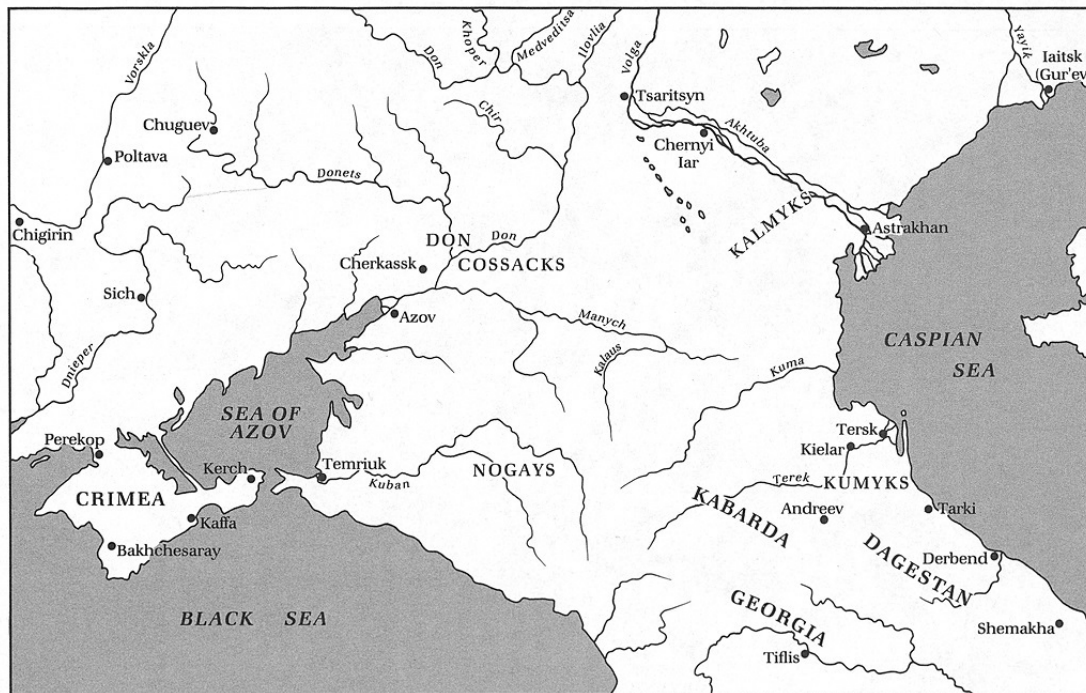

Рис. 2. Терская крепость на реке Терек между Черным и Каспийским морями, расположенная между территориями кумыков и кабардинцев на Северном Кавказе, XVIII век

Борьба за власть среди кабардинских князей, разгоревшаяся в 1589 году после смерти князя Камбулата Идарова, брата князя Темрюка Идарова, предоставила Москве новые возможности. С сентября 1589 года царское правительство заставило всех кабардинских князей, сам род Идаровых и другие особо влиятельные в политической жизни Кабарды семьи регулярно предоставлять заложников³³². Московское государство следовало политической стратегии, которую оно позже реализовало также и за пределами Северного Кавказа, на других перифериях: речь шла о стремлении с помощью заложников из различных семей оказывать давление на значительную часть политической элиты покоренных этнических групп и таким образом иметь возможность определять их (внешне)политический курс³³³.

В свете межимперской борьбы за кабардинцев между Османской империей, Крымским ханством, Персией и Московским государством, а также из-за внутренних разногласий внутри кабардинских княжеских родов оказывать влияние на их внешнеполитическую ориентацию представлялось особенно непростой задачей. Царскому правительству пришлось с неудовольствием принять к сведению, что этнические группы в *областях фронта* приспособились к тому, чтобы поддерживать лояльность одновременно нескольким сторонам: некоторые кабардинские князья, несмотря на предоставление заложников царю, не хотели в дальнейшем отка-

³³² Отписки из Терского города воеводы князя Андрея Хворостина // Белокуров (ред.). Сношения России с Кавказом (1578–1613 гг.). № 10 (1589). С. 73–82; Озова. Институт аманатства в Кабарде. С. 63.

³³³ В XVIII веке эта стратегия сыграла особенно важную роль в российской политике в отношении казахов Младшего и Среднего жузов, когда Китай династии Цин, джунгары и российская держава боролись за влияние среди казахских орд. Подробнее о практике российского заложничества по отношению к казахам см. ниже.

зываются от тесных отношений с крымским ханом и кумыкским шамхалом и от выдачи этим правителям заложников в качестве залога для поддержания мирных отношений³³⁴.

Вместе с тем заложничество в купе со строительством крепостей были признаны настолько успешными методами для создания и развития фундамента властно-политических притязаний Московского государства в отношении кабардинцев, что они были перенесены на процесс взаимодействия и с другими этническими группами и стали краеугольным камнем царской имперской политики в отношении нехристианских народов. Присяга на верность, которую Москва по-прежнему заставляла приносить глав покоренных этнических групп, хотя и оставалась, как и прежде, важнейшим аспектом подчинения царской власти, но только с началом практики заложничества верховенство Москвы стало очевидно извне.

С одной стороны, это заметное теперь верховенство могло быть, с одной стороны, использовано против империй-соперников, которые хотели подчинить себе те же этнические группы³³⁵. С другой стороны, удержание взятых Москвой заложников из числа коренного населения могло произвести гораздо более сильный эффект в отношении покоренных этнических групп, чем ритуалы присяги на верность и жалованные грамоты. Поэтому отныне требование московского правительства о предоставлении заложников стало неотъемлемой составной частью принятия или подчинения новых этнических групп на юге или востоке государства. «Подданство» в имперском контексте на юге и востоке приобреталось в равной степени как через клятву верности, так и через передачу сыновей или братьев правителей. Присяга на верность и предоставление заложников стали двумя сторонами одной медали.

Это относилось к переговорам о подчинении с кумыкским шамхалом в конце XVI века³³⁶ и к процедуре принятия в «подданство» башкир, ногайских татар и калмыков (в XVII веке), киргизов и казахов (в XVIII веке) на юге и юго-западе и к покорению остяков, ненцев и других самоедских этнических групп, якутов, бурятов, юкагиров, чукчей, ительменов и коряков в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, а также индейцев-тлинкитов и других коренных этнических групп на Русской Аляске³³⁷. Место, в котором селили заложников с начала XVII века на Северном Кавказе, на юге степных районов и на Волге, носило название *аманатный двор*. В лесах Сибири и на Дальнем Востоке использовались простые бревенчатые дома (*избы*)³³⁸. В этих скромных жилищах, которые располагались внутри небольших или крупных огороженных поселений, состоявших из деревянных построек (*зимовье* или *острожек*), заложники в Сибири или на Дальнем Востоке должны были находиться постоянно³³⁹.

³³⁴ Посольство в Грузию князя Семена Звенигородского, диака Торха Антонова, Троицы Сергиева монастыря соборного старца Закхей и других // Белокуров (ред.). Сношения России с Кавказом. № 12 (1589–1590). С. 84–181, здесь с. 137; Pollock. «Thus We Shall Have Their Loyalty». P. 152–153, 155.

³³⁵ *Торопыгин*. Институт аманатства. С. 72.

³³⁶ Кумыкский властитель, называемый *шамхал*, был в позднем Средневековье одним из самых могущественных и влиятельных правителей не только Дагестана, но и всего Северного Кавказа, и монголы поручили ему сбор дани в регионе. После распада Золотой Орды *шамхалы* лавировали между Османской империей и Персией, а с конца XVI века – между обоими этими державами и Московским царством. Борьбу за влияние на кумыков, продолжавшуюся до XVIII века, ярко иллюстрирует кумыкская печать, на которой надпись с одной стороны называет их персидскими подданными, а с другой – российскими. *Гаджиев*. Роль России в истории Дагестана. С. 85. – Переговоры с *шамхалом* о присяге московскому царю и отправке заложников в Терскую крепость провалились. *Кушева*. Политика русского государства на Северном Кавказе. С. 284; Приезд в Москву Кабардин, черкас. Мурыз Сюнчалей Янглычева, узденей кн. Солоха и Казыя Шепшукова и от Шевкаловых детей Суркай-Шевкалова и Салтан-Магмута послы Ибреима и Дербыша [1603] // Белокуров (ред.). Сношения России с Кавказом (1578–1613 гг.). № 22. С. 365–372.

³³⁷ Свидетельства о применении метода захвата заложников во всех упомянутых этнических группах приводятся ниже.

³³⁸ Первые упоминания дворов (*изб*) с заложниками в районе Средней Волги относятся к 1640-м годам. «Царский» наказ казанским воеводам Г. И. Морозову и И. А. Хилкову об управлении городом и уездом // В. Д. Дмитриев. «Царские» наказы казанским воеводам 17 века. 3 (1974). С. 284–419. № 2 (16.05.1649). С. 290–315, здесь с. 293, пункт 6; Kappeler. Rußlands erste Nationalitäten. S. 160.

³³⁹ Если речь шла о большем укрепленном поселении, то оно носило название *острога*. *Сафронов*. Русские на северо-востоке Азии. С. 87–88.

Служившие в этих поселениях обеспечивали им за счет государства минимум еды и одежды, но злоупотребления были широко распространены. Нередко заложников обманывали, избивали или кормили падалью. В других случаях, как иногда на Дальнем Востоке, обеспечение питанием было возложено на членов соответствующих этнических групп³⁴⁰. Если соплеменники заложника не платили дань, он мог умереть с голоду. Заложник часто погибал от изменения образа жизни в *аманатном дворе* и из-за контакта с болезнетворными вирусами, распространявшимися среди российского населения *фронтира*, особенно с оспой³⁴¹.

В северокавказской Кабарде, находящейся под турецким влиянием, заложничество Московского государства не только обрело свои истоки и характерную форму. Помимо этого, османское влияние отразилось на восприятии нового понятия для человеческого залога. С конца XVI века в Московском государстве для обозначения заложника использовали термин *аманат*, который постепенно вытеснил термин *заклад* и широко применялся до XIX века. От слова *аманат* позже произошло понятие *аманатство* для обозначения метода в целом.

Здесь следует еще раз обратить внимание на то, что понятие *аманат* пришло не из эпохи монголо-татарского владычества в XIII–XV веках. Напротив, первые свидетельства о нем в Московском государстве относятся к 1586 году, хотя общераспространенным он стал только в 1610–1614 годах³⁴². В противоположность понятиям *тазь* или *заклад* новое обозначение заложника имеет не славянское, а арабское происхождение. Османская империя, вероятно, заимствовала это понятие (как, возможно, и саму практику) у аббасидов, династии которых окончательно прервались с завоеванием османами Каирского халифата в 1517 году. В Аббасидском халифате было принято, чтобы покоренные кочевые этнические группы в качестве гарантии надежной выплаты дани предоставляли регулярно сменявшихся заложников из семей высших высокопоставленных лиц. Однако ничего не известно о том, чтобы в аббасидском контексте существовало целенаправленное политическое использование заложников, подобное монголо-татарской практике³⁴³.

³⁴⁰ Приказ капитана Беринга комиссарам и управителям камчатских острогов от 11 июля 1728 г. // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. № 8 (11.07.1728); «Репорт» штурмана Генса капитану Павлуцкому, март 1732 г. // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. № 26 (март 1732). С. 78; Instructions from Catherine II and the admiralty College to Captain Lieutenant Joseph Billings for his Expedition [1785–1794] to Northern Russia and the North Pacific Ocean // Dmytryshyn. To Siberia and Russian America. Vol. 2. № 47 (1785). P. 268–290, здесь p. 284; Бахрушин. Очерки по истории Красноярского уезда в 17 в. // Научные труды. Т. 4. Р. 48–49.

³⁴¹ Выписка из рапортов оренбургского военного губ.-ра С. К. Вязмитинова ген.-прокурору гр. А. Н. Самойлову о мерах к прекращению перегонов скота казахами в недозволенные места // МПИК ССР. № 55 (13.02.1796). С. 185–186; Представление генерал-майора Я. Боувера Екатерине II о положении дел в Среднем жузе и о мерах улучшения торговли и развитии оседлости // КРО. Т. 2. № 83 (09.04.1795). С. 143–148; Сафронов. Из истории якутской ссылки.

³⁴² Предположительно, употребление слова *оманат* (ранняя форма *аманат*) впервые встречается уже в 1586 году в контексте покорения царством Большой Ногайской Орды, однако оно было применено по отношению к московскому подданному, крымско-татарскому претенденту на престол Мураду Гирею, который сам находился в Астрахани под царским надзором, и поэтому данное употребление только условно может рассматриваться как начало типичной московской практики заложничества. Трепавлов. История Ногайской Орды. С. 626, 646. – Н. М. Шанский указывает в своем этимологическом словаре на первое упоминание *аманат* в форме *амонат* в 1611 году. Шанский (ред.). Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 89. Свидетельство находится, согласно Картотеке среднерусского словаря Института русского языка Академии наук СССР, в Москве в Собрании государственных грамот и договоров коллегии иностранных дел П. С. 565. – См. также: О сношениях терского воеводы Петра Головина с Гиреем, Салтан-Магмутом и др. Кумыцкими князьями [1610–1614] // Белокуров (ред.). Сношения России с Кавказом. № 3. С. 530–544, здесь с. 530: «приезжал на Терек ис Кабарды от Шолоха князя сын его Хорошай мурза переменять с Терки сына же его, а своего брата, Талтаслана мурзу, который был на Терке в аманатех». – Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», самое раннее упоминание слова *аманатчик* (вариант от *аманат*) датируется 1614 годом. Шанский (ред.). Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 34. – Несколько документов первой четверти XVII века свидетельствуют об одновременном параллельном употреблении слов *заклад* и *аманат*. Из дела о посольстве в 1609–1614 гг. в Москву Гордана Индорокова от кабардинского князя Шолоха Тапарукова // КабРО 1. № 53 (09–18.09.1614). С. 85–87; Русско-чеченские отношения. № 49 (не позднее 04.10.1628). С. 111–113. – Большая советская энциклопедия ошибочно исходит из того, что термин *аманат* встречается уже в «Древней Руси». Большая советская энциклопедия. Т. 2 [1926]. С. 374.

³⁴³ Захощер. История восточного средневековья. С. 80.

В тюркском языке арабское понятие было преобразовано в *amanat* и *ämanät*³⁴⁴. Языковое заимствование из османско-турецкого региона кажется очевидным по причине близких отношений Москвы с Кабардой, которая с конца XVI века была тесно связана с Крымским ханством и османским султаном. К тому же османско-турецкий язык давно получил статус языка межнационального общения огромного региона – с тех пор как Османская империя настолько расширилась, что временами простиралась от Багдада до Белграда и от Каира до Крыма. С конца XV века арабские (и персидские) элементы постоянно включались в османско-турецкий язык – в том числе понятие *аманат*³⁴⁵.

Однако даже если кабардинцы и большинство степных народов юга были хорошо знакомы из османского контекста с заложничеством – как методом для регулирования политических отношений, – далеко не все княжеские семьи или главы этих этнических групп были готовы сразу же предоставлять заложников московскому царю. Кабардинский князь Алкас, например, пытался в сентябре 1589 года избежать выдачи заложников со словами: «Дожил есми до старости и преж сего веривали во всяком деле моему слову, а закладу есми и шертованья никому не даывал»³⁴⁶.

Московская имперская элита, конечно, видела блеф тактика, который, как она знала от других кабардинских князей, уже поддерживал оживленный обмен заложниками с кумыкским шевкалом³⁴⁷. Она осталась непреклонной и в итоге добилась успеха. Вместе с тем она смогла добиться предоставления заложников только со значительными уступками: князь Алкас потребовал за это свободный доступ к ловле рыбы и охоте в реках и землях края, помощи вольных казаков и дворцовой охраны царя при переправе через реки Терек и Сунжа, обязательства сражаться силами царских войск против врагов князя Алкаса и наконец ежегодного жалованья в том же размере, какое получали другие кабардинские князья³⁴⁸.

При подобных значительных уступках со стороны Москвы создается впечатление, что взятие заложников являлось прежде всего бартерной сделкой³⁴⁹. Однако это впечатление обманчиво. Оно скрывает истинное соотношение сил. Вопрос состоял, как правило, не в том, должны ли быть заложники предоставлены Московскому государству, но лишь в том, кто и на каких условиях должен был стать заложником³⁵⁰. Царские представители во время переговоров действовали прагматично, как они уже поступали раньше при включении в русское и россий-

³⁴⁴ Об этимологии слова *аманат*: *Фасмер*. Русский этимологический словарь. Т. 1. С. 75; *Miklosich*. Die Türkischen Elemente. S. 247; *Radloff*. Versuch eines Wörterbuches der Türkdialekte. Bd. 1. S. 946, 644; *Räsänen*. Versuch eines etymologischen Wörterbuches; *Аникин*. Русский этимологический словарь. Т. 1. Ст. «Аманат».

³⁴⁵ Согласно Эдварду Кинану среднеазиатский тюркский служил дипломатическим языком монгольско-тюркского региона и может быть уподоблен «латыни» на пространстве от Каира до Пекина и от Вильны до Дели. *Keenan*. Muscovy and Kazan.

³⁴⁶ Посольство в Грузию кн. Семена Звенигородского, диака Торха Антонова, Троицы Сергиева монастыря соборного старца Захвее и других // Белокуров (ред.). Сношения России с Кавказом. № 12 (1589–1590). С. 84–181, здесь с. 143.

³⁴⁷ Там же. С. 136.

³⁴⁸ Там же. С. 141–144; *Khodarkovsky*. Russia's Steppe Frontier. P. 58.

³⁴⁹ Во многих случаях местное население оказывало сопротивление московским притязаниям, поднимало восстания или вело переговоры о том, что, с их точки зрения, являлось наилучшим результатом. Так, калмыцкий хан Хо-Урлюк во время первой встречи с посланниками царя в 1606 году был далек от того, чтобы согласиться с царским ультиматумом – принять присягу на верность и предоставить заложников или потерять страну. Хан Хо-Урлюк без колебаний приказал убить посланников. Только спустя полстолетия калмыцкий правитель Мончак (Пундук) согласился под настойчивым давлением царского правительства отправить четырех заложников в Астрахань. Однако подобное многолетнее и успешное уклонение от предоставления заложников царскому правительству остается в российской политике заложничества исключением. Грамота из Приказа Казанского дворца царскому воеводе И. В. Мосальскому о посылке к калмыцкому тайше Хо-Урлюку казака Т. Алексева, о приведении к шерти калмыцких тайшей и о разрешении бухарским купцам торговать в сибирских городах // РМОНО. Т. 1. № 4 (05.03.1608). С. 28–29; *Khodarkovsky*. Russia's Steppe Frontier. P. 57–58.

³⁵⁰ С. Поллок заходит слишком далеко, принимая переговоры о взятии и обмене заложников за однозначное доказательство того, что процесс российского создания империи на Кавказе полностью являлся «переговорным». Некоторые условия были предметом переговоров, но только не заложничество как таковое. Кроме того, переговоры, за исключением ситуации с индейцами тлинкитами, которая еще будет рассмотрена позже, велись не на равных, поскольку всегда было очевидно, что заложников должно предоставлять местное население, а не царь. *Pollock*. «Thus We Shall Have Their Loyalty». P. 154–159.

ское подданство этнических групп на юге и востоке³⁵¹. Они часто обещали подарки и денежные вознаграждения, чтобы добиться перелома в переговорах и получить присягу на верность и согласие на предоставление заложников. Подарки в виде денег, изделий из шерсти, мехов и предметов роскоши служили при этом не только инструментом подкупа. Задача состояла также в том, чтобы привлечь других князей и этнические группы, которые еще не покорились «могущественному, но милостивому правителю» и не предоставили заложников³⁵².

Царские слуги были непреклонны только в одном требовании: признавались заложники исключительно из самых знатных семей. Это определялось их авторитетом, богатством и их численностью внутри коренной этнической группы³⁵³. Особые усилия прилагались для того, чтобы предоставлялись сыновья и племянники правителей. В случаях, когда было несколько жен, с особой тщательностью изучалось значение каждого случая материнства внутри иерархии клана³⁵⁴. Оставшееся пространство для торга, которое слуги царя использовали для вопросов о том, кто будет передан в качестве заложника, на какой срок и какие подарки, какое жалование или какие политические обязательства за это будут предложены, зависело, с одной стороны, от положения во власти того, кто выдавал заложника: чем более весомым в политическом и военном отношении являлся заложник, тем шире было пространство для переговоров. С другой стороны, *интересы* московской стороны, которые варьировались в зависимости от региона, определяли то, насколько уступчивыми были царские посредники при переговорах.

Региональная специфика московского заложничества

На Северном Кавказе предоставление заложников служило гарантией политической лояльности местных правителей российскому государству и вводилось им прежде всего как мера противодействия имперской конкуренции со стороны Персии, Крыма и Османской империи. В южных степях российская сторона, помимо политической верности, рассчитывала на соблюдение договоренностей – в первую очередь о прекращении набегов на российские поселения и караваны. Захват заложников среди башкир имел целью прекращение их восстаний. В Сибири и на Дальнем Востоке заложничество служило стимулом для регулярной выплаты дани – *ясака*. Именно в тех районах, где до ближайшей российской крепости было далеко, деревянные дома с заключенными в них заложниками представляли собой «естественное» место, куда представители коренных народов приезжали для сдачи шкур.

Различие интересов объясняет различия в порядке действий российской стороны. В то время как в большинстве случаев при взятии заложников в южных степях и на Северном Кавказе существовала возможность переговоров и поэтому в отношении этих регионов можно говорить о «договорах о заложничестве», то практика заложничества в Сибири, на Дальнем Востоке и в северной части Тихого океана выглядела совершенно иначе. Здесь имело место одностороннее, насильственное взятие заложников, которое западное международное право раннего Нового времени заклеямило как «международно-правовые репрессии в мирное время». Соответственно, по-прежнему допустимым захват заложников считался только в военное время и только для того, чтобы удержать население оккупированной территории от военных действий против оккупационных властей³⁵⁵.

³⁵¹ См. гл. 1.

³⁵² Подробнее о тактике российской культуры даров (Gabenkultur) в гл. 4.6.

³⁵³ «Царский» наказ казанским воеводам Г. И. Морозову и И. А. Хилкову управлению городом и уездом // Димитриев. «Царские» наказы казанским воеводам XVII века. С. 293–294.

³⁵⁴ Протокольная запись переговоров начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева с ханом Абулхайром и другими казахскими феодалами, а также с джунгарскими и каракалпакскими послами во время их приезда в Орск // КРО. Т. 1. № 96 (22.09.1742). С. 229–253, здесь с. 248–249.

³⁵⁵ Lutteroth. Der Geisel im Rechtsleben. S. 176–178.

Не стоит полагать, что царская власть когда-либо задумывалась о международно-правовой оценке своих действий в отношении захвата заложников. Российская имперская элита не сомневалась в допустимости своих действий. Эта позиция определялась прежде всего московской точкой зрения на этнические группы на Востоке, которые планировалось покорить: все коренные жители, которые не были готовы принести присягу, платить дань и предоставлять заложников, считались «немирными иноверцами» или «изменниками»³⁵⁶. Они выступали против законного с российской точки зрения притязания царя на своих подданных и отказывались от связанного с этим повиновения. Кроме того, их негативное поведение ставило под угрозу цель приумножения государственных доходов за счет дополнительных плательщиков *ясака*³⁵⁷.

Таким образом, взятие заложников в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в северной части Тихого океана, как правило, совершалось с применением грубой силы. В отличие от ситуации с кабардинцами, казаками или башкирами, здесь заложникам не разрешалось свободно передвигаться внутри крепости. Вместо этого они в основном находились в деревянных домах, прикованные железными цепями, и им оставалось только надеяться на пропитание либо от добросердечных российских служилых людей, либо от членов своего клана или своей этнической группы. Но прежде всего вопрос их выживания зависел от того, готовы ли члены их клана или этнической группы платить дань. Из столицы постоянно поступали указания заботиться о заложниках, хорошо кормить их и таким образом мотивировать членов клана или этнической группы сдавать меха. Но реальность обычно выглядела иначе³⁵⁸.

Представители царской власти сталкивались с проблемами совершенно особого рода, когда коренные жители абсолютно не чувствовали связи с заложниками, выбранными из их рядов, – они просто бросали их и бежали. С таким отношением российские завоеватели сталкивалась вплоть до середины XVIII века среди бурят, коряков и прежде всего среди проживающих на Дальнем Востоке чукчей³⁵⁹. Чукчи раньше никому не платили дань, не говоря уже о предоставлении заложников. Поэтому столь привычный для россиян метод взятия заложников вызвал у чукчей полное непонимание. Более того, заложники в данном случае никоим образом не оправдали ожиданий, возложенных на них царской стороной. Вместо того чтобы беспокоиться о благополучии Апы, сына чукчи, который в 1648 году был «захвачен» царской стороной на реке Колыме как заложник, и вместо того чтобы отныне посылать царским послам *ясак*, ни отец, ни мать, ни другие представители этой семьи или чукчей вообще не дали о себе знать³⁶⁰.

Андрей Зуев смог убедительно доказать, что чукчи считали членов своей этнической группы, после того как они были насильно захвачены российской стороной в качестве заложников, мертвыми, независимо от того, были ли они на самом деле мертвы или еще живы. Согласно верованиям и мировоззрению чукчей, если кто-то умирал насильственной смертью, то это при-

³⁵⁶ В то время как в XVII веке все еще было распространено понятие *иноземцы*, в XVIII веке употреблялся термин *иноверцы*, пока в начале XIX века не получило широкое распространение понятие *инородцы*. Кантелер. Как классифицировали русские источники.

³⁵⁷ Fisher. The Russian Fur Trade. P. 53, 54, 59, 73.

³⁵⁸ См., например, документы в: Колониальная политика Московского государства. № 41 (24.09.1640). С. 93–94; № 43 (22.09.1645). С. 95–97; № 187 (1645–1646). С. 229–321; № 19 (12.10.1648). С. 51–53; № 196 (до 15.07.1679). С. 244. – Бахрушин. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. Т. 3. Пункт 2. С. 49–85, здесь с. 66–67; Он же. Очерки по истории Красноярского уезда XVII в. // Научные труды. Т. 4. С. 48–49. – О заложничестве в самоедских этнических группах: *Вершинин*. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. Екатеринбург, 2018. С. 395–400.

³⁵⁹ Зуев. «Аманатов дать по из вере грех». С. 155–159; Он же. Присоединение Чукотки к России; Он же. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке.

³⁶⁰ Челобитная аманата Колымского острога Апа о зачислении его толмачем и разрешении участвовать в прииспании «неясанных земель» // Ефимов, Орлова. Открытия русских землепроходцев. № 82 (не ранее 01.09.1648). С. 254–255. – А. С. Зуев приводит множество других случаев захвата заложников русскими среди чукчей. Зуев. «Аманатов дать по из вере грех». С. 155.

водило к «доброму духу» и приносило удачу родственникам³⁶¹. Переход в царское заложничество ассоциировался со смертью. Таким образом, потерю тех, кто был успешно «похищен» российской стороной, можно было больше не принимать во внимание³⁶².

Рис. 3. Семья чукчей в кафтанах из оленьих шкур с собачьим или волчьим мехом. На заднем плане – яранга, большая палатка из оленьих и моржовых шкур. Рисунок XIX века

³⁶¹ Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора; Он же. Чукчи. Ч. 2: Религия; Вдовин. Природа и человек; Зеленин. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов.

³⁶² Зуев. «Аманатов дать по их вере грех». С. 156–158.

В случае с чукчами, таким образом, принцип обеспечения российской экспансии и притязаний на господство, который основывался на связи представителей группы с заложниками, взятыми из ее среды, потерпел фиаско³⁶³.

Российские служилые люди, которым после долгих усилий в суровых районах Дальнего Востока удавалось заполучить отдельных представителей чукчей или коряков, напрасно надеялись привести семейные кланы или этнические группы в российское подданство. Кроме того, они сталкивались с фактами многочисленных набегов, с помощью которых чукчи пытались изгнать российских захватчиков. При этом чукчи вплоть до 1750-х годов несли трагические потери в собственных рядах³⁶⁴.

Если в ситуации с чукчами российский интерес был направлен преимущественно на их подчинение с целью получения доходов от *ясака*, совсем другие причины для захвата заложников возникли в ходе экспедиций на Камчатку, Алеутские острова и Аляску. Во-первых, суровые условия регионов затрудняли продвижение и путешествия вообще. Поэтому в случае длительного пребывания, например при зимовке, предполагалось, что удержание заложников защитит от нападения местных жителей. Во-вторых, взятые в заложники коренные жители часто сами по себе давали достаточную гарантию выживания, потому что без их помощи не знающим местность российским исследователям и завоевателям грозила голодная смерть³⁶⁵. Заложники также должны были служить посредниками и советниками при общении с коренными племенами и в качестве проводников в неизвестных районах. Нередко заложников привлекали и к принудительному труду в частных домах или подвергали сексуальной эксплуатации³⁶⁶. Хотя эти злоупотребления никоим образом не являлись установками российской власти, тем не менее их не удавалось предотвратить и виновные наказывались редко³⁶⁷.

Итак, московскую традицию заложничества в ее многообразии и прагматичном обращении со стороны имперской элиты трудно уложить в единую концепцию. Как и царская концепция подданства, намеренно размытая в своих контурах и за счет этого способная адаптироваться к соответствующим обстоятельствам, созданный российской имперской элитой метод взятия заложников превратился в инструмент экспансии и консолидации империи с практически безграничным спектром применения.

Поскольку интенсивность обращения к заложничеству зависела от соответствующего состояния имперской экспансии и консолидации власти, периоды расцвета практики заложничества также совпадали с периодами расцвета экспансии и особых усилий, направленных на подчинение и интеграцию коренного населения. Так, конец XVI века можно охарактеризовать как начало пиковой фазы заложничества среди северокавказских кабардинцев, период с XVII до конца первой трети XVIII века – на Северном Кавказе и в Поволжье, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также среди калмыков и башкир. Начиная с 1740-х годов значимость и интенсивность заложничества в этих районах постепенно снижались. Но теперь этот метод получил широчайшее распространение среди казахов, на Алеутских островах, в северной части Тихого океана и на Русской Аляске. Он играл важную роль до конца XVIII века и на

³⁶³ Из сенатской справки по материалам секретной экспедиции // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. № 60 (не ранее 1748). С. 160–162.

³⁶⁴ Зуев. Присоединение Чукотки к России. С. 101–118, 157–176. – Об обращении царской стороны с чукчами во второй половине XVIII века см. ниже.

³⁶⁵ Такая проблема возникла у части российской экспедиционной группы, в 1766 году «открывшей» прибрежный остров Аляски Кадьяк и не получившей поддержки жителей острова в поисках продовольствия. Из рапорта С. Г. Глотова Т. И. Шмалеву о плавании на судне «Св. Андреян и Наталия» в 1762–1766 гг. на Алеутские острова и открытии острова Кадьяк // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана. № 29 (22.08.1766). С. 101–110. – Другие европейские империи также принуждали коренное население служить им. *Matthies*. Im Schatten der Entdecker.

³⁶⁶ Как, например, в конце XVIII века на самом большом, расположенном перед Аляской острове Кадьяке (англ. Kodiak) в северной части Тихого океана. *Грицев*. Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 135.

³⁶⁷ Бахрушин. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. Т. 4. С. 48–49.

Северном Кавказе. В начале XIX века заложничество постепенно утратило свое некогда первостепенное значение и в этих областях, но вплоть до 1820-х годов еще считалось во многих районах обычным делом. В отдельных случаях заложничество встречалось вплоть до 1860-х годов³⁶⁸.

³⁶⁸ Данный хронологический обзор заложничества основан на анализе всех изученных для данной работы документов и вторичной литературы, касающейся Северного Кавказа, южных степей, Сибири, Дальнего Востока, Северо-Тихоокеанского региона и российской Аляски.

3.4. НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В XVIII ВЕКЕ: АМАНАТСТВО И МИССИЯ ЦИВИЛИЗИРОВАНИЯ

Изменившийся в Западной Европе XVI и XVII веков международно-правовой дискурс в отношении заложничества придавал все большее значение личности и ее самореализации. В соответствии с этим больше никто не мог быть лишен свободы, чтобы нести ответственность или ручаться за действия сообщества. При этом Московское государство явно шло другим путем и продолжало требовать предоставления заложников. Вероятно, одна из причин сохранения заложничества даже в XVIII веке заключается в исторически сложившемся важном значении, которое в Российской империи еще со времен Киевской Руси придавалось принципу поручительства отдельных лиц за все сообщество и возложения на сообщество коллективной ответственности за одного человека. Историки Хорас В. Дьюи и Энн М. Клеймола установили, в сколь значительной степени все аспекты жизни Московского государства в силу многовековой традиции и монголо-татарского влияния были проникнуты руководящей идеей коллективной гарантии и ответственности³⁶⁹.

Ярким примером такого коллективного подхода служит поручительство (*порука*). За уголовные преступления, за долги, политическое оскорбление, неуплату налогов, неисполнение повинностей, неявку в суд, за нарушение договора или военный или административный проступок – во всех этих случаях один или несколько человек могли быть привлечены к ответственности и наказаны как поручители за проступки других членов группы³⁷⁰. При этом давление, направленное на то, чтобы заставить лицо выполнить требование, оказывалось не столько посредством прямого государственного принуждения, сколько косвенно, через соседей, семью или служилых людей, которые принадлежали к той же общине и вместе с которыми это лицо находилось на службе у царя.

Если следовать за рассуждениями Дьюи и Клеймолы, можно сделать вывод, что именно принцип коллективной гарантии и ответственности позволил Московскому государству нарастить значительную мощь и достичь относительно высокой степени контроля³⁷¹. На фоне этого исторического развития гораздо менее удивительным представляется тот факт, что концепция коллективной ответственности и поручительства отдельных лиц за общину, в том числе и в случае заложничества, сохранялась за пределами Московского государства, в отличие от Западной Европы, и на протяжении всего XVIII века, а ее масштабы в некоторых случаях даже увеличивались.

Вместе с тем с иницированными Петром I изменениями политической и культурной жизни западноевропейский дискурс раннего Просвещения получил распространение и среди российской имперской элиты. Однако, поскольку в вопросе о заложничестве мнение о том, что личность необходимо защищать от обязанности выступать в роли гаранта за общество, не утвердилось, возникает вопрос, повлияла ли в принципе принятая Петром I интерпретация

³⁶⁹ Dewey, Kleimola. From the Kinship Group to Every Man His Brother's Keeper; *Idem.* Suretyship and Collective Responsibility in Pre-Petrine Russia. P. 337–354; *Idem.* Russian Collective Consciousness. P. 180–191.

³⁷⁰ В Московском государстве практиковавшиеся с давних времен коллективные гарантии общин в уголовном и налоговом праве были расширены до уровня политической лояльности. В коммунальной жизни столичной Москвы XVII века существовали три формы коллективного поручительства (*порука*): коллективное поручительство для поддержания городской безопасности, коллективное поручительство в суде и коллективное политическое поручительство, которое относилось к политической лояльности групп. Даже в своих частных хозяйствах бояре часто возлагали на своих крестьян и рабов коллективную ответственность в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения требуемых услуг. Dewey, Kleimola. Suretyship and Collective Responsibility in Pre-Petrine Russia. P. 346–348.

³⁷¹ Dewey, Kleimola. From the Kinship Group to Every Man His Brother's Keeper. P. 335.

концепций раннего Просвещения на многовековую русскую и российскую традицию заложничества, и если да, то как.

Первые явные признаки изменений наблюдаются в ходе крупной кампании по христианизации, начатой при Петре I и значительно расширенной при двух его преемниках, императрицах Анне Иоанновне (1730–1740) и Елизавете Петровне (1741–1761)³⁷². Миссионерская деятельность не минула и заложников. В июле 1730 года начальнику сибирского города Охотска Григорию Григорьевичу Писареву было поручено проследить, чтобы все местные церковные служители «во всяком бы остроге склоняли аманатов и других охотников учиться грамоте и показывали им закон христианский, понеже тамошний народ никакой веры и закону не знают»³⁷³.

Теперь сибирские заложники не служили исключительно залогом того, что покоренные члены их этнической группы будут платить дань царской администрации. Человеческий залог уже не воспринимался только как политический инструмент для экспансии и увеличения доходов государства. Заложники, большинство из которых строго охранялось казаками в российских крепостях, были признаны самоцелью, людьми, мировоззрение и образ жизни которых необходимо изменить. Несмотря на то что в основу указа 1730 года легла облаченная в религиозную форму миссионерская идея, в ней уже наблюдались фундаментальные перемены.

Этому повороту событий суждено было стать еще более радикальным. После примерно полуторавековой практики заложничества, в эпоху царствования императрицы Анны Иоанновны усилились сомнения в том, насколько эффективным был прежний метод с точки зрения его основной цели – обеспечения лояльности покоренных этнических групп царскому правительству. Применение заложничества очевидно не уменьшило количества конфликтов с калмыками³⁷⁴. Восстания башкир, каждое из которых приводило ко все большему распространению практики захвата заложников, регулярно повторялись с 1660-х годов несмотря на то, что в российских крепостях, таких как Казань и Уфа, удерживалось множество башкирских заложников³⁷⁵. В ответ на серьезные злоупотребления и нарушения при обращении с заложниками – воеводы вплоть до XVIII века ввиду отсутствия правовой базы часто позволяли себе самоуправство – и в ответ на многочисленные прошения в 1728 году Сенат впервые регламентировал порядок заложничества в отношении башкир³⁷⁶: в соответствии с ним башкирских заложников больше не разрешалось удерживать в отдаленных крепостях и принуждать там к работе. Вместо этого крепость Уфа была объявлена единственным местом содержания заложников и любой принудительный труд заложников был запрещен³⁷⁷.

Но решение Сената не разрешило ситуацию. Астраханский губернатор Артемий Петрович Волинский (1689–1740) не видел причин для смягчения практики заложничества. Напротив, он настаивал на том, чтобы брать по несколько заложников на *волость* и тем самым увеличивать их общее число. Кроме того, он предлагал содержать их в Уфе, «а лучше еще в Казани» и ежегодно обменивать³⁷⁸. Хотя это не способствовало ни окончанию башкирских восстаний, ни прекращению потока прошений башкир новой императрице Анне Иоанновне.

³⁷² Подробнее о миссионерской кампании в гл. 4.3.

³⁷³ Инструкция, данная Начальнику Охотска, Григорию Писареву // ПСЗРИ. Т. 8. 1830. № 5813 (30.07.1731). С. 520–524, здесь с. 522.

³⁷⁴ Khodarkovsky. Where Two Worlds Met. P. 196–206; Кундакбаева. «Знаком милости Е. И. В.». С. 74.

³⁷⁵ До 1730 года башкирские восстания происходили примерно каждые двадцать лет (1662–1664, 1681–1684 и 1704–1711). Асфандияров. Институт аманатства в Башкирии. С. 16; Donnelly. The Russian Conquest of Bashkiria. P. 45–50.

³⁷⁶ Прощение башкир Уфимского уезда Аббаса муллы с товарищами императору Петру II об отмене института аманатчиков. Перевод с татарского письма к Е. И. В. от башкиров. Подано в Москве марта в 16 день 1728-го году // МпИБ АССР. Т. 1. № 24 (16.03.1728). С. 126–127, здесь с. 126.

³⁷⁷ Сенатский указ о выборе башкирских аманатов и о содержании их в городе Уфе; и о непотреблении их ни в какую работу // ПСЗРИ. Т. 8. № 5334 (13.09.1728). С. 112.

³⁷⁸ Записка о башкирском вопросе в Российской империи и о наилучших способах его разрешения, составленная казан-

Заложничество среди казахов

Столкнувшись с джунгарской угрозой, казахи Младшего жуза во главе с Абулхаир-ханом в 1730–1731 годах искали контактов с царским правительством и просили принять их в российское «подданство». По этому случаю Коллегия иностранных дел поручила своему представителю Мухаммеду Тевкелеву (при крещении – Алексей Иванович Тевкелев) не настаивать на безоговорочном предоставлении заложников. Хотя от казахских посланников были получены устные заверения, что казахские старшины готовы платить *ясак*, как и башкиры, и в обмен на соответствующее финансовое обеспечение посылать заложников в Уфу. Но если хан не захочет выполнять эти требования, то вместо этого необходимо было просто позаботиться о том, чтобы хан отправил *послов*, которые докладывали бы о делах казахского хана при царском дворе³⁷⁹.

На фоне прежней многовековой практики российского государства данный подход стал существенным смягчением предыдущей позиции. Когда требование Тевкелева предоставить заложников действительно натолкнулось на сопротивление, он, следуя инструкции, не стал настаивать на предоставлении заложников после принесения присяги на верность. Однако он был обеспокоен тем, как остановить казахские набеги на российские караваны, продолжавшиеся и после 1731 года³⁸⁰.

Отказ казахских старшин посылать своих детей в качестве заложников в Уфу и ответ хана, который намеревался просто отправить «посланников» к царскому двору, подтолкнули Тевкелева к новой идее: построить крепость, где жили бы члены ханской семьи и старшины каждого рода, ежегодно сменяясь, и там как судьи назначали бы наказания за совершенные казахами преступления. В таком случае они не содержались бы как политические заложники (вместо *политичных аманатов*), но выполняли бы важные функции. Кроме того, Тевкелев считал их способными, наряду с исполнением судебных функций, собирать *ясак* у казахов и отправлять дань в Москву. В то же время крепость и ее охрана казахами внушали бы им страх и удерживали бы от набегов. Таким образом, российские подданные в приграничных регионах были бы лучше защищены, а караваны могли бы передвигаться с большей безопасностью³⁸¹.

В апреле 1733 года Тевкелев представил это предложение Коллегии иностранных дел в усовершенствованном варианте: к взятию заложников в классическом формате он предлагал прибегать только в случае выхода в путь российского каравана. Казахских заложников следовало отпускать после благополучного возвращения каравана. Нововведение же состояло в строительстве крепости на окраине Казахской степи (в месте, где Ор впадает в Яик), где казахские судьи вместе со служившими в крепости казахами должны были предотвращать набеги³⁸².

Таким образом, с предложением российского посредника Тевкелева впервые появилась идея о том, что интересы державы могут быть реализованы более успешно *посредством интеграции* представителей коренных народов, чем с помощью давления на нерусские этнические группы и принуждения их к лояльности. Однако предложение Тевкелева о взятии заложников в случае с российскими караванами ясно показало, что реформаторские мысли не мешали ему параллельно придерживаться концепции заложничества как человеческого залога.

ским губернатором А. П. Волынским // МПИБ АССР. Т. 1. № 134 (вероятно, 1730). С. 302–306.

³⁷⁹ Инструкция Коллегии ин. дел – переводчику М. Тевкелеву, отправленному во главе посольства к хану Абулхаиру для принятия от него присяги на подданство России // КРО. Т. 1. № 30 (февраль 1731). С. 42–44, здесь с. 43.

³⁸⁰ Выписка Коллегии ин. дел из донесения переводчика М. Тевкелева о постройке крепости на р. Ор и о посылке в Хиву сына хана Абулхаира для установления торговых отношений // КРО. Т. 1. № 40 (1732). С. 94–97, здесь с. 96.

³⁸¹ Там же.

³⁸² Представление переводчика М. Тевкелева Коллегии иностранных дел в связи с переходом казахов в российское подданство // КРО. Т. 1. № 43 (10.04.1733). С. 99–100.

Через год императрица Анна Иоанновна заинтересовалась этим предложением и усовершенствовала его. В это время она как раз одобрила одну из крупнейших на тот момент экспедиций в российской истории. Иван Кириллович Кирилов (1689–1737), статский советник и секретарь Сената, сумел в начале мая 1734 года пламенной речью убедить императрицу отправить экспедицию в южные степи³⁸³. В подробных инструкциях Кирилову императрица поясняла, что российский метод заложничества во время предстоящего изучения казахских поселений должен отойти от древней традиции и измениться, по крайней мере в отношении казахов Младшего жуза.

Критика традиционного метода взятия заложников со стороны Анны Иоанновны, в отличие от международно-правовой дискуссии Западной Европы, не основывалась на том, что отдельный индивид должен быть лучше защищен от незаконного захвата. Скорее многолетний опыт общения с башкирами, по словам императрицы, показал, что они предоставляли в качестве заложников только *худых людей*. Они не были нужны представителям своей этнической группы и, следовательно, никоим образом не могли в полном объеме оказать дисциплинирующего воздействия на башкир в целом. Поэтому при взаимодействии с вновь вступившими в подданство этническими группами нужно было действовать иначе. Отныне предоставленные лица вновь покоренных народов уже должны были называться не «аманатами» («аманатами их не называть»), а – и тут в игру включается идея Тевкелева – их следовало брать на службу в «особной суд», который назначался бы администрацией. Таким образом, связь с российским государством будет осуществляться не «за аманатство, но за милость и правосудие Наше»³⁸⁴.

Указания императрицы были выполнены два года спустя (1736) лишь фрагментарно, а в некоторых районах даже спустя несколько десятилетий. Тем не менее она инициировала сверху новый дискурс, который должен был определять метод заложничества в следующие несколько десятилетий³⁸⁵. Среди причин отказа от старого метода «удержания» заложников как средства оказания давления на поведение коренных народов было и осознание того, что в прошлом башкиры обманывали российскую сторону. Вместо самых знатных и лучших своих людей они в действительности часто посылали самых бедных, удержание которых не оказывало ни малейшего давления на остальных башкир. Как и в других частях империи, некоторых заложников даже выдавали за других людей, переодевали их и давали им вымышленные имена³⁸⁶. Но прежде всего теперь цель состояла не просто во внешнем давлении на нехристианские этнические группы, независимо от того, вступили они в подданство добровольно или были подчинены насильно, а в том, чтобы добиться их *внутренней* приверженности российскому государству.

«Милость и правосудие» были концепциями, с помощью которых кочевников следовало завоевать «изнутри». «Милость» – всепроникающий основной принцип российского государства с момента возникновения Великого княжества Московского – была с российской точки зрения дарована вновь подчиненным этническим группам уже тем, что императрица была готова принять их в свой могущественный союз подданных³⁸⁷. В имперском контексте после

³⁸³ Представление начальника Оренбургской экспедиции И. Кирилова на имя имп. Анны о трех казахских жузах и о Каракалпакии // КРО. Т. 1. № 50 (01.05.1734). С. 107–114.

³⁸⁴ Инструкция Статскому советнику Ивану Кирилову, отправленному для постройки города при устье реки Орь // ПСЗРИ. Т. 9. № 6576 (18.05.1734). С. 323–330, здесь с. 324.

³⁸⁵ См. стратегический документ крещеного к тому моменту Алексея Тевкелева, дослужившегося до звания генерал-майора, и коллежского советника Петра Ивановича Рычкова (1712–1777), представленный ими в 1759 году в Канцелярию иностранных дел. Представление генерал-майора А. Тевкелева и коллежского советника П. Рычкова Коллегии иностранных дел о положении в Малом и Среднем жузах // КРО. Т. 1. № 225 (22.01.1759). С. 571–591.

³⁸⁶ Например, Коллегия иностранных дел указывала на случаи обмана на Северном Кавказе, когда крестьянских детей выдавали за сыновей кабардинских господ. Документ за 1754 год // Бутков. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 2. Гл. 36. С. 163. – О стремлении киргизов предоставить заложников из как можно менее достойных семей см. также: *Бахрушин*. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. Т. 4. С. 47. – Об обманах среди башкир: *Асфандияров*. Институт аманатства в Башкирии. С. 18.

³⁸⁷ Подробнее о царской концепции милости см. гл. 1.

принятия в подданство милость выражалась в подарках, денежных выплатах, в присуждении почетных титулов или политических привилегий³⁸⁸. В случае изменения практики заложничества это должно было выражаться в признании собственных «судов», хотя в них также заседали двое-трое «первых» из «наших русских людей», в число которых прежде всего должны были входить «лучшие люди» из ханских детей (или султанов, или старшин)³⁸⁹. Правосудие, по мнению Анны Иоанновны, должно было помочь завоевать сердца кочевников, так как оно позволяло ориентироваться на традиции каждой этнической группы. Кроме того, кочевые казахи, как предполагалось, скорее примут власть Российской империи над собой, если увидят, что она обеспечивает принятие быстрых и справедливых судебных решений³⁹⁰.

Но даже при этом новом подходе Анна Иоанновна не планировала полностью отменить заложничество: в качестве меры предосторожности она предусмотрела охрану (*караул*) для «суда». Хотя казахам это объяснили тем, что наличие караула демонстрирует «почтение» к «суду», в действительности императрица стремилась обеспечить с его помощью «охранение и защищение»³⁹¹. Так зародилась идея привлечь заложников или тех, кто был назначен на должность «судьи», к основным принципам российского образа жизни и с их помощью склонить присоединенные этнические группы к принятию российской модели правосудия и разрешения конфликтов.

Новое веяние Василия Никитича Татищева

Одним из первых, кто попытался реализовать эти новые идеи, стал известный российский государственный деятель и ученый В. Н. Татищев (1686–1750). Будучи составителем первого российского энциклопедического словаря, он размышлял над понятием *аманат*, объясняя его следующим образом: «От ненадежных подданных берутся знатных людей дети и братья родные, как то у нас от многих степных народов, тако, яко от горских, татарских и других народов берутся и на довольном пропитании содержаться»³⁹². В определении Татищева ключевую роль играло слово «ненадежный». Под подозрением в «ненадежности» с российской точки зрения оказались в принципе *все* нехристианские народы, включенные в состав империи на юге и востоке.

Однако сам Татищев принципиально сомневался в целесообразности заложничества. Брать заложников из людей, уже ставших подданными Российской империи, казалось ему «не весьма приличным» («от подданных аманатов брать разумею не весьма прилично»). Лучше было бы, рассуждал Татищев в ноябре 1736 года, развивая идеи Анны Иоанновны, если бы среди вновь принятых в подданство народов преобладал страх перед судом. Под руководством старшин из коренных народов и представителей сотников такой суд был бы весьма способен «порядок в содержании» сохранить³⁹³.

³⁸⁸ Подробнее о российской политической культуре даров см. гл. 4.6.

³⁸⁹ Поскольку суды, предусмотренные Тевкелевым, не ограничивались судебной функцией, они не соответствуют тому, что сегодня называется судом. Поэтому, хотя термин «суд» используется здесь и далее, он помещен в кавычки.

³⁹⁰ Инструкция Статскому советнику Ивану Кирилову, отправленному для постройки города при устье реки Ор // ПСЗРИ. Т. 9. № 6576 (18.05.1734). С. 323–330, здесь пункт 11, с. 325.

³⁹¹ Там же. – В отдельной инструкции были даны подробные указания о том, как должна действовать стража. Инструкция императрицы Анны Иоанновны Статскому советнику Ивану Кирилову // Добромислов. Материалы по истории России. Т. 1. С. 63–78, здесь с. 67; *Торопыцын*. Институт аманатства. С. 65.

³⁹² *Татищев*. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской [рукописный оригинал не позднее 1749 года] // Избранные произведения. С. 162.

³⁹³ В своих изъяснениях, написанных в ноябре 1736 года, Татищев, таким образом, вернулся к позициям, которые он, очевидно, уже изложил в июле того же года. Изъяснение В. Н. Татищева на сделанное им предложение // МПИБ. Т. 6. № 176 (между 2 и 10.11.1736). С. 303–305.

К тому моменту, как Татищев изложил свои мысли на бумаге, он уже несколько лет возглавлял Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов и в этой должности приобрел большой опыт в области заложничества: пока башкиры не предоставляли ему заложника, он запрещал вести торговлю с ними на территории горнозаводского хозяйства. С 1736 по 1737 год, вопреки своему скептицизму, он приказывал содержать в Екатеринбургской крепости от 5 до 25 заложников из башкир (от одного до четырех человек на *волость*). Они должны были служить гарантией того, что башкиры не станут участвовать в крупных восстаниях, а вместо этого будут сотрудничать с российской стороной для их подавления³⁹⁴.

Однако эта надежда оказалась иллюзией. Татищев пришел к выводу, что практика заложничества вела в тупик: часто башкирам удавалось обмануть российскую сторону при предоставлении заложников. Они выдавали своих заложников за сыновей почтенных старшин, но в действительности посылали ничего не значащих представителей этнической группы, с которыми никто из них не считал себя связанным. Или же башкиры действительно посылали заложников из «лучших и почтеннейших» кругов, но тогда в башкирских волостях не хватало тех, кто мог бы обеспечить спокойствие и порядок³⁹⁵.

Поэтому уже весной 1736 года Татищев попытался продолжить начинания Анны Иоанновны и не рассматривать заложников исключительно как залог и средство оказания давления. Он старался использовать башкирских заложников как посредников в переговорах с восставшими членами их этнической группы³⁹⁶. Но попытка оказалось неудачной во всех отношениях. Башкирские заложники, едва оказавшись внутри своей этнической группы, отказывались от своей миссии и сами принимали активное участие в восстаниях. Приобретенные ими знания о российской стороне даже помогали им выступать в роли предводителей грабительских набегов³⁹⁷.

В конце 1736 года Татищев на основе опыта с башкирами пришел к выводу, что взятие в заложники подданных не только «неприлично» и слишком затратно из-за необходимости их содержать, но и малоэффективно. Гораздо более действенным для покорения башкир он считал окружение их новыми крепостными сооружениями и укрепленными линиями³⁹⁸. Когда год спустя императрица назначила его преемником умершего Кирилова на должность главы Оренбургской экспедиции, Татищев почувствовал, что настало время для реализации реформаторской идеи Анны Иоанновны. Впервые в истории российско-казахских отношений он при поддержке Кабинета министров назначил казахских старшин третейскими судьями в спорах между российскими купцами и казахами. За это они получали государственное жалованье³⁹⁹.

В Астрахани Татищев стремился к тому, чтобы наладить работу «судебного органа» под названием «Татарская контора» или «Контора калмыцких и татарских дел», и дал людей в помощь главе этого органа – почти всегда пьяному мирзе Урусову. Однако работа этого первого

³⁹⁴ Подробнее о деятельности Татищева как начальника горных заводов см.: Юхт. Государственная деятельность В. Н. Татищева; Grau. Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler; Daniels. V. N. Tatischev; Корсакова. Василий Никитич Татищев. С. 339.

³⁹⁵ Асфандияров. Институт аманатства в Башкирии. С. 18.

³⁹⁶ Торопицын. Институт аманатства. С. 69.

³⁹⁷ Сказка переводчика И. Г. Дуракова в канцелярию Главного правления казанских и сибирских казенных заводов о поездке его в пределы Сибирской дороги с объявлением о взятии аманатов с башкир, не принимавших участия в восстании // МПИБ. Т. 6. № 89 (28.04.1736). С. 163–164; Асфандияров. Институт аманатства в Башкирии. С. 18.

³⁹⁸ Подробнее о политике Татищева по окружению башкир путем строительства укрепленных линий, которую он проводил совместно с Иваном Кириловым, см. в гл. 4.2.

³⁹⁹ Именной, данный из Кабинета Ее Величества тайному советнику Татищеву. Об определении в Оренбурге двух киргизских старшин, для прекращения ссор между приезжающими туда купцами // ПСЗРИ. Т. 10. № 7657 (16.09.1738). С. 614–618, пункт 5, здесь с. 615; Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. Хронологический перечень Высочайших грамот, указов и узаконений. № 16 (16.09.1738). С. 6; Торопицын. Институт аманатства. С. 65.

«суда» провалилась, поскольку многие судьи не только почти не говорили по-русски, но прежде всего не знали ни татарских, ни российских законов⁴⁰⁰.

Однако эти трудности не привели к прекращению попыток найти альтернативу заложничеству. По аналогии с «Конторой татарских и калмыцких дел» Елизавета Петровна инициировала учреждение новых «судебных органов» во всех городах Астраханской губернии. Астраханские дворяне с 1742 года возглавляли эти суды вместе с калмыцкими «судьями»⁴⁰¹. Впрочем, полный отказ от традиционного заложничества по-прежнему казался российскому правительству слишком опасным. Поэтому даже в пределах Астраханской губернии калмыки и татары по-прежнему *также* удерживались в российских крепостях параллельно с существованием «судебных структур»⁴⁰².

⁴⁰⁰ Татищев. Мнение Татищева об управлении юртовскими татарами и о разверстании земель между ними // Он же. Записки. № 226 (11.11.1745). С. 316–319, здесь с. 318; *Торопицын*. Институт аманатства. С. 65. – Капитан Лука Шихматов, назначенный судьей с 1737 года российской стороной, также оказался неудачным выбором, и его пришлось быстро заменить капитаном Астраханского гарнизонного полка Владимиром Копытовским. *Понов*. Татищев и его время. С. 325–326.

⁴⁰¹ Реляция Астраханского губернатора Татищева от 7 марта [1742] // Архив князя Воронцова. Москва 1870–1875. Т. 1. С. 318; *Торопицын*. Институт аманатства. С. 66. – До сих пор ничего не известно об успехах или неудачах этих «судов» Астрахани.

⁴⁰² *Торопицын*. Институт аманатства. С. 66.

3.5. АМАНАТСТВО В РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЯХ

Двойственный подход к продолжению практики заложничества демонстрировал борьбу различных сил и противоположных взглядов внутри имперской элиты. За кулисами между реформаторами и традиционалистами разгорелся спор о том, есть ли вообще будущее у заложничества. Этот конфликт, в последующие десятилетия отразившийся в зигзагообразном курсе царского правительства, лучше всего можно проиллюстрировать на примере действий российских властей по отношению к тем подданным, которые вошли в ее состав только в 1730-х годах и, следовательно, еще не были знакомы с российской имперской практикой, а именно с казахским Младшим жузом. Обращение с этим жузом – представлявшим с точки зрения царского правительства геополитически наиболее важную этническую группу южных степных народов – особенно наглядно демонстрирует трансформацию заложничества в XVIII веке и тезис о вкладе, который этот период внес в историю империи.

Через заднюю дверь: введение заложничества у казахов

После того как в мае 1734 года Анна Иоанновна выступила за отказ от прежнего метода взятия заложников во взаимоотношения с казахами, царская администрация впервые нарушила многовековую традицию взаимодействия с нехристианскими этническими группами и в жалованной грамоте о принятии казахов в российское подданство не предъявила требований о предоставлении заложников. Вместо этого Тевкелев, полномочный представитель на переговорах о принятии в подданство, потребовал от предводителя казахского Младшего жуза Абулхаир-хана, чтобы тот «добровольно» и «в качестве посланника» отправил в Петербург своего одиннадцатилетнего сына султана Ералы, а также двоюродного брата Нияза⁴⁰³. Абулхаир-хан, который надеялся на поддержку царского правительства во внутриказахской борьбе за власть, согласился на «добровольную отправку». Но зигзаги правительственного курса в обращении с заложниками принесли ему горькое разочарование⁴⁰⁴.

В 1734 году обоих казахских «посланников» действительно отпустили из Петербурга. Но И. К. Кирилов, назначенный в июне 1734 года главой Оренбургской комиссии, не позволил ханскому сыну вернуться в казахскую степь. Вместо этого он без согласия отца поместил его в качестве заложника в Оренбургскую крепость, сооруженной в августе 1735 года⁴⁰⁵. Несмотря на настойчивые просьбы Абулхаир-хана вернуть ему сына, несмотря на напоминания о начале возмущений среди казахских старшин, которые сочли российские действия бесчестьем, и даже несмотря на готовность хана послать вместо сына племянника, султану Ералы только в 1738 году благодаря содействию нового уполномоченного Василия Татищева было позволено вернуться в казахский жуз. И произошло это только после того, как казахский хан вновь принес присягу на верность.

Совершенно очевидно, что царская администрация, несмотря на первоначально совершенно противоположные планы, пришла к выводу, что не существует сравнимой по эффективности альтернативы заложничеству для обеспечения подчинения казахов. Таким образом,

⁴⁰³ Прошение хана Абулхаира имп. Елизавете об отпуске из аманатов султана Хожа Ахмета и о предоставлении войска для подавления междоусобной борьбы с изложением трудностей, которые возникли для хана в связи с отказом главного командира Оренбургской комиссии И. И. Неплюева сменить султана Хож-Ахмета султаном Чингизом (пер. с татарского) // МПИК СССР. Т. 2. Ч. 2 (1741–1745). № 20 (07.11.1743). С. 73–105, здесь с. 73.

⁴⁰⁴ Там же. С. 73–105.

⁴⁰⁵ Грамота имп. Анны на имя хана Абулхаира и всего казахского населения Малого жуза с одобрением деятельности хана // КРО. Т. 1. № 60 (24.02.1736). С. 124.

к тому времени как казахи уже давно подписали российский вариант присяги на верность, заложничество вновь было нелегально введено в практику⁴⁰⁶.

Рис. 4. Одиннадцатилетний Ералы, сын казахского Абулхаир-хана, в качестве «посланника» в сопровождении духовного лица (ахуна) из Бухары и «губернера» Кутыр-Батыра по дороге из казахских степей в Санкт-Петербург до того, как он был взят в заложники. Рисунок 1740-х годов

Когда Абулхаир-хан вернул своего сына султана Ералы и обменял его на другого своего сына Хож-Ахмета (Ходжей Ахмет), казалось, он все еще не предполагал, что речь идет теперь уже лишь о плохо скрываемом заложничестве на традиционный российский манер. Не получив назад и второго сына, в 1742 году он гневно обратился к главе Оренбургской комиссии И. И. Неплюеву и изложил свое представление о происходящем: в подданство Ее Императорского Высочества он вступил «своею волею» и своих детей отдал «в службу Е. И. В., а не в полоненики»⁴⁰⁷.

⁴⁰⁶ Грамота имп. Анны на имя хана Абулхаира и всего казахского населения Малого жуза с одобрением деятельности хана // КРО. Т. 1. № 60 (24.02.1736). С. 124; Кундакбаева. «Знаком милости Е. И. В.». С. 58.

⁴⁰⁷ Протокольная запись переговоров начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева с ханом Абулхаиром и другими казахскими феодалами, а также с джунгарскими и каракалпакскими послами во время их приезда в Орск // КРО. Т. 1. № 96 (22.09.1742). С. 229–253, здесь с. 248. – В русском переводе татарского прошения Абулхаир-хана к Елизавете Петровне за 1743 год, в котором он настоятельно просит об освобождении своего сына, также говорится, что правительница взяла его детей в плен (взятых в плен). Это могла быть и ошибка перевода, но все обстоятельства говорят о том, что Абулхаир-хан не предполагал, что его дети служат заложниками у российской стороны. Прощение хана Абулхаира // МПИК ССР. Т. 2. Ч. 2. № 20 (07.11.1743). Здесь с. 74.

Однако в данном случае казахский хан дважды недооценил российскую политику. Глава Комиссии Неплюев был далек от того, чтобы принять сыновей хана «в службу» к императрице. Еще менее он или кто-либо другой в царском правительстве был склонен рассматривать сыновей как «пленников» императрицы. В конце концов, все казахи Младшего жуза с принесением присяги и после вручения жалованной грамоты стали подданными императрицы. А российские подданные не могли быть российскими пленниками, но они могли быть заложниками.

В отличие от Тевкелева и Татищева, Неплюев считался «исключительно» традиционалистом в вопросе заложничества и придерживался мнения, что старое доброе взятие в заложники все еще «самое главнейшее средство», чтобы не только хан, но и все султаны и народ «в верности обузданы и удержаны быть могут»⁴⁰⁸. Неплюев придерживался этой практики, исходя из трех аспектов: во-первых, это был обычай предков. Во-вторых, она укрепляла у заложников чувство непосредственной преданности и, следовательно, их верность. Это было особенно справедливо в отношении «своевольного и нимало ненадежного» народа, какими считались казахи. И в-третьих, у российской стороны не было «другого столь сильного способа»⁴⁰⁹. Это «совершенно очевидно» было доказано взятием в заложники сына Абулхаир-хана. Ибо без этого, по мнению Неплюева, поведение Абулхаира, хана Младшего жуза, было бы столь же проблематичным, как и поведение предводителя Среднего жуза Абулмамбет-хана, объединившегося с враждебными Российской империи джунгарами⁴¹⁰.

Ни в одном источнике не было обосновано, почему заложничество как метод стабилизации империи так ценилось российской стороной и почему его придерживались в течение столетий⁴¹¹. Несмотря на планы реформ, начатых Анной Иоанновной, Неплюев в начале 1740-х годов, очевидно, считал необходимым решительно выступать также и при новой Елизавете Петровне за традиционную практику. Неплюев находился не в последнюю очередь под впечатлением от угрозы, которую представляли для царства восточномонгольские джунгары, расширившие свои владения. Последние добились того, что глава Среднего жуза Абулмамбет-хан послал одного из своих сыновей в качестве заложника джунгарскому правителю.

Чтобы сохранить равновесие и хотя бы некоторое российское влияние на казахов Среднего жуза, которые в 1740 году присягнули также и российской императрице, Неплюев хотел получить любым путем другого ханского сына. Таким образом, заложничество сыновей хана в двух различных государствах служило для того, чтобы держать казахов *Среднего жуза* как минимум равноудаленно от джунгар и российского государства⁴¹². Правда, в случае с казахами *Младшего жуза* угроза подчинения джунгарам еще отсутствовала. Но тем очевиднее казалась Неплюеву необходимость укрепления связей с российским государством с помощью заложника и изначальное пресечение любого влияния джунгар.

⁴⁰⁸ Донесение начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева Коллегии ин. дел о мерах, предпринятых в отношении хана Абулмамбета в связи с его намерением принять джунгарское подданство // КРО. Т. 1. № 105 (18.11.1742). С. 269–273.

⁴⁰⁹ Донесение начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева Коллегии ин. дел по поводу переговоров хана Абулмамбета с Галдан-Цереном (секретнейшее) // КРО. Т. 1. № 104 (18.11.1742). С. 268–269.

⁴¹⁰ Донесение начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева Коллегии ин. дел о мерах, предпринятых в отношении хана Абулмамбета в связи с его намерением принять джунгарское подданство // КРО. Т. 1. № 105 (18.11.1742). С. 269–273, здесь с. 273.

⁴¹¹ Несколько лет спустя Тевкелев, в духе Неплюева, назвал заложничество «залогом спокойствия» (*залог спокойствия*). Из донесения бригадира А. Тевкелева Коллегии ин. дел о развитии меновой торговли между казахским и русским населением // КРО. Т. 1. № 204 (16.01.1753). С. 532. – Императрица Елизавета Петровна также использовала это выражение в 1756 году. Рескрипт имп. Елизаветы оренбургскому губернатору И. Неплюеву и генерал-майору А. Тевкелеву с запрещением казахам выпаса скота в районе р. Яик // КРО. Т. 1. № 211 (02.09.1756). С. 540–544, здесь с. 542.

⁴¹² Донесение начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева Коллегии ин. дел о мерах, предпринятых в отношении хана Абулмамбета в связи с его намерением принять джунгарское подданство // КРО. Т. 1. № 105 (18.11.1742). С. 269–273.

Борьба за власть: оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев и казахский Абулхаир-хан

Поскольку Абулхаир, хан Младшего жуза отказывался предоставлять заложников, Неплюев продолжил риторику своих предшественников, маскируя статус заложника статусом «посланника». По поручению Неплюева генерал-лейтенант князь Василий Алексеевич Урусов, который в 1740 году вел со старшинами Младшего и Среднего жузов переговоры о присяге на верность, вновь обратился с просьбой о «добровольной» отправке «посланцев своих ко двору», на этот раз из числа казахских старшин. При этом он лукаво ссылаясь на детей, которых Абулхаир-хан до этого уже «добровольно» отослал ко двору, и заманивал перспективой, что дети из высокопоставленных семей могли бы надеяться быть также представленными императрице⁴¹³.

Однако продолжать маскировать казахских заложников под «посланников» в 1740 году было уже рискованно: сын Абулхаир-хана Хож-Ахмет к этому времени уже был настолько измучен в Сорочинской крепости, что его из-за угрозы самоубийства перевели в крепость в Казань, надеясь, что татарское окружение сможет поддержать его «хорошее настроение»⁴¹⁴. О приличествующем положению образованию или о принятии при дворе императрицы речь даже не шла. Смелое упоминание Урусовым детей Абулхаира, вероятно, касалось исключительно первого из присланных сыновей – Ералы. Сразу после прибытия ему действительно «позволили» на короткое время окунуться в великолепие жизни при дворе⁴¹⁵. Однако уже вскоре, как упоминалось выше, он против своей воли в течение четырех лет удерживался в качестве заложника в Оренбургской крепости.

⁴¹³ Журнальная запись переговоров генерал-лейтенанта князя В. Урусова с представителями Малого и Среднего жузов во время их приезда в г. Оренбург для принятия присяги на подданство России // КРО. Т. 1. № 70 (19.08.1740). С. 134–168, здесь с. 160.

⁴¹⁴ Кундакбаева. «Знаком милости Е. И. В.». С. 59. – Но и в татарской столице Казани, где российская администрация даже разрешила Хож-Ахмету носить оружие, продолжались проблемы, на этот раз потому, что Хож-Ахмет якобы вел себя «злонамеренно». Донесение оренбургского губернатора И. Неплюева Коллегии ин. дел о положении в Младшем и Среднем жузах // КРО. Т. 1. № 142 (08.07.1747). С. 361–365, здесь с. 362.

⁴¹⁵ Султан Ералы восторженно рассказывал о большом количестве столового серебра при дворе и о фонтанах в Петергофе, где вода устремляла «многие воды, кои течение свое кверху имеют». Кундакбаева. «Знаком милости Е. И. В.». С. 64.

Рис. 5. Первый губернатор Оренбурга Иван Иванович Неплюев

Однако участвовавшие казацкие набеги на российские поселения, которые Абулхайр-хан инициировал из-за отказа вернуть ему сына, а также успешные попытки джунгар подчинить себе казахов и таким образом приблизиться к российской границе со временем заставили Неплюева, известного как «сторонника жесткой линии», пересмотреть заложничество в его привычной форме. Между тем Абулхайр-хан осознал истинный характер удержания своего сына и обвинил Неплюева в том, что тот продолжает нарушать свое слово в свете того, что его сын был отправлен как *посол*, а не как *аманат*⁴¹⁶. Неплюев по-прежнему отклонял предложение хана об обмене его сына, обосновывая это тем, что другой предлагаемый для обмена сын Абулхайра не является равноценной заменой. На самом деле Неплюев выяснил, что предлагаемый для обмена сын является плодом союза с рабыней-калмычкой. Таким образом, он никак

⁴¹⁶ Донесение поручика И. Муравина начальнику Оренбургской комиссии И. Неплюеву о причинах недовольства хана Абулхайра Оренбургской администрацией // КРО. Т. 1. № 109 (30.03.1743). С. 281–282; Письмо хана Абулхайра имп. Елизавете с жалобой на действия начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева // КРО. Т. 1. № 113 (03.09.1743). С. 290–292.

не соответствовал положению, которое сын Хож-Ахмет занимал в силу знатного происхождения его матери, и представлялся российской стороне менее ценным гарантом⁴¹⁷.

Рис. 6. Хан Младшего жуза Абулхаир-хан. Литография по рисунку Дж. Кэстля. 1736

⁴¹⁷ Протокольная запись переговоров начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева с ханом Абулхаиром и другими казахскими феодалами, а также с джунгарскими и каракалпакскими послами во время их приезда в Орск // КРО. Т. 1. № 96 (22.09.1742). С. 229–253, здесь с. 248, 249. – Проверка материнства и того, вырос ли второй сын в такой же родительской любви («в таком ли равном люблении родители его содержат»), была инициирована самим кабинетом императрицы. Это позволяет понять, какое значение придавалось выбору каждого казахского заложника и их обмену. Именной, данный из Кабинета Ее Величества Тайному советнику Татищеву // ПСЗРИ. Т. 10. № 7657 (16.09.1738). С. 614–618, здесь с. 615.

Однако в сентябре 1743 года Неплюев обратился к Коллегии иностранных дел с предложением не содержать больше сыновей хана в городах у внешних границ государства. Вместо этого, по мнению Неплюева, необходимо в будущем даровать ему и его семье «милость» императрицы и привезти их в Санкт-Петербург ко двору. Это давало несколько преимуществ: можно не принимать в расчет набеги родственников, так что заложников больше не нужно охранять. Кроме того, больше не нужно было запрещать им выходить в город, и дети хана могли бы получить соответствующее их статусу воспитание и образование («чтоб <...> во всяком надлежащем по состоянию их обучении и сведении были») ⁴¹⁸.

Таким образом, упреки родственникам хану в том, что он отдает своего сына, «приготовив его как животное», были бы исключены ⁴¹⁹. Оренбургская комиссия освободилась бы от многих трудностей, сопряженных с содержанием заложников, и от связанных с этим столкновений с родственниками, а хан даже мог бы изложить свои пожелания через сына при дворе ⁴²⁰.

Вопрос о том, насколько серьезно Неплюев относился к тому, чтобы заложник получил в Петербурге соответствующее образование, остается открытым. Другие его высказывания говорят о том, что он, как и прежде, видел в заложничестве инструмент для приучения к дисциплине вновь завоеванных подданных ⁴²¹. Возможно, он, поднявшийся за это время от должности главы комиссии до уровня губернатора Оренбурга, больше был заинтересован в облегчении работы местной администрации на периферии и в городах-крепостях.

Но предложения Неплюева оказались безрезультатны, и Коллегия иностранных дел продолжала колебаться по поводу вопроса, как должно выглядеть будущее заложничества. Ситуация обострилась на седьмой год непрерывного удержания ханского сына Хож-Ахмета. Абулхаир-хан в очередной раз активизировал набеги казахов на русские поселения. Неплюев возмутил хана, указав ему на то, что «состояние» жуза еще не позволяет вернуть ему сына ⁴²². В августе 1748 года Абулхаир-хан был убит казахским соперником в борьбе за власть.

Неясно, в какой степени Неплюев был замешан в разжигании внутриказахской вражды, закончившейся убийством. Достоверно известно только, что Неплюев воспользовался назначением по российской инициативе сына Абулхаира, Нуралы, новым ханом Младшего жуза, чтобы прекратить любое сокрытие удержания заложников ⁴²³. Он категорически потребовал от нового хана, чтобы тот заменил своего сидящего в заключении брата султана Адила на трехлетнего сына Нуралы в качестве заложника. Указание Нуралы-хана, что такие маленькие дети

⁴¹⁸ Из донесения начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева Коллегии ин. дел о положении в Малом и Среднем жузах // КРО. Т. 1. № 119 (сентябрь 1743). С. 301–307, здесь с. 305.

⁴¹⁹ Прошение хана Абулхаира // МПИК СССР. Т. 2. Ч. 2. № 20 (07.11.1743). Здесь с. 74.

⁴²⁰ Из донесения начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева Коллегии ин. дел о положении в Малом и Среднем жузах // КРО. № 119 (сентябрь 1743). С. 301–307, здесь с. 305. – Предложение Неплюева поручить ханским детям представлять интересы их отцов при царском дворе напоминает обстоятельства монгольского заложничества. Однако подобное историческое указание в рассуждениях нигде не встречается.

⁴²¹ Подход И. И. Неплюева к казахам Младшего жуза был в меньшей степени направлен на диалог и вовлечение и в большей – на сдерживание путем угрозы или применения силы. Среди прочего им был разработан так называемый план действий на случай чрезвычайных обстоятельств, в котором он планировал военное окружение казахов в случае, если их набеги на русские поселения не прекратятся. О киргиз-казахах. Книга Азиатского департамента № 21 // Б. Из истории Казахстана XVIII в. С. 146. – Подробнее об отношении Неплюева и его оценке в гл. 4.2 и 4.5.

⁴²² Запись беседы оренбургского губернатора И. Неплюева с ханом Нуралы, султанами и старшинами // КРО. Т. 1. № 178 (11–25.07.1749). С. 450–473, здесь с. 467. – В действительности султан Хож-Ахмет был освобожден через девять лет пребывания в заложниках, его заменил его брат султан Айчувак и вскоре после него еще один брат, султан Адиль. *Кулдакбаева*. «Знаком милости Е. И. В.». С. 58. – Султану Адилу были сделаны беспрецедентные уступки. Например, в 1749 году ему разрешили время от времени выезжать из Оренбургской крепости, где он был заложником, к своей невесте, когда она зимой на Яике пасла скот со своей матерью. Донесение оренбургского губернатора И. Неплюева Коллегии ин. дел о церемонии публичного избрания султана Нуралы ханом и состоявшихся при этом переговорах с казахскими феодалами // КРО. Т. 1. № 181 (09.08.1749). С. 475–481.

⁴²³ Подробнее о первом назначении казахского хана «по милости императрицы» и связанном с этим постепенном ослаблении внутриказахских политических структур см. гл. 4.5.

у казахов должны воспитываться матерями, Неплюев не принял во внимание. По его мнению, сына могла бы сопровождать няня. К тому же «благодаря милости Ее Императорского Величества» он будет содержаться во всех отношениях удовлетворительно.

Одновременно в речах Неплюева появились новые оттенки. Он впервые намекнул, что «однажды» в удержании заложников больше не будет необходимости. Это произошло бы в том случае, если бы казахи доказали свою «угодность» исполнением «с полной, самой подбострастной преданностью» царских указов «Ее Императорского Величества»⁴²⁴. Коварство данного высказывания в отношении казахов заключалось в его расплывчатости. Только царская администрация, вплоть до самой императрицы, определяла критерии «угодности». И эти критерии могли меняться в зависимости от потребностей Российской империи.

Ускорение перемен

В вопросе о заложничестве произошли необратимые изменения. О возможности прекращения практики взятия заложников, пусть и в неопределенном будущем, было сказано не только казахам. Из Восточной Сибири раздавались аналогичные высказывания от представителей имперской элиты. Известный российский капитан-командор Алексей Ильич Чириков в докладе Адмиралтейств-коллегии по поводу взятия в 1746 году заложников из высокопоставленных лиц восточносибирских этнических групп советовал освободить их, когда они проявят «свою верность» по отношению к русским. Воеводы, по словам Чирикова, разделяли его мнение. В качестве условия он указывал следующий критерий: речь должна идти о «добрых князьях», которые в течение долгого времени проявляли верность⁴²⁵. Освобождение заложников также могло быть обосновано щедростью императрицы и могло мотивировать заинтересованных лиц, в свою очередь, уплатить более значительный *яса*. В особенности речь шла о таких «князьях», которые, с одной стороны, перешли в христианскую веру и, с другой, поддерживали ее⁴²⁶.

Однако речь Чирикова показала, что *одно лишь* обращение в христианство до сих пор не сделало заложничество неактуальным. Скорее стало очевидно, что не принятие христианства как таковое решало вопрос о предоставлении заложников, а российское восприятие культурной чуждости и «ненадежности». Христианизация, в понимании Петра I и с точки зрения имперской элиты XVIII века, была уже не самоцелью, а средством цивилизования и аккультурации⁴²⁷.

Произошли изменения и в организации заложничества среди кабардинцев на Северном Кавказе. Пророссийская фракция кабардинских князей, Баксанская коалиция, с 1748 года больше не обязана была предоставлять заложников. Враждебная же и прокрымско-татарская сторона, князья Кашхатавской коалиции, вынуждены были, как и прежде, отправлять своих сыновей в крепости Астрахани и Кизляра⁴²⁸. Различная оценка русскими ожидаемой по отношению к царскому правительству степени лояльности и тут привела к неравному обращению.

⁴²⁴ Запись беседы оренбургского губернатора И. Неплюева с ханом Нуралы, султанами и старшинами // КРО. Т. 1. № 178 (11–25.07.1749). С. 467–468.

⁴²⁵ Русское выражение *князец* как уменьшительная форма от *князь* использовалось как термин для обозначения главы нехристианских этнических групп на востоке и выражало менее уважительное отношение по сравнению с русским термином *князь*.

⁴²⁶ Из рапорта А. И. Чирикова Адмиралтейств-коллегии. Описание рыбных промыслов на Камчатке и предложения об улучшении жизни местного населения // Дивин (ред.). Русская тихоокеанская эпопея. № 57 (18.06.1746). С. 252–256, здесь с. 254.

⁴²⁷ Подробнее о связи между христианизацией и цивилизованием в Петровскую эпоху см. гл. 4.3.

⁴²⁸ Описание кабардинского народа, хранящееся в материалах Коллегии иностранных дел, со сведениями из истории кабардинского народа, о его международных связях и этнографических особенностях // КабРО. Т. 2. 119 (май 1748). С. 152–161, здесь с. 159.

Тем не менее размышления о возможном прекращении предоставления заложника *ни в одном* из регионов не были связаны с вопросом, как *долго* та или иная этническая группа его уже предоставляет. В то время как кабардинцы *непрерывно* должны были предоставлять заложников с конца XVI и до XVIII века, от этнических групп Сибири это же требовалось с начала XVII века, а калмыки и башкиры предоставляли заложников с середины XVII века. Высказывания Неплюева по поводу казахов, которые только несколько лет назад стали царскими подданными, и его поведение по отношению к процарски настроенной кабардинской «коалиции» показывают, что имперская практика, по крайней мере в ее прежней форме, уже прошла точку наивысшего расцвета.

Последующие изменения были объявлены указом царского правительства от 1749 года, который после столетий самоуправного манипулирования методом заложничества впервые вводил правила, распространявшиеся на всю империю: отныне заложники должны были возвращаться не позднее чем через десять лет и регулярно обмениваться. Самое главное, что заложники при *отпуске* принародно должны были одариваться деньгами и подарками. Размер выплаты зависел от российской заинтересованности в заложнике и в соответствующей этнической группе⁴²⁹.

Таким образом, в середине XVIII века было подтверждено направление перемен, уже заданное Анной Иоанновной. Заложничество, если оно и сохранялось, больше не было инструментом давления и принуждения. Напротив, отныне его следовало представлять в привлекательном свете. Бывшие заложники должны были сохранять добрую память о том времени, когда они были заложниками, а члены их этнических групп даже завидовать их положению. Идея, согласно которой *аманат* по окончании своего пребывания получал роскошные подарки, во времена московского заложничества показалась бы совершенно абсурдной. Теперь такой порядок действий считался остро необходимым.

Записка Петра Ивановича Рычкова и Алексея Ивановича Тевкелева 1759 года

После ухода Неплюева с должности губернатора Оренбурга его настроенные на реформы соперники поняли, что их время пришло. На протяжении шестнадцати лет Неплюев играл решающую роль в определении судьбы региона, сначала в 1742–1744 годах как глава Оренбургской комиссии, затем в 1744–1758 годах как губернатор в недавно созданной Оренбургской губернии. Его излюбленными методами разрешения конфликтов с казахами были жесткость, блокада их мест проживания и военные карательные экспедиции⁴³⁰. Критики Неплюева – Тевкелев и Рычков – напротив, считали верными совсем иные пути для замирения казахов. Рычков как историк, экономист и географ благодаря трехлетнему участию в Оренбургской экспедиции под руководством Кирилова был хорошо знаком со степными народами⁴³¹. Вме-

⁴²⁹ Указ имп. Елизаветы оренбургскому губернатору И. Неплюеву об утверждении султана Нуралы ханом // КРО. Т. 1. № 175 (02.05.1749). С. 444–446.

⁴³⁰ Из собственных записей Неплюева отчетливо видно, насколько серьезно он воспринимал ведущие кочевой образ жизни степные народы как угрозу. *Неплюев*. Записки Ивана Иванович Неплюева. Например, с. 146, 150. – Неплюев получил положительную оценку еще во времена московского царства в биографии Витевского: *Витевский*. И. И. Неплюев и Оренбургский край. – Подробнее о взглядах Неплюева и соответствующих методах в гл. 4.2 и 4.5.

⁴³¹ П. И. Рычков изложил свои знания об Оренбургской губернии и ее жителях в нескольких трудах, которые привлекли большое внимание. В 1750-м он стал первым членом-корреспондентом Академии наук. К его важнейшим трудам относятся, переведенные также на немецкий, «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии», вышедшая в 1762 году, и «История Оренбургская». – Информацию о многих его трудах можно найти в издании: *Матвеевская*. Жизнь и деятельность П. И. Рычкова. – Полная библиография работ Рычкова в: *Ефремов*. Петр Иванович Рычков. С. 99–102. Дополнительные биографические исследования о Рычкове: *Матвеевский*. Петр Иванович Рычков; *Уханов*. Рычков; Наследие П. И. Рычкова; *Leckey*. Envisioning Imperial Space.

сте с Тевкелевым он использовал уход Неплюева и назначение их обоими временными управляющими Оренбургского губернаторства для того, чтобы всячески лоббировать перед царским правительством новую политику.

Составленная в соавторстве записка в Коллегию иностранных дел от января 1759 года представляется одним из самых интересных стратегических документов своего времени. Здесь рассмотрен вопрос о том, какие цели должно преследовать российское государство на южных границах и какими инструментами их достигать. По основной направленности эта записка должна рассматриваться в одном ряду с запиской Кирилова, в которой он в 1734 году убеждал Анну Иоанновну в необходимости расширения на юг и основания города Оренбурга⁴³². Вопрос, что делать в будущем с практикой заложничества, также играет в документе значительную роль.

Тевкелев и Рычков открыто ссылались на представление Анны Иоанновны, согласно которому для каждого «народа» необходимо организовать «особый суд», чтобы люди почитали Россию не из-за заложничества, но благодаря «милости и правосудию», и критиковали ситуацию, когда эта идея – применительно к Младшему жузу (при Неплюеве) – так и не была реализована, хотя они также не сомневались, что принципиально заложничество должно сохраниться⁴³³. Однако чтобы обеспечить не только расходы, но одновременно и *пользу* от взятия заложников, было предложено, в духе Анны Иоанновны, учредить «суды» в сочетании с «почетным караулом». Привлечение сыновей хана и детей казахских старшин в подобные «суды» при этом ни в коей мере не означало, что характер заложничества был бы ослаблен. Скорее «суд» мог способствовать тому, чтобы привести казахов «к большой людкости и к познанию государственных прав»⁴³⁴.

Если уже в 1734 году Анна Иоанновна разъясняла, насколько важно для царского правления привлечь на свою сторону заложников и представителей их этнической группы в целом не только с помощью давления и шантажа, но и по велению души, то Рычков и Тевкелев в своих предложениях пошли еще дальше. Императрица была озабочена мнением вновь включенных подданных, чьи заложники должны были быть привлечены к «доброму делу» с помощью, по ее мнению, положительных стимулов. Рычков и Тевкелев, напротив, выражали зрелую колониальную позицию. Речь больше не шла лишь о стимулировании. Скорее захват заложников должен был использоваться для осуществления широкомасштабного управления казахским обществом извне. Цель внешнего управления состояла в том, чтобы приобщить колонизируемых к ценностям и обычаям российского большинства.

Авторы записки более четко, чем до них представители имперской элиты, выражали специфическую для колониального мышления установку сознания, согласно которой они оценивали собственную культуру как более ценную и на этом основании считали своей миссией всеобъемлющее преобразование покоряемых народов. Так, чиновники указывали на необходимость изменить «застарелые общности» (то есть устаревшие обычаи) «казахского народа». Целью изменений служило «состояние людкости» (то есть цивилизованности). Однако, признавали они, эта цель труднодостижима. Башкиры достигли ее, по крайней мере в некоторой степени, только после «двухсот лет подданства». Но у казахов этот процесс, вероятно, проходил бы легче и быстрее, поскольку они благодаря относительно близкому общению с российским государством уже «в такое состояние разума пришли», что среди них наблюдались «люд-

⁴³² Представление начальника Оренбургской экспедиции И. Кирилова на имя имп. Анны о трех казахских жузах и о Каракалпакии // КРО. Т. 1. № 50 (01.05.1734). С. 107–114. – Подробнее о записке Кирилова и его восприятии в гл. 4.2.

⁴³³ Представление генерал-майора А. Тевкелева и колл. советника П. Рычкова Коллегии ин. дел о положении в Малом и Среднем жузах // КРО. Т. 1. № 225 (22.01.1759). С. 571–591, здесь с. 578.

⁴³⁴ Там же. С. 579.

скость и довольное разсуждение». Заложничество, а также привлечение заложников к участию в «судах» в сотрудничестве с российскими «судьями» также служили данной цели⁴³⁵.

Записка Тевкелева и Рычкова попала в Коллегию иностранных дел в благоприятный момент. С одной стороны, стало очевидно, что хотя выбранный Неплюевым путь бескомпромиссной жестокости и привел к кратковременному улучшению защиты российских караванов, но не достиг «замирения» Младшего жуза. Во-вторых, уничтожение Китаем Джунгарской империи и связанная с этим китайская экспансия создали новое, казавшееся опасным положение дел. Срочно требовалась концепция, чтобы воспрепятствовать попыткам Китая вовлечь и Младший, и Средний жуз в сферу своего влияния.

Афанасий Романович Давыдов, назначенный новым оренбургским губернатором (1759–1763), не обладал никакими предварительными познаниями о сложных русско-казахских отношениях. Вдобавок он не обладал смелостью для выработки собственной позиции и изменения политики своего предшественника Неплюева⁴³⁶. Точка зрения Давыдова по поводу программного документа Рычкова и Тевкелева также неизвестна. Поэтому предложения двух опытных государственных деятелей, хорошо знакомых с регионом, так и остались до поры до времени «в столе».

Новая форма заложничества при Екатерине II

Ситуация, однако, кардинально изменилась, когда с июня 1762 года, с приходом к власти Екатерины II, на вершине империи «задул новый ветер». Отныне созревавшие десятилетиями планы реформ получили шанс быть извлеченными из стола, а традиционная практика заложничества могла быть изменена не только в отдельных областях. Уже в апреле 1763 года императрица обратилась к оренбургскому губернатору со словами, что заложничество должно служить только тому, чтобы народы «отводить от варварских нравов» и «вселять в них людскость и лучшее обхождение». Этого можно добиться, если наладить их тесный контакт с россиянами и обучать их русскому языку и грамматике. В таком случае они поймут, что могли бы говорить «со всеми русскими» без переводчика, самостоятельно писать и читать письма. «Когда несколько человек из находящихся в здешних местах из сих варварских народов аманатов чрез то исправлены были бы, со времени и другие из их народов лучшее обхождение от них принимать стали бы». Единственное, нужно действовать крайне осторожно, чтобы мусульманские отцы и родственники не опасались, что заложника хотят насильно обратить в христианство⁴³⁷.

Очевидно, императрица не встретила ожидаемой открытости своим предложениям со стороны оренбургского губернатора. В тот же месяц Давыдов был отозван и его должность была передана Д. В. Волкову, который уже занимал должности в Коллегии иностранных дел, секретаря Конференции при Высочайшем дворе Елизаветы Петровны и личного секретаря Петра III.

Вновь назначенный чиновник не только подхватил идеи Екатерины II, но и существенно развил их. Сразу же после вступления в должность, в мае 1763 года, им была составлена основательная записка на имя императрицы. В ней, в духе предыдущей императрицы – Анны Иоанновны, он ратовал за «образцовое правосудие» в государстве, чтобы сделать «Россию <...> для всех окрестных и разноречных народов» «любезною» и привлекательной⁴³⁸. Помимо этого, он

⁴³⁵ Там же. С. 576. – Подробнее о возникновении центральной концепции цивилизованности в XVIII веке см. в гл. 4.1.

⁴³⁶ После того, как П. И. Рычков и А. И. Тевкелев ослабили у казахов политику в отношении пастбищ, губернатор Давыдов вновь вернулся к строгому курсу Неплюева, категорически запретив казахам использовать для пастбищ «внутреннюю» сторону реки Яик (позже переименованной в Урал) даже зимой. *Сабырханов*. Земельная политика царского правительства. С. 44.

⁴³⁷ Указ от 08.04.1763 года тайному статскому секретарю и оренбургскому губернатору Афанасию Р. Давыдову. Архив тургайского областного правления. С. 43. Здесь цит. по: *Добросмыслов*. Заботы императрицы. С. 51–52.

⁴³⁸ Доношение оренбургского вице-губернатора Д. В. Волкова имп. Екатерине II об основных вопросах управления Орен-

резче, чем все его предшественники на должности оренбургского губернатора, указывал на потенциал заложника-туземца, который не будет служить пользе российского государства до тех пор, пока оно будет придерживаться традиционной формы заложничества:

Для чего, например, не иметь к малолетним их здесь аманатам лутчаго, нежели к скотине призрения? Для чего не обучать не военному ремеслу, но гражданским наукам и благонравию? Для чего о том не постараться, чтоб ханския и знатных старшин здесь в аманатах находящиеся дети время своего здесь невольничества почитали после самым лутшим их жизни временем и чтоб отцы их за щастие почитали, что дети их будут аманатами, вместо того, что теперь чем больше кто остается здесь аманатом в своем заточении, тем большею питается к российскому имени ненавистию и может быть мщением? Для чего не дать им чувствовать великую разницу между нашим благопристойным и их зверским обхождением? <...>

Азиатцы имеют еще славу верных друзей и чего деньгами купить неможно, то дружбою получить удобно. <...> Для чего не возбуждать в них охоту ко вступлению в здешнюю службу? Для чего не вселять в них похвальную ревность служить великой в свете монархине, а не ворами быть? Для чего не приобучать их к земледелию и хлебопашеству, хотя б несколько лет и бесплодно употреблять на то некоторое иждивение?⁴³⁹

Таким образом, новый оренбургский губернатор пошел гораздо дальше своих предшественников. Стремление Тевкелева и Рычкова привести казахов «к цивилизованности» посредством участия в правосудии, идея императрицы достичь того же благодаря интенсивному обучению языку привели его к идее обширной программы цивилизования. Она охватывала образование от военного и академического до «морально-нравственного». Передача знаний о сельском хозяйстве и возделывании зерновых культур была призвана изменить кочевой образ жизни и склонить казахов к оседлости.

В аргументации оренбургского губернатора Волкова проявились колониальные устремления имперской российской элиты, облаченные в форму нарративов Просвещения. Противопоставление собственного «благопристойного» поведения и «зверского» состояния казахов свидетельствовало не только о принятии дихотомических моделей мышления, распространившихся в имперской элите со времен Петра I с разделением всех людей на «цивилизованные» и «нецивилизованные» народы⁴⁴⁰. Прежде всего это обнажило убеждение российской стороны, которая видела себя в роли того, кто с позиции цивилизованности должен вести других по верному пути, – мандат на изменение образа жизни и привычек казахов.

В отличие от некоторых своих предшественников Волков не только призывал к изменениям. Он также стремился внедрить их в своей провинции. Султану Бекгали, который как сын казахского Нуралы-хана с 1760 года содержался в заложниках в Троицкой крепости Оренбургской губернии, он распорядился дать самое лучшее, со своей точки зрения, образование, одел его в русском стиле и обучил «русским манерам». Когда Волков в октябре 1763 года вызвал к себе в Оренбург Нуралы-хана для беседы, он продемонстрировал ему сына. Хан, как описывают эту встречу российские источники, едва мог поверить собственным глазам, когда появился его сын, свободно говорящий по-русски, довольно упитанный и аккуратно одетый⁴⁴¹.

бургской губернией // МПИБ АССР. Т. 4. № 490 (26.05.1763). С. 444–452, здесь с. 446.

⁴³⁹ Там же. С. 447.

⁴⁴⁰ Подробнее о принятии парадигмы цивилизованности в гл. 4.1.

⁴⁴¹ Из журнальной записи беседы хана Нуралы и султана Айчувака с оренбургским губернатором Д. Волковым во время приезда хана в г. Оренбург // КРО. Т. 1. № 256 (09.10.1763). С. 652–659, здесь с. 654.

Волков воспользовался изумлением отца и объяснил, что, к сожалению, сын больше не останется в заложниках. Однако при его способностях и склонностях из него можно было бы сделать такого человека, который не только годился бы для службы Ее Императорскому Величеству, но и был бы чрезвычайно полезен ему, хану, своей семье и «всей нации» казахов. В частности, это относилось к изучению русского языка, потому что это позволило бы сыновьям служить отцу переводчиками.

По мнению русских наблюдателей, хан был явно впечатлен и попросил, чтобы о его следующем сыне, которого он передал в качестве заложника, позаботились так же, как о его сыне султане Бекгали. Волков дал ему обещание при условии, что хан позаботится о том, чтобы остальные казахские заложники снова происходили из самых лучших и могущественных семей. В прошлом, отметил он, казахи отправляли детей из менее благородных семей⁴⁴².

Волков был отозван с поста оренбургского губернатора уже год спустя по собственному желанию. Все же захват заложников на юго-западных и южных границах империи был коренным образом преобразован, по крайней мере для заложников из семей высших сановников (таких, как сыновья казахских ханов или самых важных кабардинских князей): из объектов, пригодных только в качестве заклада для государственного принуждения, из человеческого залога, с которым обращались как с товаром, они превратились в субъектов, в потенциальных носителей цивилизации, которых правительство отныне всеми силами стремилось привлечь на свою сторону ради интересов и нужд Российской империи.

Российский вице-канцлер князь Александр Михайлович Голицын (1762–1775) в конце 1764 года высоко оценил усилия российской стороны в отношении Нуралы-хана и указал на то, как много принесло ему пользы то, что его дети один за другим находились на российской стороне и обучались «всякому благонравию». Таким образом, сыновья испытали уже с малых лет «высочайшую милость» императрицы⁴⁴³. Преемник Волкова на посту оренбургского губернатора, князь Абрам Артемьевич Путятин (1709–1769) даже сделал цивилизационный проект исключительно своей личной задачей: в течение четырех лет он позволял сыну Нуралы-хана султану Аблаю (не путать с султаном Аблаем из Среднего жуза) посещать свой дом, одевал его «по-европейски», обучал русским обычаям и, вопреки предупреждениям Екатерины II, убедил его принять христианство. Несмотря на переход в другую веру, Нуралы-хану позволили забрать сына Аблая в 1768 году снова в степь и заменить его в качестве заложника братом Бегали (Пирали)⁴⁴⁴.

В феврале 1764 года Коллегия иностранных дел поддержала генерал-майора фон Фрауендорфа в попытке еще более приблизить султана Аблая из *Среднего жуза* к российскому государству. При условии что султан Аблай отправит десять казахов в качестве заложников, фон Фрауендорф должен был организовать отправку туда специалистов вместе с оборудованием для обучения сельскому хозяйству. За счет государственной казны эти заложники должны были получить инструменты и пройти необходимую подготовку⁴⁴⁵.

Таким образом, российская сторона была полна надежд, что новая форма захвата заложников окажет влияние на казахов в целом, особенно на Младший и, в ослабленном виде, на Средний жуз, и что она поможет их замирить и более эффективно, чем ранее, изменит их образ жизни.

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Донесение Коллегии ин. дел имп. Екатерине II по поводу претензии хана Нуралы к оренбургской администрации и его связей с китайским богдыханом и афганским падишахом // КРО. Т. 1. № 261 (06.11.1764). С. 669–674, здесь с. 671–672.

⁴⁴⁴ Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии. С. 15. В русских источниках имена различаются. Мейер говорит о Пирали, другие авторы – о Бегали.

⁴⁴⁵ Указ Коллегии ин. дел генерал-майору фон Фрауендорфа в связи с просьбами султана Аблая о разрешении казахам Среднего жуза перегонять скот для выпаса на внутреннюю сторону р. Иртыша // КРО. Т. 1. № 257 (09.02.1764). С. 659–663, здесь с. 662. – Подробнее о кампании царского правительства, пытавшегося убедить казахов вести оседлый образ жизни и заниматься земледелием, см. гл. 4.4.

Неоправдавшиеся надежды

Однако к концу десятилетия наступило всеобщее отрезвление. Принципиально осмысливая опыт, полученный в результате введения новой формы заложничества, Коллегия иностранных дел в 1769 году признала, что новый способ воздействия через воспитание заложников не воспрепятствовал дальнейшим многочисленным «продерзостям» казахов Младшего жуза на российских границах и грабительским нападениям на торговые караваны. Только семья казахского Нуралы-хана, отдавая своих детей в заложники российской стороне, проявляла добро-совестность в поведении («дети его <...> служат в обязательство»). Однако его могущества и авторитета было далеко не достаточно, чтобы повлиять на остальных казахов⁴⁴⁶.

Тем не менее, утешали себя сотрудники Коллегии, от новой формы заложничества отказываться не стоит: хотя до сих пор ее непосредственную пользу обнаружить не удалось, все же дети в роли заложников могли, по крайней мере, «лучшее понятие о здешнем [российском] состоянии и силе возыметь». Более того, теперь, вполне в духе Волкова, также и среди казахов считалось преимуществом содержание наследника в качестве заложника в российской крепости. Возможно, надеялись в Коллегии, этого пожелает и султан Среднего жуза Аблай, расположения которого уже давно добивалась российская сторона. Обладая тщеславием и любовью к наживе, он, по рассуждению Коллегии, возможно, давно по своему статусу стремился к тому, чтобы видеть своих детей в качестве заложников у имперской элиты. Поговаривали даже, что султан Аблай назвал «честным и славным» видеть своих детей в обществе российских пограничных начальников⁴⁴⁷.

Чем больше чиновники Коллегии иностранных дел уговаривали себя интерпретировать новый тип заложничества как успешный, тем больше они отдалялись от реальности. Султан Аблай в полной мере воспользовался межимперским соперничеством Китая и российского государства за Средний жуз, не допуская и мысли о предоставлении своего сына в качестве заложника и делая только несерьезные предложения, например, он охотно согласился бы отправить сына в заложники, если бы российская сторона вернула ему 70 000 лошадей, украденных у него башкирами⁴⁴⁸.

На южных перифериях ввиду отсутствия успехов российское заложничество столкнулось с глубоким кризисом. Сама Екатерина II в марте 1770 года решила, что удержание заложников из казахских жузов не принесло российской стороне никакой пользы. Поставленные цели не были достигнуты, количество постоянных казахских набегов на башкирские и калмыцкие населенные пункты не сократилось⁴⁴⁹. Оренбургский губернатор Иван Андреевич Рейнсдорп/Рейнсдорф (1768–1781) не видел никакой пользы в заложничестве уже во времена Пугачевского восстания⁴⁵⁰. Правда, род Нуралы-хана внешне проявлял преданность российской стороне и не участвовал во вспыхивающих беспорядках и учащающихся набегах и грабежах казахов. Однако даже Нуралы-хан воспользовался моментом и впервые отказался продолжать

⁴⁴⁶ Указ Коллегии ин. Дел Оренбургской губернской канцелярии о предложении султана Аблая прислать своего сына в Троицкую крепость аманатом // КРО. Т. 1. № 271 (13.08.1769). С. 689–694, здесь с. 690.

⁴⁴⁷ Там же. С. 691.

⁴⁴⁸ Запись показаний переводчика М. Арапова, возвратившегося из поездки к султану Аблаю с целью выяснения обстановки в Среднем жузе // КРО. Т. 1. № 276 (02.07.1770). С. 702–703.

⁴⁴⁹ *Добромыслов*. Заботы императрицы. С. 52.

⁴⁵⁰ Донесение оренбургского губернатора И. Рейнсдорпа в Государственную Коллегию иностранных дел о влиянии восстания Е. Пугачева на казахское население // КРО. Т. 2. № 28 (08.07.1774). С. 63. – Восстание Пугачева считается первым многонациональным восстанием в российском государстве, поскольку в нем объединилось экономическое и социальное недовольство русских крестьян и многочисленных нерусских этнических групп, включая калмыков, вотяков, башкир, чувашей и казахов. *Alexander*. Empire of the Cossacks; *Бекмаханова*. Легенда о невидимке; *Она же*. Россия и Казахстан в освободительном движении. С. 29–52; *Беликов*. Участие калмыков в крестьянской войне.

отправлять заложников российской стороне. Он сослался на то, что уже несколько его детей, отправленных им в заложники, умерли в Оренбургской крепости. Кроме того, уверял Нуралы-хан, он *и без* предоставления заложников был тверд в своей присяге на верность Российской империи⁴⁵¹.

Таким образом, удержание заложников, которое в колониальной манере стремилось изменить коренное население посредством давления царских властей и ориентировалось на российские интересы, в случае с казахами зашло в тупик. Семья хана, сыновей которого обучали и обхаживали во время пребывания в заложниках, оказалась бессильна предотвратить набеги казахов на российскую территорию. Более того, за благосклонное отношение к Российской империи Нуралы-хан подвергся таким нападкам и угрозам, что в 1786 году ему даже пришлось искать убежища на российской стороне⁴⁵². Кроме того, с отказом хана присылать новых заложников окончательно прекратились все попытки ускорить «цивилизирование» казахов через казахских детей. Наконец, благожелательное отношение, с помощью которого, по крайней мере со времен Волкова, пребывание в заложниках старались сделать одним из самых «счастливых периодов жизни», казалось, развеяло опасения отправляющих в заложники своих детей казахов, что с их детьми в случае нарушения родителями закона может случиться что-то недоброе.

Екатерина II попыталась применить эту меру воздействия еще раз в 1783 году. Она пользовалась продолжающимися казахскими беспорядками, чтобы осведомиться у наместника Симбирска и Уфы, удерживались ли еще в крепостях заложники из казахов. В этом случае следовало заставить их написать ханам или султанам, что «их мирное пребывание» на российской стороне зависит от поведения членов их этнической группы⁴⁵³. Однако эта мера, предполагавшая демонстрацию угрозы, оказалась лишь признаком бессилия, с которым верховная власть столкнулась после крушения одного из своих важнейших вековых средств воздействия. В южных степях заложничество больше не приносило никакого эффекта, ни дисциплинирующего – через страх, ни «цивилизаторского» – через (принудительное) обучение. Предстояло искать новые пути.

Новый прорыв под руководством Осипа Андреевича Игельстрема

По мнению императрицы, одним из способов содействия «цивилизации» казахов должно было стать укрепление мусульманской религии⁴⁵⁴. Благодаря строительству новых мечетей и образованным татарским священнослужителям теперь предполагалось достичь того, для чего оказалось недостаточно колониальной формы заложничества. Губернатор Астрахани Иван Варфоломеевич Якоби (1726–1803) прямо высказался об этой взаимосвязи: после того как императрица осознала, что ее попытка привести казахов к «людскости и лучшему обхождению» посредством обучения заложников из коренных народов чтению и письму на русском языке не увенчалась успехом, она решила строить мечети⁴⁵⁵.

⁴⁵¹ Рапорт переводчика А. Алтышева в Астраханскую губернскую канцелярию о поездке его к хану Нуралы в связи с пугачевским восстанием // КРО. Т. 2. № 18 (январь 1774). С. 35–38, здесь с. 38.

⁴⁵² Не имеет смысла исходить из «статуса заложника» Нуралы после его побега от членов собственной этнической группы в значении *аманатства*. Таким образом, также являются ошибочными выводы А. В. Ремнева и О. Е. Сухих, согласно которым предоставленная хану Нуралы возможность контакта с местным аристократическим обществом Уфы являлась типичной для российского заложничества. В большинстве других случаев об этом не могло быть и речи. *Ремнев, Сухих*. Казахские депутации. С. 128. Примеч. 32. – Сложные обстоятельства взятия в плен хана Нуралы, с другой стороны, хорошо проработаны в: *Латин*. Деятельность О. А. Игельстрема. С. 217–223.

⁴⁵³ Письмо имп. Екатерины II симбирскому и уфимскому наместнику А. Апухтину о нападении казахов на военные крепости // КРО. Т. 2. № 58 (03.07.1783). С. 106–107.

⁴⁵⁴ *Crews*. For Prophet and Tsar. Ch. 1, 2.

⁴⁵⁵ Цит. по: *Раковский*. Якоби Иван Варфоломеевич. – См. также: *Семенов, Семенова*. Губернаторы Оренбургского края.

Второй путь для нового прорыва, по крайней мере в политике по отношению к южным степным народам, связывали с новым доверенным лицом императрицы. Екатерина II назначила О. А. Игельстрома, образованного выходца из лифляндского дворянства, генерал-губернатором Симбирского и Уфимского наместничества (1784–1792), как теперь именовалась вновь образованная в 1780 году административная единица, к которой относилась и Оренбургская губерния. На протяжении шести лет (1784–1790) Игельстром определял судьбу региона, и с его требованием концептуально перестроить российско-казахские отношения он, возможно, являлся одним из самых выдающихся государственных деятелей имперской политики своего времени⁴⁵⁶.

Игельстром полностью отказался от модели колониального заложничества. Он считал «безмерно дурной» идею о том, что казахи могли быть привлечены к судейству и правосудию через их назначение на осуществление этих функций в качестве *заложников*⁴⁵⁷. По его мнению, сущность заложничества и сущность «судейства» фундаментально противоречили друг другу. Игельстром не меньше своего предшественника Волкова выступал за российскую цивилизаторскую миссию среди казахов. Только эта миссия должна была осуществляться без удержания заложников.

Вместо этого Игельстром склонил императрицу к введению «пограничного суда» с российско-казахским сотрудничеством (основан в 1786 году), решения которого должны были приниматься и контролироваться несколькими исключительно казахскими исполнительными органами (*расправами*, основанными в 1787 году). В отличие от предыдущих «судов», основанных при Татищеве в 1730-х годах, «судьи», назначенные в «пограничный суд» и в исполнительные органы из круга наиболее почтенных старшин, не находились под охраной. От них даже не требовалось постоянно находиться на месте проведения «суда». Вместо этого они получали регулярное государственное жалованье и в первую очередь обязаны были присутствовать на заседаниях «суда»⁴⁵⁸.

В действительности новый подход Игельстрома также зашел в тупик и потерпел неудачу – в зависимости от точки зрения – из-за казахских реалий или ввиду отсутствия поддержки с российской стороны⁴⁵⁹. Пограничный суд был закрыт в 1799 году, органы исполнительной власти в казахском жузе – в 1806 году. Впоследствии Игельстрома осуждали как оторванного от реальности идеалиста⁴⁶⁰.

Провал его политического подхода привел к возрождению заложничества на южной степной границе в его первоначальной форме. Причиной тому стали последствия строительства крепостных линий: укрепления в виде валов и возникшие за ними российские поселения на протяжении XVIII века лишили казахов обширной части их мест обитания и закрыли доступ

С. 104–110.

⁴⁵⁶ Используемое в российских источниках имя «Осип Андреевич Игельстром» – русифицированная версия имени Отто Генрих Игельстром (Otto Heinrich Igelström). – Наиболее полная на сегодняшний день биография дворянина шведского происхождения, выросшего в Ливонии, написана *Лапиным*. Деятельность О. А. Игельстрома. – См. кроме того: *Юдин*. Барон О. А. Игельстром.

⁴⁵⁷ «Объяснение» бар. О. А. Игельстрома имп. Екатерине II в ответ на обвинения, выдвинутые полк. Д. А. Гранкиным // МПИК ССР. № 33 (10.05.1789). С. 108–127, здесь с. 117. – Оглядываясь назад, Игельстром приходит к выводу, что изначальные трудности при работе введенных им пограничных судов были связаны с недоверием казахов к тому, что их снова попросят исполнять судебные обязанности в качестве заложников.

⁴⁵⁸ Подробнее о попытке Игельстрома сделать казахов более лояльными с помощью вновь образованных исполнительных органов власти в гл. 4.5.

⁴⁵⁹ О провале попыток реформ Игельстрома см., помимо гл. 4.5, подробнее в: *Лапин*. Деятельность О. А. Игельстрома; *Khodarkovsky*. Russia's Steppe Frontier. P. 175–177, 179–182, 214; *Юдин*. Барон О. А. Игельстром. С. 513–556.

⁴⁶⁰ Замечания, представленные в Азиатский департамент столоначальником этого департамента А. И. Левшиным, на инструкции Министерства иностранных дел полковнику Ф. Ф. Бергу // МПИК ССР. Т. 4. № 138 (08.04.1823). С. 435–439, здесь с. 439.

к наиболее ценным для них в зимний период пастбищам⁴⁶¹. На фоне восстания Пугачева верховная власть отступила под напором казахов обедневшего Младшего жуза с голодающими стадами. Им было позволено переходить реку Урал (Яик), проводить зимы со скотом на пастбищах, которые относительно крепостных линий располагались на *внутренней*, обращенной к российскому центру стороне. Однако с внутренней стороны не хватало укреплений для предотвращения набегов и грабежей. Возвращение к заложничеству, цель которого состояла исключительно в получении залога, явилось необходимым, поскольку требовалось территориально дисциплинировать казахов таким образом, чтобы они ограничились исключительно выделенными для них пастбищами. Этой традиционной формы заложничества впоследствии придерживались вплоть до XIX века⁴⁶².

Даже от казахов *Среднего* жуза, чьи территории проживания в XVIII веке были затронуты экспансией царской империи в гораздо меньшей степени, российская сторона к концу века потребовала заложников в традиционной форме – в данном случае для обеспечения безопасной торговли. Генерал-майор Я. Гувер намеревался потребовать сразу два вида заложников: с одной стороны, заложников должны были предоставлять все области, через которые проходили российские купеческие караваны и которые делились на административные единицы (*волости*). С другой стороны, заложники из коренных народов должны были сами сопровождать караваны и обеспечивать их безопасность, пока те не достигнут места назначения⁴⁶³.

Таким образом, на рубеже веков все меньше внимания уделялось оказанию политического воздействия на степные народы путем заложничества. Скорее теперь в центре внимания оказалось обеспечение с помощью заложников хорошо поддающихся проверке соглашений, касающихся пастбищ и торговли⁴⁶⁴. Также до сих пор неясная ситуация ничтожности заложника, то есть состояния, когда заложник не исполнял взятое на себя обязательство и в принципе терял право на неприкосновенность, при императоре Александре I была уточнена: отныне в случае произвола, грабежей и набегов коренных жителей заложников, которых по возможности выбирали предпочтительно не из детей, а из лидеров их этнической группы, больше не возвращали⁴⁶⁵.

Таким образом, на степной границе заложничество, практикуемое в новых политических целях, перестало быть актуальным. Во-первых, царское правительство утратило иллюзии в связи с неудачными попытками «цивилизаторского» воздействия. Во-вторых, подчинение и интеграция южных кочевников, таких как калмыки, башкиры и постепенно казахи и туркмены, в начале XIX века достигли значительного прогресса: военное бессилие и нищета настолько возросли из-за вытеснения бесчисленными российскими укрепленными линиями, экспроприации и роста российских поселений, что большего «неповиновения» либо уже не ожидалось, либо предполагались иные способы борьбы с ним⁴⁶⁶.

⁴⁶¹ Подробнее о крепостных линиях как инструменте имперской политики и о формировании «внутренних» и «внешних» пространств (также термины источника) в южных степях см. гл. 4.2.

⁴⁶² МПИК ССР. Т. 4. № 20 (05.04.1787). С. 83–86, здесь с. 84; № 55 (13.02.1796). С. 185–186; КРО. Т. 2. № 97 (17.06.1808). С. 175; № 144 (10.10.1830). С. 242.

⁴⁶³ КРО. Т. 2. № 83 (09.04.1795). С. 143–148; МПИК ССР. Т. 4. № 60 (не позднее 29.04.1802). С. 196–199; № 61 (16.12.1802). С. 199–201.

⁴⁶⁴ Это распространялось не только на казахов, но и на туркмен, которые в 1802 году были приняты в российское подданство. О взятии россиянами в заложники туркмен, обозначаемом как *залог*: РТуркО. № 137 (13.06.1819). С. 202–203. – Среди туркмен было широко распространено взятие заложников для обеспечения торговых контрактов, согласно частному праву. Русское понятие из источника для этого *заложники*: РТуркО. № 140 (27.10.1819). С. 206–207.

⁴⁶⁵ Указ имп. Александра I Оренбургскому военному губернатору Г. Волконскому по поводу перехода казахов на так называемую внутреннюю сторону р. Урала // КРО. Т. 2. № 97 (17.06.1808). С. 175.

⁴⁶⁶ В 1823 году хан Среднего жуза был свергнут, его территория передана администрации Сибири, в 1824 году Младший жуз был ликвидирован путем разделения на части, которые управлялись султанами, исполняющими должности чиновников (султаны-правители). До 1848 года Старший жуз также последовательно разрушался. Подробнее о постепенном ослаблении и в итоге уничтожении казахской политической автономии в гл. 4.5.

Миссия цивилизования на Северном Кавказе

Заложничество на Северном Кавказе также претерпело серьезные изменения вследствие того, что действующая на местах российская элита освоила такие нарративы Просвещения, как прогресс и универсальная «цивилизационная лестница». Однако перемены в этом регионе, где межимперская конкуренция и борьба за влияние замедлили расширение российского государства в XVIII веке, начали происходить лишь с 1760-х годов. В то время как в Оренбурге новый губернатор Волков ратовал за использование потенциала казахских заложников в российских интересах цивилизования, Коллегия иностранных дел направила и коменданту российской крепости Кизляр указание всячески «приводить в людкость» заложников из горских народов. Они должны были изучать русский язык, и их следовало «от варварских нравов отводить»⁴⁶⁷.

Однако на Северном Кавказе и особенно у кабардинцев дела обстояли сложнее, чем у казахов Младшего жуза. Межимперская борьба Османской империи, Крымского ханства, Персии и различных кавказских княжеств за влияние на кабардинцев дестабилизировала внутриполитическое положение кабардинцев гораздо сильнее, чем у казахов в результате проникновения к ним джунгар и китайцев. Политическая лояльность была очень неустойчива, тем более что русско-турецкая война в начале 1770-х годов значительно обострила внутрикабардинские противостояния. Таким образом, удержание заложников, являясь средством оказания давления для придания веса соглашениям о внешнеполитической ориентации, гораздо дольше, чем в казахских степях, сохраняло здесь принципиальное значение.

Российский комендант Кизлярской крепости Николай Алексеевич Потапов в 1768 году даже заявил кабардинским сановникам, что не явится на переговоры с ними, пока те не предоставят ему заложников. Если они хотели от него «себе добра», то сначала им следовало отплатить заложников, тогда он тоже выполнил бы свое обещание: «А без аманатов ни к какому делу не приступлю»⁴⁶⁸.

Даже кабардинский сановник, причислявший себя к пророссийской фракции, во время секретной дипломатической миссии призвал российскую сторону продолжать неукоснительно настаивать на заложничестве. «После чего если аманата взято не будет <...> то и верности от тех владельцев [имелись в виду кабардинские удельные князья] продолжено быть не может, а взятием аманата, конечно, они в верности подкрепятся»⁴⁶⁹. В особенности во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов Екатерина II предписывала непременно придерживаться «древнего обыкновения», согласно которому князья должны были предоставить собственных детей в качестве «действительных аманатов». Если кабардинцы не исполняли это обязательство, против них применяли силу⁴⁷⁰. Рассматривался также вопрос о насильственной отправке кабардинских сыновей в российскую столицу⁴⁷¹.

⁴⁶⁷ Астраханский губернатор Петр Никитич Кречетников упоминает об указе Коллегии иностранных дел от 08.04.1763 года. Представление астраханского губернатора П. Кречетникова о Малой Кабарде, с изложением его мнения о политике по освоению этого края // КаБРО. Т. 2. № 220 (24.04.1775). С. 311–317, здесь с. 316.

⁴⁶⁸ Записка кизлярского коменданта Н. А. Потапова кабардинским владельцам о причине его неявки в Моздок // КаБРО. Т. 2. № 200 (31.05.1768). С. 276–277, здесь с. 277.

⁴⁶⁹ Запись сообщения Ш. Чопалова посланного кабардинского владельца Джанхота Татарханова в Кизлярской секретной экспедиции о присяге большинства кабардинских владельцев на верность России и о приведении генералом де Медемом остальных владельцев в покорность силою // КаБРО. № 207 (19.06.1769). С. 290–291, здесь с. 291.

⁴⁷⁰ Грамота императрицы Екатерины II кабардинским владельцам, утверждающая их права на возвращение беглых крестьян и отказывающая им в срытии Моздока // КаБРО. Т. 2. № 213 (09.08.1771). С. 299–304, здесь с. 303.

⁴⁷¹ Представление капитана М. Гастотти в Коллегии иностранных дел о поведении кабардинских феодалов в период русско-турецкой войны с изложением его мнения о той политике, которую следует проводить царскому правительству в Кабарде // КаБРО. Т. 2. № 212 (до 15.10.1770). С. 295–299.

Однако с победой Российской империи над османами в 1774 году функция залога в практике заложничестве отошла на второй план. В центре внимания оказалось стремление цивилизовать население Северного Кавказа, не в последнюю очередь за счет заложников. Астраханский губернатор П. Н. Кречетников считал, что «ко обузданию сих варварских народов», «ко опровержению их языка и обычаев» требуются не столько военные средства, сколько устранение их «грубого невежества»⁴⁷². Для этого, по его мнению, необходимо было еще больше поощрять находящихся в заложниках княжеских детей учить русский язык и говорить «чисто». В Астрахани им должны были также преподавать различные науки.

Итак, если б на первой раз двух или трех из них [заложников, которых содержали в Крепости Святого Креста], получить в Астрахань, то надеяться можно, что по небольшом времени их нарочитое число набралось, да и тогда бив аманатах нужды не было когда б дети их в училище были и могли б современем совсем и к вере христианской притти, и если высочайшее в. и. в. соизволение на сие будет, тогда план и о сумме на то особо представить можно будет⁴⁷³.

Позиция астраханского губернатора была схожа с позицией оренбургского губернатора Волкова, Кречетников также считал, что заложники больше не должны были отдавать в залог свою жизнь, чтобы обеспечить политическую лояльность и соблюдение договоренностей. Но он стремился к большему: помимо всеобщего «обуздания», преодоления «грубого невежества», его целью было также вытеснение коренного языка русским, обычаев коренных народов российскими традициями и замена мусульманской веры русской православной. Следовательно, с позиции астраханского губернатора, не *только* идея миссии цивилизования коренным образом изменила или должна была изменить суть заложничества. Его, очевидно, не меньше волновала и идея ассимиляции.

Итак, заложничество и для Кречетникова стало переходной практикой с двойной целью – цивилизования и ассимиляции. На этом этапе заложники должны были выступать в качестве «трансмиссионного ремня» между колониальным и колонизируемым обществом. Предполагалось, что они окажут воздействие на остальных членов своей этнической группы таким образом, чтобы из платящих *ясак* иноверцев формировались бы служащие царю россияне христианского вероисповедания. Если бы такая ассимиляция удалась, то, по мнению Кречетникова, необходимость в заложниках отпала бы.

Об аспектах «формирования» «диких народов» и о приложенных к этому усилиях можно судить на примере обращения с находящимся почти десять лет спустя в заложниках княжеским сыном из Большой Кабарды: Павел Сергеевич Потемкин, с 1782 года верховный главнокомандующий войск на Кавказе и флота на Каспийском море, а также саратовский, кавказский и астраханский генерал-губернатор, *лично* заботился о нем, по его словам, как о «собственном сыне». Обращаясь к его отцу, князю Мисосту Баматову, он писал в 1782 году, что сын «в рассуждении остроты и разума обещает много» и что из него может получиться «весьма полезный» человек.

Иными словами, держать заложников, по крайней мере из семей сановников, даже на Северном Кавказе уже не было задачей охраняющих российскую крепость солдат. За их «воспитание» и образование теперь отвечали сами представители российской имперской элиты. Вместо того чтобы «хранить» заложников, теперь оценивались их интеллектуальные способности и польза для предполагавшейся в дальнейшем просветительской роли⁴⁷⁴.

⁴⁷² Представление астраханского губернатора П. Кречетникова о Малой Кабарде, с изложением его мнения о политике, по освоению этого края // КаБРО. Т. 2. № 220 (24.04.1775). С. 312–317, здесь с. 315.

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ Письмо командующего Кавказским корпусом П. С. Потемкина кабардинскому князю Мисосту Ваматову о личном

Миссия цивилизования в Сибири, на Дальнем Востоке, в северной части Тихого океана и на Аляске

Каким образом новый российский взгляд на заложников изменил их положение в Сибири и на Дальнем Востоке, в северной части Тихого океана и на завоеванных территориях на Аляске? Взимание *ясака*, как правило, связанное с насильственным захватом заложников из коренных народов, характеризовалось с момента его введения в начале XVII века жестокими злоупотреблениями, несправедливым обогащением за счет коренного населения и воровством в пользу сборщиков *ясака*⁴⁷⁵. Пожалуй, ни в одном другом регионе Московского государства практика заложничества не принимала таких жестких черт, связанных с вымогательством и шантажом, как в Сибири и на Дальнем Востоке⁴⁷⁶. Сам факт того, что в распоряжениях царского правительства регулярно повторялось, что с коренными народами необходимо обходиться «мягко» и «дружелюбно», мотивировать их выплачивать *ясак* и хорошо обращаться с заложниками, не в последнюю очередь для того, чтобы благодаря этому добиться вступления в российское подданство других, еще не платящих *ясак* местных жителей, свидетельствует о том, что эти призывы, как правило, игнорировались на просторах Сибири и Дальнего Востока.

Злоупотребления, о которых власти узнавали из многочисленных прошений и которые сокращали поступления в государственную казну, в 1754 году побудило Сенат уполномочить Сибирский приказ разработать предложения по изменению практики сбора *ясака* и связанного с ним заложничества. Это было поручено Ивану Данилову, члену Сибирского приказа, который не видел необходимости в каких-либо реформах, меняющих систему. Эти «реформаторские предложения», представлявшие собой не более чем краткое изложение существующих норм, встретили не только резкий протест остальных сотрудников Приказа, обвинивших Данилова в грубом незнании ситуации. Первым делом они потребовали от Сената назначить более надежного человека и снова с определенным числом помощников направить его в Сибирь⁴⁷⁷.

Это обращение было подкреплено документом с изложением реформы, который в 1759 году циркулировал в правительственных кругах Санкт-Петербурга. В нем предлагалось полностью упразднить систему, при которой российские служилые люди, постоянно злоупотребляя своими полномочиями, собирали *ясак* с местных жителей. Система должна была измениться таким образом, чтобы в будущем «волостные князцы и старшины» сами собирали бы *ясак* со своих этнических групп, а затем доставляли бы его в соответствующие городские российские административные органы. В этих условиях можно было бы даже отказаться от заложников, так как их основная функция в Сибири до сих пор состояла в обеспечении сдачи *ясака* рос-

участии в воспитании сына Мисоста, отданного в аманаты // КаБРО. Т. 2. № 250 (19.12.1782). С. 354. – Измаил Атаршиков, чеченец, отец протагониста Семена Атаршикова из недавно вышедшего биографического романа «Горький выбор» («Bitter Choices») М. Ходарковского, будучи с тринадцати лет заложником в Кизляре, также был вынужден учиться читать и писать по-русски, в неотапливаемой школе с суровой дисциплиной и скудным пайком, и был крещен под именем Семен. Ходарковский указывает на то, что количество случаев смерти учеников обычно превышало количество выпускников. *Khodarkovsky. Bitter Choices*. P. 24–25. – В XIX веке, в частности, военные командиры, такие как генерал А. П. Ермолов, прибегали к практике заложничества в течение долгих лет военного покорения Кавказа и брали в заложники детей горских князей и старшин, но в данном случае это являлось средством давления и подчинения, а не «цивилизации» и ассимиляции. *Ермолов*. Записки. С. 16, 27, 54; *Грицев*. Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 138. – Предположительно, от захвата заложников отказались только после полного завоевания региона во второй половине XIX века.

⁴⁷⁵ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. № 41 (24.09.1640). С. 93–94; № 43 (22.09.1645). С. 95–97; № 187 (1645–1646). С. 229–321; № 19 (12.10.1648). С. 51–53; № 196 (до 15.07.1679). С. 244; *Бахрушин*. Очерки по истории Красноярского уезда в 17 в. // Научные труды. Т. 4. С. 48–49.

⁴⁷⁶ An Eyewitness Account of Hardships suffered by natives in Northeastern Siberia during Bering's Great Kamchatka Expedition, 1735–1744, as reported by Heinrich von Füch, former Vice President of the Commerce College, now a political Exile // Dmytryshyn. To Siberia and Russian America. Vol. 2. № 33 (28.02.1744). P. 168–189; *Окунь*. Введение // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. С. 1–17.

⁴⁷⁷ *Миненко*. Северо-Западная Сибирь. С. 241.

сийским сборщикам. Все еще находившихся в заключении многочисленных заложников, по словам неизвестного автора документа, следовало научить читать и писать по-русски, «отучать от дикости» и затем отправить обратно в свои племена с небольшим вознаграждением. При таком подходе заложники «обязаны будут любовью к России»⁴⁷⁸.

Содержание документа звучит знакомо: оно напоминает идеи Петра Рычкова и Алексея Тевкелева, которые одновременно занимали посты представителей царской администрации в Оренбургской губернии, а также идеи Дмитрия Волкова, несколько лет спустя назначенного на пост оренбургского губернатора. И хотя позже Волков не требовал полной отмены заложничества в южных степях, представлялось вполне вероятным, что именно он, участвовавший в 1759 году в Петербурге в качестве конференц-секретаря в определении внешнеполитического курса империи, был автором распространившегося в столице документа с изложением реформы.

Любопытны очередность и временная близость фундаментальной критики Волковым существующей формы заложничества в том виде, в котором она была представлена в его письме императрице в мае 1763 года, с одной стороны, и указа Екатерины II Михаилу Щербачеву несколькими неделями позже, с другой. В нем императрица, в соответствии с документом о реформе 1759 года, предписывала полностью отменить сбор *ясака* в Сибири в его прежнем виде⁴⁷⁹. Надежды Екатерины II с помощью попыток цивилизования расположить к Российской империи заложников, которых продолжали удерживать в крепостях, также соответствовали как ожиданиям проекта реформы, так и ожиданиям Волкова. Отсюда напрашивается вывод, что Волков, по крайней мере, оказал влияние на действия Екатерины II. В любом случае данный пример демонстрирует, насколько полезно для общего понимания имперских практик заложничества и их изменений рассматривать их с точки зрения трансрегионального подхода.

Структурная реформа

Однако предписания Екатерины II Михаилу Щербачеву как новому доверенному лицу в отношении проведения структурной реформы на востоке, в которых она поддержала требования Сибирского приказа 1750-х годов, еще *не* отменяли заложничество в Сибири и на Дальнем Востоке. Замена российских служилых людей при сборе *ясака* означала лишь то, что заложничество *могло бы* стать излишним, по крайней мере тогда, когда передача *ясака*, производившаяся самими лидерами автохтонных этнических групп, проходила без осложнений. Этот подход имел решающее значение. Согласно инструкции Екатерины II, не могло быть и речи о всеобщей отмене заложничества в Сибири, на Дальнем Востоке, на Камчатке, на Курильских островах или тем более на Русской Аляске⁴⁸⁰.

«Не чувствуют ли князцы и лучшие люди», которых удерживали в заложниках, как сообщается в указе Екатерины II, «от того [от заложничества] какого огорчения?» По мнению императрицы, следовало найти способ обойтись *без* заложников и заставить «князцов и лучших людей» самостоятельно исправно платить *ясак*. Если в некоторых местах нет возможности отказаться от заложничества, тогда – далее по инструкции – нужно, по крайней мере, вести себя «ласково» по отношению к заложникам, оказывать им всякое «благодаяние», предоставлять им такие условия, при которых они могли бы «иметь с русскими обхождение вольное». Местные государственные служащие должны убедиться, что «князцы и лучшие люди» не счи-

⁴⁷⁸ Там же. С. 242.

⁴⁷⁹ Инструкция Екатерины II Михаилу Щербачеву. 04.06.1763. *Буллычев*. Путешествие по Восточной Сибири. Т. 1. С. 254, 257–289; *Федоров*. Правовое положение народов Восточной Сибири. С. 116.

⁴⁸⁰ Мнение о том, что захват заложников был упразднен, ошибочен в большей части литературы. *Федоров*. Правовое положение народов Восточной Сибири. С. 116; *Dahlmann*. Sibirien. S. 153; *Слѣзкин*. Арктические зеркала. С. 85; История Сибири с древнейших времен. Т. 2. С. 289; *Залкинд*. Ясачная политика царизма. С. 239–240.

тают свое положение заложников обременительным, а сами желают оставаться в этом положении до следующего обмена. И те, кто захочет, могли бы, вернувшись на свои пастбища, рассказать всем своим родственникам, какое «удовольствие» они получили от пребывания в заложниках⁴⁸¹.

В соответствии с этими указаниями императрицы, по стилю и аргументации напоминавшими предложения, которые параллельно должны были способствовать изменению положения заложников в южных степях, Ясачной комиссии было поручено пересмотреть процесс сбора дани⁴⁸². В июне 1769 года Комиссия объявила, что отныне на содержание заложников не будет выделяться никаких государственных средств и коренные жители должны сами (и, следовательно, без предоставления заложников) собирать *ясак* и доставлять его в места сбора. Как в предписаниях императрицы, так и в указе Комиссии сохранялась возможность взятия заложников в той или иной волости или в каком-либо улусе – а именно там, где народ «явное на себя в чем подозрение [на неверность] подаст». Эти группы по-прежнему должны были предоставлять заложников, но их содержание должно было осуществляться за счет соответствующей этнической группы («с таковых брать аманатов и содержать на их коште»). Им предписывалось объяснять, что взятие заложников применяется в качестве наказания и «пред другими верными в стыд». У истинно верных заложников не берут, только у неблагонадежных. Однако если они встанут на путь исправления, то их заложник будет освобожден⁴⁸³.

В отличие от прежней ситуации на востоке империи, где предоставление заложников было равносильно вступлению в российское подданство, решение Ясачной комиссии означало радикальную смену курса. Этническая группа, от которой теперь требовали заложников, отныне должна была считаться бесчестной и позорной, освобождение от предоставления заложников должно было стать целью, к которой нужно стремиться.

Если принять во внимания дискуссию до и во время работы комиссии, становится ясно, что эта смена курса лишь в незначительной степени была обусловлена восприятием идей Просвещения⁴⁸⁴. В действительности гораздо большее беспокойство вызывали расходы на заложников, которые в последние десятилетия постоянно росли как в плане финансов (расходы на размещение, охрану и питание), так и в смысле больших человеческих жертв, которыми российские служилые люди нередко расплачивались за насильственное взятие и удержание заложников в Сибири и прежде всего на Дальнем Востоке. Поэтому в регионах, где сопротивление российскому господству в целом считалось сломленным, переложить бремя по сбору *ясака* на представителей коренных этнических групп было в интересах царского правительства⁴⁸⁵.

Дальний Восток и северная часть Тихого океана

На крайнем северо-востоке изменение российской практики заложничества происходило совершенно уникальным образом. На протяжении десятилетий российские вооруженные отряды ожесточенно и с применением грубой силы пытались покорить чукчей путем масштабного захвата заложников⁴⁸⁶. Разочарование было велико, поскольку захват заложников

⁴⁸¹ Инструкция Екатерины II М. М. Щербачеву. 04.06.1763. *Бульчев*. Путешествие по Восточной Сибири. Т. 1. С. 254, 257–289; *Федоров*. Правовое положение народов Восточной Сибири. С. 116.

⁴⁸² В 1764 году Михаила Щербачева на посту руководителя сменил сибирский губернатор Д. И. Чичерин.

⁴⁸³ *Стрелов*. Акты архивов Якутской области. Т. 1. № 55 (23.06.1769). С. 239–240, здесь с. 240.

⁴⁸⁴ *Миненко*. Северо-Западная Сибирь. С. 230–282; *Залкинд*. Ясачная политика царизма в Бурятии. С. 239–240; История Сибири с древнейших времен. Т. 2. С. 310–311; *Алексеев, Алексеева, Зубков, Побережников* (ред.). Азиатская Россия. С. 389–411; *Шуников*. Ясачные люди в Западной Сибири // Советская Азия. № 3–4 (1930). С. 184–197; и № 5–6 (1930). С. 261–271; История Сибири с древнейших времен. Т. 2. С. 289–311; История Якутской АССР. Т. 2. С. 133–140, 206–207.

⁴⁸⁵ *Миненко*. Северо-Западная Сибирь. С. 242–243; *Федоров*. Правовое положение народов Восточной Сибири. С. 56–58, 115–117, 122–156.

⁴⁸⁶ «Распросные речи» сына боярского Игнатъева и казака Ильиных с «товарищи» от 14 марта 1710 г. // Колониальная

как у чукчей, так и у коряков из-за особых культурных представлений не произвел убедительного эффекта⁴⁸⁷. Существенные потери с российской стороны сами по себе требовали изменения курса. Кроме того, определенную роль сыграли изложенные выше изменения во взглядах на заложничество в целом, которые разделяли многие представители российской имперской элиты в конце 1750-х годов. В совокупности оба этих фактора начиная с 1759 года способствовали политике гибкости и прагматизма по отношению к чукчам⁴⁸⁸. Новый курс, с одной стороны, позволил принципиально не отказываться от требования предоставления заложников чукчами (еще до 1772 года правительственные указы предусматривали взятие заложников). Но, с другой стороны, фактически произошел отказ от их насильственного захвата. Теперь основное внимание уделялось стремлению перестроить отношения с чукчами и стимулировать предоставление заложников с помощью мирного диалога и подарков⁴⁸⁹. Таким образом, в 1770-х годах российская сторона действительно несколько раз добивалась предоставления заложников от чукчей⁴⁹⁰. Но и здесь в последующее десятилетие, как двумя десятилетиями ранее у бурят и якутов, заложничество постепенно изживало себя.

Рис. 7. Северная часть Тихого океана с Камчаткой и Русской Америкой, включая прибрежные острова Аляски – Алеутские острова и остров Кадьяк, главную базу Григория Ивановича Шелихова. Карта Билла Нельсона

политика царизма на Камчатке и Чукотке. № 56 (14.03.1710). С. 155–156; Из сенатской справки по материалам секретной экспедиции // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. № 60 (не ранее 1748). С. 160–162; «Объявление» сотников анадырской команды Попова, Нижегородова Павлова, пятидесятников Русанова и других 1743 г. // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. № 62 (1743). С. 163–165.

⁴⁸⁷ Секретное «доношение» Иркутской провинциальной канцелярии в Сенат от 27 октября 1748 // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. С. 94–96.

⁴⁸⁸ Зуев. «Аманатов дать по их вере грех»; Именной, данный Сенату. Об отправлении капитана Щербачева с командой в Сибирь для отвращения происходящих там не порядков и взяток, вымогаемых при сборе ясака // ПСЗРИ. Т. 16. № 11749 (06.02.1763). С. 153–154.

⁴⁸⁹ Рапорт зашиверского земского исправника Баннера якутскому коменданту полковнику Козлову-Угренину от 8 февраля 1791 г. // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. № 73 (08.02.1791). С. 188–189.

⁴⁹⁰ Здесь и далее: Зуев. «Аманатов дать по их вере грех». С. 158.

Совсем иначе выглядела обстановка в районах, расположенных дальше на восток. На Алеутских островах, расположенных между Америкой и Азией в северной части Тихого океана, открытых российской стороной в 1741 году в ходе экспедиции Витуса Беринга, расцвет российского заложничества пришелся на 1770-е и начало 1780-х годов. На Кадьяке, крупнейшем прибрежном острове Аляски, практика заложничества достигла пика к середине 1790-х годов. На Аляске она сохранялась до середины XIX века.

Даже Екатерина II, которой в литературе приписывают отмену заложничества, в 1785 году поручила капитан-лейтенанту Иосифу Биллингсу в ходе его многолетней экспедиции на Дальний Восток и в северную часть Тихого океана требовать от местных жителей не только *ясак*, но и заложников⁴⁹¹. Конечно, главное правило при покорении «новооткрытых» и до сих пор независимых этнических групп состояло в том, что в них должно было сформироваться «позитивное отношение» к русским. Также их следовало буквально осыпать подарками⁴⁹². Однако единственным ограничением, которое установила императрица в отношении заложников из коренных этнических групп, было: во избежание проблем с обеспечением рекомендовалось не брать слишком много заложников одновременно. «Правда, что им всегда привозят родители их пищу, но случиться может, что и опоздают тем доставлением, и тогда конечно уже не избежите издержек и для них своего провианту»⁴⁹³.

⁴⁹¹ Ея Императорского Величества наставление из Государственной Адмиралтейств Коллегии, Господину флота Капитан-лейтенанту Иосифу Биллингсу, начальствующему над Географическою и Астрономическою Экспедициею, назначенною в Северо-восточные части России // Сарычев Г. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога, и плавание капитана Галла на судне Черном Орле по Северовосточному океану в 1791 году. СПб., 1811. С. 175–182.

⁴⁹² О российской политической культуре даров см. гл. 4.6.

⁴⁹³ Ея Императорского Величества наставление из Государственной Адмиралтейств Коллегии, Господину флота Капитан-лейтенанту Иосифу Биллингсу, начальствующему над Географическою и Астрономическою Экспедициею, назначенною в Северо-восточные части России // Сарычев Г. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю, и плавание капитана Галла на судне Черном Орле по Северовосточному океану в 1791 году. СПб., 1811. С. 181.

Рис. 8. Алеуты в традиционной одежде на охоте. Недатированный рисунок Михаила Тихонова

Эта цитата свидетельствует о том, что Екатерина II не отвергала заложничество как такое даже в конце XVIII века. С точки зрения императрицы и ее служилых людей, его нужно было только адаптировать к местным нуждам и «представить в нужном свете». Как будет показано далее, завоевание, эксплуатация и заселение островов в северной части Тихого океана, а также островов Русской Аляски в действительности протекали бы гораздо сложнее и сопровождалось бы гораздо большим количеством неудач, если бы не применялось заложничество как универсальное средство – будь то для сбора *ясака*, для гарантии выживания российских

моряков, служилых и промысловых людей и купцов или для строительства целых российских поселений⁴⁹⁴.

Как ни в одном другом регионе империи, вопрос о том, удастся ли российской стороне убедить коренных жителей в «огромных преимуществах» пребывания в качестве заложников на их кораблях или в их лагере, оказывался вопросом жизни и смерти самих колонизаторов. Среди тех, кто изо всех сил старался приобрести заложников, в 1766 году были казаки Степан Глотов и Сергей Пономарев и сопровождавшие их российские промысловики. На своем корабле они «открыли» для Российской империи прибрежный остров Аляски Кадьяк, но, несмотря на множество приведенных ими доводов, местные жители, «по-своему дикому размышлению и зверонравному обычаю», отказались предоставить заложников⁴⁹⁵. А после того, как коренные жители еще несколько раз пытались напасть на россиян, «первооткрыватели» в течение всей следующей зимы не осмеливались отойти от корабля и не имели доступа к свежей пище. В результате девять из них умерли от цинги и других лишений⁴⁹⁶. В случае удачного взятия заложников они, с одной стороны, могли заставить заложников снабжать их всем необходимым, с другой, приобрели бы посредников, с помощью которых коренное население можно было уговорить воздержаться от нападений⁴⁹⁷.

По этой причине заложники в негостеприимных районах Дальнего Востока, северной части Тихого океана и Аляски во многих отношениях служили гарантией жизни. Они обеспечивали россиянам защиту от нападений коренных жителей, помогали в поиске и ловле животных и другого пропитания, служили проводниками в море и на суше и могли, наконец, после достаточно продолжительного времени, проведенного в заложниках, выступать в качестве переводчиков и посредников при взаимодействии с местными жителями, которые чувствовали угрозу, исходящую от российской стороны⁴⁹⁸. Именно в свете этой жизненно важной их многофункциональности не было недостатка в увещеваниях вроде речей иркутского генерал-губернатора Федора Глебовича Немцова, призывавшего приветливо обращаться с заложниками и кормить их вдосталь⁴⁹⁹.

⁴⁹⁴ Из «репорта» майора Павлуцкого в Иркутскую провинциальную канцелярию от 20 июня 1746 г. // Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. № 64 (20.06.1746). С. 168.

⁴⁹⁵ Из рапорта С. Г. Глотова Т. И. Шмалеву о плавании на судне «Св. Андреян и Наталия» в 1762–1766 гг. на Алеутские острова и открытия острова Кадьяк // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана. № 29 (22.08.1766). С. 101–110, здесь с. 103–104.

⁴⁹⁶ Там же. С. 106–108; *Гринев, Макарова*. Промысловое освоение Алеутских островов. Т. 1. С. 97.

⁴⁹⁷ Гвенн А. Миллер объясняет неудачу с захватом заложников Гловым и Пономаревым тем, что у них было слишком простое огнестрельное оружие, поэтому их силы едва ли превосходили местное население, которое было вооружено луками и стрелами. *Miller. Kodiak Kreol*. P. 39.

⁴⁹⁸ Вышеупомянутой помощью от коренного населения пользовались все европейцы во время своих путешествий с целью открытия новых земель. Однако в отличие от практики российского заложничества, принудительная вербовка западноевропейскими моряками местных жителей не основывалась на многовековой концепции удержания человеческого залога. Они просто захватывали туземцев всех возрастов, принуждая их к тем обязанностям, которые им требовались, и не занимались цивилизированием. *Mathies. Im Schatten der Entdecker*. S. 64–65.

⁴⁹⁹ Наставление иркутского губернатора бригадира Ф. Г. Немцова купцам, отправляющимся на Курильские и Алеутские острова // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана. № 55 (16.09.1778). С. 170–176, здесь с. 172.

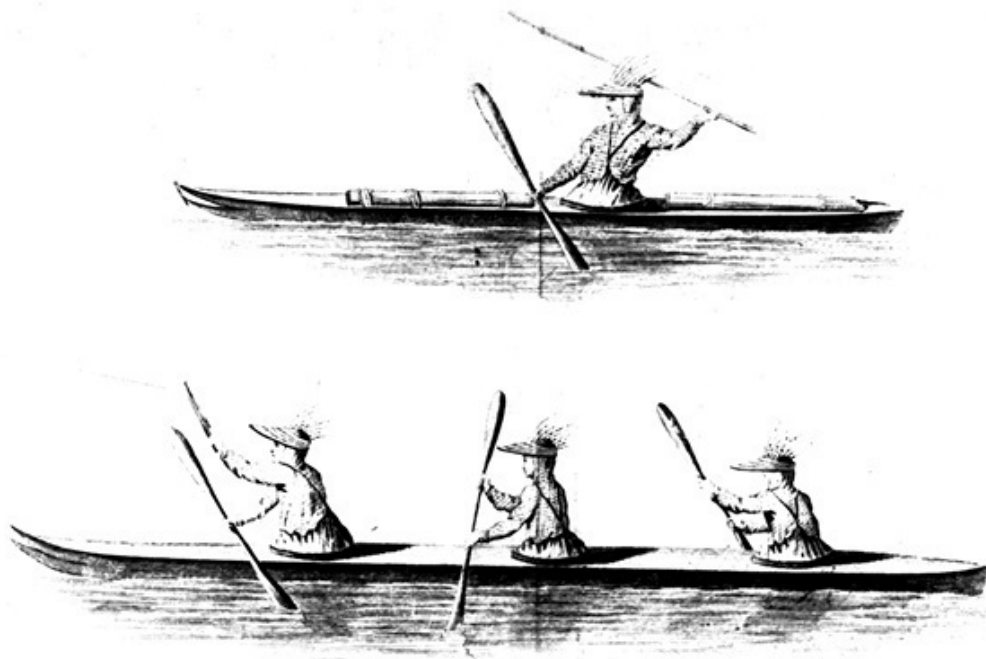

Рис. 9. Алеуты в лодках (байдарках) во время охоты на каланов

Но прежде всего российские ответственные лица прилагали огромные усилия для обучения и «цивилизации» своих заложников. Расцвет заложничества в северной части Тихого океана совпал с пиком восприятия российской имперской элитой идей Просвещения, включая стадиальную теорию. Так, в 1775 году премьер-майор Матвей Карпович фон Бем, «начальник Камчатки», поручил руководителю экспедиции на Курильские острова Ивану Михайловичу Антипину держать при себе заложника не только для безопасности «русских». Наряду с этим заложников необходимо было ознакомить с русским языком, «русскими обычаями» и с православной религией⁵⁰⁰.

Дэвид Кэмбелл, участник третьего кругосветного плавания английского капитана Джеймса Кука, во время своего пребывания на Уналашке в 1778 году с изумлением наблюдал за российскими усилиями, аналогов которым в английской практике он не встречал: «Русские забирают у туземцев их детей, когда те еще совсем малы, и используют молодых островитян на различных работах в своей фактории. Их учат русскому языку и, вероятнее всего, крестят и наставляют в начатках христианской религии»⁵⁰¹.

Взятие в заложники детей коренных этнических групп, их обучение для собственных нужд и облечение этого процесса в нарратив цивилизования начали практиковаться среди алеутов еще в середине века. Здесь колониальная риторика и практика под маской просветительского дискурса «любви и кротости» достигли зенита. Ярким примером может служить судьба мальчика Темнака. Он был первым мальчиком, которого Михаил Васильевич Неводчиков в 1747 году разлучил с родителями на Алеутских островах, чтобы отвезти на Камчатку. Там он был крещен и наделен новой идентичностью под именем Павла. Как и многие дру-

⁵⁰⁰ Из инструкции М. К. Бема начальнику экспедиции на дальние Курильские острова И. М. Антипину о подготовке и задачах плавания // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана. № 50 (08.06.1775). С. 145–154, здесь с. 153; Постановление Г. И. Шелихова и мореходов его компании, принятое на острове Кыктаке // Русские открытия в Тихом океане. № 12 (11.12.1785). С. 178–179, здесь с. 178.

⁵⁰¹ Кук. Третье плавание капитана Джеймса Кука. С. 564; Гринев. Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 132. – Подобные наблюдения также можно найти в путевом дневнике английского мореплавателя Джорджа Ванкувера за 1794 год. *Ванкувер. Путешествие в северную часть*. С. 258.

гие последовавшие за ним мальчики, он был обязан посещать школу и служить переводчиком российским участникам экспедиции. Устный и письменный перевод первоначально являлись услугами коренных жителей, в получении которых российская имперская элита испытывала наиболее острую нужду. Как и многие другие мальчики после него, Павел не вынес новых условий жизни. Он скончался через год пребывания в заложниках. Те, кто сумел выжить, проводили много лет на кораблях с участниками российских экспедиций, выполняя у промысловых людей роль переводчиков, а позже нередко вступали в сословие казаков⁵⁰².

Григорий Иванович Шелихов и заложничество

В ходе кровопролитного захвата Кадьяка в 1784–1786 годах русский купец, мореплаватель и первооткрыватель Григорий Иванович Шелихов (1748–1795), действуя наполовину неофициально, наполовину от имени государства, дал своим сотрудникам указание – «для лучшего повиновения» предъявить жителям острова ультиматум: выдать в заложники пятьсот детей. После неоднократных отказов Шелихов приказал стрелять по островитянам. В итоге он добился предоставления необходимого количества заложников⁵⁰³. Обращаясь к императрице, Шелихов сообщил о своих усилиях, направленных на то, чтобы коренные жители повиновались «не по страху и нужде», а «по любви и по собственной их пользе», и о том, что он заверил их, что пребывание россиян доставит им «бесчисленные выгоды, безопасность и благоденствие»⁵⁰⁴. Также в обращении к своему сотруднику К. А. Самойлову в мае 1786 года он подчеркнул, насколько он осознает свое обязательство заботиться о заложниках и их благополучии, а также позволить им изучать обычаи и навыки россиян⁵⁰⁵.

Шелихов поручил обучить большую часть из пятисот детей в качестве переводчиков, а другую часть научить чтению и письму на русском языке⁵⁰⁶. Именно для заложников Шелихов открыл на Кадьяке первую школу на занятой российской стороной части Америки⁵⁰⁷. Несколько лет спустя капитан Гавриил Андреевич Сарычев в рамках большой «экспедиции Биллингса – Сарычева» (1785–1793) сделал в своем путевом дневнике заметку о ситуации на Кадьяке:

Для безопасности своей содержат несколько детей от островитян в аманатах и стараются обучать их русскому языку и грамоте, что заслуживает

⁵⁰² Ляпунова. Алеуты. С. 59.

⁵⁰³ Точный ход событий можно восстановить как по переписке, так и по рассказу очевидца – кадьяка Арсения Аминака, пережившего резню в детстве и позже сообщившего об этом событии финскому этнографу. Holmberg. Ethnographische Skizzen über die Völker. S. 137 [1855]; *Idem*. Ethnographische Skizzen über die Völker des Russischen Amerika. Bd. 4. S. 410–417, здесь особенно s. 416–417 [сокращенная перепечатка оригинала]; *Idem*. Holmberg's Ethnographic Sketches. P. 59; М. С. Бритюкова капитану Дж. Биллингсу (02.11.1788) // Памятники новой русской истории. Т. 3. С. 373–383; Šelichov. Voyage to America. P. 123–126; Mousalimas. The Transition from Shamanism to Russian Orthodoxy in Alaska. P. 44–63.

⁵⁰⁴ Прошение компаньонов И. И. Голикова и Г. И. Шелихова // Русские открытия в Тихом океане. № 125 (февраль 1788). С. 265–269, здесь с. 266.

⁵⁰⁵ Наставление Г. И. Шелихова главному правителю К. А. Самойлову // Русские открытия в Тихом океане. № 14 (04.05.1786). С. 185–199, здесь с. 188–189. – До сих пор не существует биографии Шелихова, отвечающей требованиям современного биографического исследования. Вводные работы: Pierce. Introduction // Shelikhov. A Voyage to America; Ситников. Григорий Шелихов; Петров, Троицкая. Основание постоянных поселений; Гринев. Аляска под крылом двуглавого орла. С. 151–210.

⁵⁰⁶ Прошение компаньонов И. И. Голикова и Г. И. Шелихова // Русские открытия в Тихом океане № 25 (февраль 1788). С. 265–269, здесь с. 266; Постановление Г. И. Шелихова и мореходов его компании, принятое на острове Кыктаке // Русские открытия в Тихом океане. № 12 (11.12.1785). С. 178–182, здесь с. 178–179.

⁵⁰⁷ Из письма Г. И. Шелихова правителю Северо-восточной компании А. А. Баранову о программе освоения Аляски, образовании Северной американской компании и намерении «завести помаленьку Русь» на острове Уруп // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана. № 118 (09.08.1794). С. 321–330, здесь с. 326–327.

немалую похвалу, ибо оное со временем принесет великую пользу в просвещении сего дикого народа⁵⁰⁸.

Если в казахских степях и на Северном Кавказе «попытки цивилизирования», как правило, были направлены только на избранных ханских и княжеских детей и к тому же осуществлялись очень бессистемно и несогласованно, то Шелихов утверждал, что в регионах Аляски, занятых его торговой компанией, ему удалось провести широкую и комплексную «кампанию цивилизирования». Вернувшись на восточносибирский континент, он в 1787 году доложил о своих «успехах» иркутскому генерал-губернатору Ивану Якоби: благодаря детям заложников появился «способ для отечества нашего полезный». Среди представителей коренных этнических групп он отбирал в заложники тех, кто в силу сообразительности казался ему наиболее подходящим, с помощью ведущих работников «по добровольному желанию» обучал их чтению и письму на русском языке, а также «благонравию». Их отцы отнеслись к учрежденной им для этих целей школе благосклонно, и в ней наблюдался уже «действительный успех»⁵⁰⁹. Архимандрит Иоасаф также не скупился на похвалу: изучая образ жизни «русских», заложники смогли смягчить «варварские нравы» своих отцов. В школу отбирали наиболее способных детей из заложников, и они учились там не по принуждению, а добровольно и за счет торговой компании Шелихова⁵¹⁰.

⁵⁰⁸ Из путевого журнала Г. А. Сарычева об исследовании Алеутских островов, описании Бобровой губы на острове Уналашка и острова Кадьяк, встречах с местными жителями // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана. № 89 (13.05–28.06.1790). С. 266–274, здесь с. 273. – О семантике термина *просвещение* в понятийном поле цивилизованности в конце XVIII века см. гл. 4.1.

⁵⁰⁹ Доношение Г. И. Шелихова иркутскому генерал-губернатору И. В. Якоби // Русские открытия в Тихом океане. № 18 (10.04.1787). С. 206–214, здесь с. 211.

⁵¹⁰ *Гринев*. Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 134.

Рис. 10. Григорий Иванович Шелихов, русский купец, исследователь и завоеватель; на заднем плане – бюст его жены

*Рис. 11. Алеутская пара в традиционных костюмах перед своими лодками. Хромо-
тография, художник неизвестен, впервые опубликована Густавом-Теодором Паули в: Народы
России. Санкт-Петербург, 1862*

Сомнительно, можно ли говорить о добровольности относительно почти пятисот детей, взятых в заложники, о том, насколько мирно протекала жизнь в школе и насколько были

расположены к такому «цивилизированию» отцы, лишённые своих детей. Одни только кровавые методы, с помощью которых на Кадьяке вымогали заложников, говорят сами за себя. Более того, ни в одном другом месте российской экспансии заложничество не приближалось настолько к состоянию рабства, как в регионах Дальнего Востока, северной части Тихого океана и Русской Аляски⁵¹¹. Особенно на Кадьяке заложники должны были выполнять принудительные работы рука об руку с рабами (называемыми в источниках *каюра́ми*), взятыми из рядов алеутской элиты после завоевания Кадьяка, и с «добровольными наёмными работниками»⁵¹². Еще в 1806 году монах Гедеон писал о том, что обучающиеся в школе на Кадьяке заложники, в данном случае из индейцев-тлинкитов, принуждались русскими к «предметам, относящимся до хозяйственной части» и «вместо отдыха» обрабатывали огороды, собирали корни и травы, ловили рыбу, а также изготавливали обувь⁵¹³.

Известие о том, что заложников из тлинкитов в кадьякской школе заставляли работать и обращались с ними как с рабами, даже стало одной из причин восстания индейцев из Якутата, в результате которого местное российское поселение и российская крепость были захвачены и уничтожены⁵¹⁴. Даже к подчеркиваемой протоиереем Гедеоном «добровольности», с которой, по его словам, заложники позволяли себя крестить в кадьякской школе, учитывая внешние обстоятельства, нужно подходить с большим скепсисом⁵¹⁵. Однако литературные источники исходят из того, что по крайней мере некоторые из заложников после «обучения» добровольно поступили на службу в Российско-Американскую компанию в качестве переводчиков⁵¹⁶.

Хотя Шелихов и был одним из лидеров, выступавших за «цивилизирование» и продвигавших аккультурацию автохтонного населения на Аляске и на островах северной части Тихого океана, он всегда действовал при поддержке царского правительства и властей в Сибири. Прежде всего иркутские генерал-губернаторы И. В. Якоби (1783–1789) и Иван Алферьевич Пиль (1789–1794) призывали Шелихова к еще большим усилиям, чтобы «американцев превратить из диких в обходительных»⁵¹⁷.

«Под видом сомнения в их верности», писал Пиль в 1794 году, местных жителей необходимо продолжать брать в заложники. Следовало неукоснительно придерживаться правил Шелихова, в соответствии с которыми заложники должны говорить по-русски, учиться читать и писать, изучать математику и навигацию. Помимо образа жизни русских, их обычаев, наук

⁵¹¹ Гринев. Русские промышленники на Аляске. С. 178.

⁵¹² См. также рассказ монаха Макария, который, будучи главой Русской православной миссии на Аляске, наблюдал принудительный труд, изнасилования и другие злоупотребления, совершаемые сообщниками якутского купца П. С. Лебедева-Ласточкина (так называемые *лебедевцы*), а также членами общества Голикова – Шелихова. Гринев. Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 134; A Report from Ieromonk Makarii, head of the Russian Orthodox Mission in Alaska, to the Holy Governing Synod, detailing treatment of natives by Russians // Dmytryshyn. To Siberia and Russian America. Vol. 2. № 83 (05.10.1797). P. 497–502.

⁵¹³ Записки иеромонаха Гедеона о первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803–1808 // Русская Америка. С. 27–121, здесь с. 88; Гринев. Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 137.

⁵¹⁴ Гринев. Индейцы эяки и судьба русского поселения в Якутате. С. 117.

⁵¹⁵ Иеромонах Гедеон писал, что заложники «охотно и добровольно» позволяют их крестить. Записки иеромонаха Гедеона // Русская Америка. С. 105. – См. также критическое высказывание: Mousalimas. The Transition from Shamanism to Russian Orthodoxy. P. 44–63.

⁵¹⁶ Гринев. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. С. 197; Pierce. Russian America. P. 162. – Российско-американская торговая компания (РАК) была полугосударственной торговой компанией, образованной в 1799 году по указу царя Павла I как монополия. Ее создание стало результатом объединения нескольких торговых компаний, которые в основном занимались пушным промыслом на Курильских, Алеутских островах и вдоль побережья Аляски. РАК была предоставлена торговая монополия в Русской Америке на двадцать лет, чтобы по примеру монопольных компаний других колониальных государств устранить конкуренцию и учесть интересы государства. Начиная с 1820-х годов прибыль от торговли пушниной заметно снизилась, поскольку морская выдра была в значительной степени истреблена. Виньковецкий. Русская Америка.

⁵¹⁷ Документ от 11.05.1794 [Предписание иркутского генерал-губернатора И. А. Пили Г. И. Шелихову] // Русские открытия в Тихом океане. С. 323–336, здесь с. 331. – И. В. Якоби ранее сменил Кречетникова на посту астраханского губернатора (1776–1781), а затем оренбургского губернатора (1781–1783) и был близко знаком с российскими усилиями по цивилизации и на Северном Кавказе, и в южных степях. Словарь достопамятных людей русской земли. Т. 3. С. 785–786.

и искусств, им с самого начала нужно было знакомиться с хлебопашеством и скотоводством. Христианскую веру и ее практики им должны были передать церковные служители, чтобы взрастить в них «кротость» и «благодетельность». В качестве заложников необходимо было выбирать «более молодых и дарования имеющих людей», которые, «входя во вкус жизни русской», развивали бы чувство образа жизни русских, внушали бы «пользу нашей жизни» своему собственному народу и должны были помочь ему перенять этот стиль жизни. Все это должно было происходить без принуждения и только по их собственному согласию⁵¹⁸. Эти старания привели к тому, что десять мальчиков из коренных жителей Русской Америки были доставлены в Иркутск, чтобы там обучаться игре на различных музыкальных инструментах⁵¹⁹.

Взятие заложников в XIX веке

Практика заложничества нашла отражение даже в Уставе Российско-Американской компании, утвержденном в 1821 году императором Александром I⁵²⁰. Если в 1749 году царская власть впервые установила общие правила продолжительности содержания заложников, то устав 1821 года, вступивший в силу после длительных переговоров с царским правительством, вводил новые положения. Впервые было зафиксировано, что в коренных этнических группах, во всяком случае в мирное время, не допускалось *насильственное* взятие заложников, содержать заложников нужно было достойно, и руководители общества должны были особенно заботиться о том, чтобы в отношении заложников не допускалось несправедливости⁵²¹. Эти правила были перенесены и в устав 1844 года, предварительно ответственный министр финансов получил подробные сведения о том, когда, где, в каких количествах и как долго удерживались заложники в прошлом, насколько они распространяли благотворное влияние на представителей своей этнической группы после их замены, в каких отношениях с русскими они находились после проведенного в заложниках времени и предоставляли ли они после этого наемных работников на добровольной основе⁵²².

Однако фактически заложничество в середине XIX века на Востоке играло также лишь незначительную роль. На Алеутских островах и на Кадьяке оно потеряло свое значение уже около 1800 года: коренное население понесло такие человеческие потери в результате болезней, военных столкновений с россиянами, порабощения и эксплуатации в российских целях, а также в результате голода, поскольку система самообеспечения была разрушена, что русские могли там жить «в полной безопасности» и больше не нуждались в заложниках⁵²³.

⁵¹⁸ Приказ иркутского генерал-губернатора И. А. Пиля Г. И. Шелихову // Русские открытия в Тихом океане. № 43 (11.05.1794). С. 323–335, цит. на с. 332. – На фоне этих высказываний утверждение С. Люрман о том, что россияне в 1780-х и 1790-х годах проявляли мало интереса к изменению образа жизни и ассимиляции своих новых подданных, может вызвать только удивление. Дело было не в отсутствии интереса, а скорее в отсутствии возможностей для широкого внедрения политики «цивилизации» – и ассимиляции. *Luehrmann. Alutiiq Villages under Russian and U. S. Rule.* P. 80–81.

⁵¹⁹ Из записки Н. А. Шелиховой «Erklärung über die Erfolge der Amerikanischen Kompanie» (1798) // *Dokumente zur Geschichte der europäischen Expansion.* Bd. 2. № 103. S. 517–521, здесь s. 519; *Kanneler.* Россия – многонациональная империя. С. 149–150.

⁵²⁰ Именной указ, данный Сенату. О возобновлении привилегий Российской Американской Компании, и об утверждении составленных для оной новых правил // ПСЗРИ. Т. 37. № 28756 (13.09.1821). С. 842–854. Правила Российской Американской Компании. § 58. С. 852.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Высочайше утвержденный Устав Российско-Американской Компании // ПСЗРИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. № 18290 (10.10.1844). С. 612–638, здесь § 283, с. 638; *Гринев.* Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 138.

⁵²³ О положении на Алеутских островах в 1800 году: *Давыдов.* Двукратное путешествие в Америку. Т. 2. С. 119; *Гринев.* Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 134. – На Кадьяке А. А. Баранов, новый глава торговой компании Шелихова, освободил заложника на южной части острова в 1794 году. *Тихменев.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1863. Т. 2. Примеч. 165. Здесь цит. по: *Гринев.* Туземцы-аманаты в Русской Америке, 134. – В Калифорнии, где И. А. Кусков построил Форт-Росс, заложников не брали с самого начала. Это было связано, с одной стороны, с оценкой, что для российских акторов не существует никакой угрозы со стороны проживающих

С начала века заложничество интенсивно применялось только на Русской Аляске по отношению к тлинкитам. Именно индейцы, наряду с жителями Северного Кавказа составлявшие одну из последних этнических групп, из которой царские власти еще брали заложников, поставили российскую сторону перед новой проблемой: в отличие от всех этнических групп, с которыми в ходе экспансии в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке приходилось сталкиваться царским войскам, тлинкиты еще до первой встречи с россиянами обзавелись огнестрельным оружием и научились им пользоваться⁵²⁴. Кроме того, в отличие от алеутов и коренных жителей Кадьяка, тлинкиты выросли численно в гораздо более крупную этническую группу, что, возможно, объясняется лучшим доступом к пище, связанным с природными условиями. Их сильная сплоченность, а также дифференцированная социальная структура также обеспечили им значительно более выгодное положение для оказания сопротивления насильственной российской экспансии⁵²⁵.

Когда в 1794 году Егор Пуртов и Демид Куликалов во главе флотилии из более чем пятисот легких лодок высадились на берег в бухте Якутат юго-восточнее Кадьяка и потребовали заложников от местных жителей, а затем проделали то же самое южнее с тлинкитами, сложилась совершенно новая конфигурация: единственный раз в истории экспансии российского государства российская сторона сама оказалась принужденной предоставить заложников. Правда, для этого выбирали не исконных русских или россиян из «центра», а кадьякцев, которые сами недавно были покорены и должны были сопровождать россиян. Однако этот шаг показал, что российская тактика запугивания несколькими пушечными выстрелами и как результат быстрого получения заложников, что стало обычным явлением в северной части Тихого океана и вдоль побережья Алеутских островов, не произвела желаемого эффекта на тлинкитов. Напротив, тлинкиты оказали массовое сопротивление завоевателям и в мае 1802 года вынудили россиян заключить соглашение о перемирии, в знак чего обе стороны предоставили заложников⁵²⁶.

В отличие от заложничества в Сибири, на Дальнем Востоке и в северной части Тихого океана, в обращении с тлинкитами российская сторона больше не интересовалась экономической эксплуатацией. Аманаты, предоставленные индейцами, были необходимы только для придания веса требованию, чтобы они (как и казахи в степных районах) не предпринимали никаких набегов на российские крепости или поселения. В декабре 1818 года все еще происходил обмен заложниками: лейтенант Семен Иванович Яновский из Российско-Американской компании (РАК) выдал от российской стороны двух заложников, когда ему предоставили двух племянников верховного вождя кагвантанов – одного из тлинкитских родов⁵²⁷. Глава делегации РАК настолько осознавал необходимость уважительного обращения с противоположной стороной, что даже поручил торговой конторе РАК в Новоархангельске «записать [заложников-тлинкитов] в артель и довольствоваться провизией наравне с русскими»⁵²⁸. Такой приказ был бы немыслим в контексте заложничества в Сибири и на Дальнем Востоке, где заложников заковывали в цепи.

здесь индейских народов, и, с другой, с тем, что царское правительство не хотело рисковать и брать заложников на территории, находящейся под испанской юрисдикцией. В северных областях Русской Америки заложничество не играло никакой роли. Представители РАК поддерживали с местным населением исключительно торговые отношения и не требовали рабочей силы. *Истории. «Индейский» фактор в калифорнийской политике. С. 457; Гринев. Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 138.*

⁵²⁴ Английские и американские торговцы, которые плавали на кораблях по северо-западному побережью с 1785 года, поставляли индейцам оружие в обмен на меха.

⁵²⁵ *Sapir. The Social Organization of the West Coast Tribes. P. 28–48; Gibson. Russian Dependence.*

⁵²⁶ Донесение И. Кукова А. А. Баранову на Кадьяк о вооруженном столкновении партии промышленных людей с местными племенами и о разгроме Новоархангельска индейцами // *Pierce. Documents on the History. № 9 (01.07.1802). P. 128–150, здесь р. 131; Гринев. Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 137.*

⁵²⁷ *Гринев. Русско-тлинкитский конфликт; Зорин. Индейская война в Русской Америке.*

⁵²⁸ *Гринев. Туземцы-аманаты в Русской Америке. С. 138.*

Однако уже в 1818 году этой крайне необычной по российским меркам ситуации пришел конец. Спустя 25 лет после установления двухстороннего заложничества (1793–1818) исполняющий обязанности директора РАК узнал от главного правителя Русской Америки, что кагвантаны настояли на обмене заложников и вместо своих прежних *мальчиков* на этот раз передали двух *девочек*. Директор резко осудил тот факт, что для «дикарей» пошли на такие неоправданные уступки. Более того, с тех пор он приказал больше никогда не предоставлять заложников с царской стороны⁵²⁹.

Однако российская сторона до самой продажи Аляски Соединенным Штатам в 1867 году настаивала на предоставлении тлинкитами заложников – либо для обеспечения «мирного» соседства с индейцами, либо для того, чтобы «цивилизовать» их путем христианизации и обучения русской грамоте⁵³⁰.

⁵²⁹ Там же.

⁵³⁰ Вильковский. Русская Америка. С. 121–122.

3.6. ВЫВОД

Трансрегиональное исследование заложничества показало, что внутри российского государства уже с конца XVI века существовало фундаментальное различие между двумя формами господства над нерусскими подданными: господство над нехристианами, к которым относились этнические группы на Северном Кавказе, в Южных степях, в Сибири, на Дальнем Востоке, в северной части Тихого океана и на Русской Аляске, и господство над христианами – населением Смоленска, Гетманщины, Остзейских губерний, Карелии и польско-литовских территорий, доставшихся в результате разделов Польши и Литвы.

Заложничество на протяжении почти трех столетий практиковалось только по отношению к нехристианским народам русского и российского государства. Способ его применения в российской державе не имел аналогов в других империях: он уникален как по трансрегиональному масштабу, так и по продолжительности применения. В отличие от присяги на верность и *ясака*, этот третий элемент российского подданства не имел аналогий с каким-либо инструментом власти, который применялся бы по отношению к *природным подданным* во внутри-русском контексте. В то же время это был институт, игравший ключевую роль в имперском контексте, поскольку он мог использоваться для экспансии, артикуляции российских претензий на господство и их действенности в долгосрочной перспективе.

В противоположность мнению, которое было до сих пор принято в науке, данная работа демонстрирует, что московская форма заложничества не представляла собой заимствованную монгольскую практику. Скорее на основе анализа нескольких линий развития и при обращении к истории понятий удалось показать, что этот метод в его московской версии впервые был введен только в ходе имперской борьбы за Северный Кавказ в конце XVI века и, предположительно, ориентировался на османскую рецепцию арабских практик.

Как в случае с российской концепцией подданства, контуры которой сознательно оставались размытыми и которую за счет этого можно было адаптировать к соответствующим обстоятельствам, так и в случае с заложничеством российская элита создала себе чрезвычайно гибкий инструмент: иногда заложники использовались как средство давления, иногда как проводники и снабженцы, иногда как способ завоевания и открытия новых территорий. Помимо военной силы, прагматичное использование заложничества являлось одним из рецептов успеха царской экспансии. Лишь среди некоторых этнических групп российский подход потерпел неудачу, например у чукчей на Дальнем Востоке, тлинкитов на Русской Аляске и «калифорнийских индейцев» вокруг русского поселения Форт-Росс. Либо иные культурные коды были диаметрально противоположны российским ожиданиям по отношению к поведению покоряемых народов, либо в отдаленных районах царской стороне не доставало военного превосходства.

В то время как метод взятия и удержания заложников в Западной Европе в XVI и XVII веках вышел из употребления, в Российской империи практика привлечения целого этнического сообщества к коллективной ответственности за счет отдельных лиц сохраняла базовое значение даже в XVIII веке. Рецепция нарративов Просвещения в сравнении с зарождающимся в Западной Европе индивидуализмом привела здесь к иной критике заложничества. Заложники больше не являлись просто вещественным залогом и не рассматривались в качестве «объектов, подлежащих хранению»: оказалось, их можно было использовать в собственных целях. В этом практика позднего римского периода явилась античным образцом того, что русские открыли для себя только в XVIII веке, пусть и не зная о римской модели: заложников стали рассматривать как целевые объекты аккультурации, политико-социального и культурного влияния, а также как «трансмиссионные ремни» для оказания влияния на местные этнические группы. В то же время этот новый взгляд на заложников лег в основу их колониальной инстру-

ментализации и эксплуатации, которые особенно ярко проявились в северной части Тихого океана и на Русской Аляске. Таким образом, изменения в заложничестве означали гораздо больше, чем просто «новую риторическую маскировку»⁵³¹.

Вопреки предположению, что в Российской империи в XVIII веке еще не было четкого различия между самоцивилизированием и цивилизованием других, на примере заложничества можно в миниатюре продемонстрировать формирование идеи российской миссии цивилизования по отношению к нехристианским этническим группам. При этом зачастую идея цивилизования сопровождалась идеей аккультурации или даже ассимиляции. Иногда речь даже шла о попытках вытеснения языков коренных народов русским, о замене обычаев местных этнических групп российскими, преодолении кочевого образа жизни с помощью оседлости или замене мусульманской или языческой веры русской православной.

В то же время российские *попытки* «цивилизации» и ассимиляции ни в коем случае нельзя путать с «успешным» с российской точки зрения результатом. Довольно часто представителям российской имперской элиты приходилось терпеть поражение – что было весьма типично для колониальных миссий цивилизования, – а «цивилизуемое» население никоим образом не выражало ожидаемой от него «благодарности» или не добивалось «прогресса в науках». В частности, с точки зрения постколониальных исследований это создает привлекательные тематические поля для будущих исследований, будь то случаи поражений из-за сопротивления коренных народов или добровольного сотрудничества коренных элит при взятии заложников или опыт культурной гибридности, который коренные жители получили в российском окружении за время, проведенное в заложниках.

В то же время изучение заложничества показывает, насколько полезно анализировать применение этого имперского и в XVIII веке становящегося все более колониальным метода на территориях от Северного Кавказа через Поволжье, южные степи, Сибирь, Дальний Восток и до Русской Аляски. С одной стороны, только такой анализ позволяет увидеть, что эта практика была основным принципом российской имперской экспансии на юге и востоке. С другой стороны, становится понятной региональная специфика, а также те элементы или подходы, которые для российской стороны не подлежали обсуждению. Кроме того, межрегиональное исследование заложничества показало, что экспансия Российской империи в регионе северной части Тихого океана и на Русской Аляске была тесно связана с экспансией на азиатском материке.

Если смотреть не только на заложничество и его применение на юге и востоке, а шире, на российскую имперскую политику по отношению к нерусским этническим группам на западе и на севере, то можно сделать дополнительные выводы о ее основных чертах. Нельзя ли провести параллели между заложничеством в той форме, в которой оно утвердилось в течение XVIII века по отношению к элитам нехристианских этнических групп на юге и востоке, с одной стороны, и кооптацией местных элит нерусских этнических групп на западе и севере в российскую элиту, с другой? Можно ли интерпретировать попытки «цивилизации» местной нехристианской элиты посредством удержания ее представителей в заложниках в XVIII веке как эквивалент принятию в российское дворянство *христианских* (а также некоторых мусульманских) элит этнических групп на севере и западе? Эти вопросы свидетельствуют о том, что в настоящей главе было положено только начало дальнейшим исследованиям.

⁵³¹ Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier. P. 59.

4. КОНЦЕПТЫ И ПРАКТИКИ ЦИВИЛИЗИРОВАНИЯ И ИНТЕГРАЦИИ

Пример заложничества показал масштабы изменения российских концептов и практик господства в течение XVIII века. Чтобы признать этот результат частью общей картины и разъяснить центральный тезис книги, в соответствии с которым Российская империя начиная с XVIII века превращалась, по меньшей мере периодически, в процессе господства над своими нехристианскими подданными из империи в колониальную державу, надо провести гораздо более полный и системный анализ и внимательно рассмотреть все основные политические сферы российского господства.

Но начать необходимо с рассмотрения идеи, которая постепенно оформилась в течение XVIII столетия. С учетом событий последующих веков она может считаться наиболее эффективной политической стратегией, которая когда-либо имела значение для российской державы в ее имперской истории: это российская миссия цивилизования.

Исходя из соответствующих понятий, миссия цивилизования обозначает убеждение, что собственная этническая группа имеет права и обязанности вторгаться в жизнь других, менее развитых этнических групп, пропагандировать собственные ценности и институты и принудительно внедрять их среди других этнических групп на основании якобы свойственного ей превосходства и более высокой легитимности собственного стиля жизни⁵³².

Хотя понятию «цивилизация» не обязательно присущи экспансионистские коннотации, элемент понятия «миссия» выражает идею о том, что развитие в направлении цивилизации можно и даже нужно было ускорить посредством вмешательства извне. Таким образом, известное главным образом из религиозного контекста понятие «миссии» в связи с концепцией цивилизования обозначает широкомасштабное миссионерство, явно выходящее за рамки религиозных вопросов.

В русском языке термин «миссия цивилизования» стал частью колониального дискурса только во второй половине XIX века. Цель четвертой главы – показать, что такая концепция миссии цивилизования дискурсивно развивалась уже в течение XVIII века, оказывая серьезное практическое влияние на политику, и описать, в какой форме это происходило⁵³³.

⁵³² Osterhammel. «The Great Work of Uplifting Mankind». P. 363–426, 363; *Idem*. Europe, the «West» and the Civilizing Mission. P. 8; Hofmeister. Die Bürde des Weißen Zaren. S. 27–31.

⁵³³ Этим утверждением данная работа противоречит недавно опубликованному мнению М. Ходарковского о том, что российские имперские акторы начали цивилизационный дискурс по отношению к нехристианским этническим группам своей империи только с 1860-х годов. Khodarkovsky. Between Europe and Asia. P. 24.

4.1. ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ: «ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Фундаментальной предпосылкой идеи миссии цивилизирования и генезиса цивилизаторского дискурса является возникновение понятия и лексико-семантического поля «цивилизованности» и «цивилизации». Оно включает такие асимметричные понятия-антонимы, как «нецивилизованность» и «нецивилизация»⁵³⁴. При этом развитие понятий понимается как развитие человеческого сознания, которое становится осязаемым в языке эпохи, в ее аутентичных текстах⁵³⁵.

Помимо этого сознания и соответствующего образования понятия, вторым шагом возникновения цивилизаторского дискурса является уверенность, что собственная «мы»-группа является «цивилизованной», и в то же время появляется восприятие других как «нецивилизованных». На третьем этапе, который базируется на убеждении в собственном превосходстве, требуется понимание, что существуют нецивилизованные «Другие», которые поддаются изменению и которых можно и нужно перевести в состояние цивилизованности или цивилизации⁵³⁶.

При исследовании возникновения в Российской империи терминов, относящихся к семантическому полю цивилизованности или цивилизации необходимо прежде всего проследить историю современного понятия цивилизации и его лексико-семантического поля (по-немецки *Zivilisation*, по-французски *civilisation*, по-английски *civilization*). Его источник – латинский перевод *civitas*, *civilis*, *civilitas* от греческого *πολιτική* – уже в древности представлял собой концепт, с помощью которого создавались идентичности и устанавливались оценочные различия между «нами» и «ими»⁵³⁷.

В Англии и Франции понятие «цивилизация» вошло в официальный язык в поздний период эпохи Просвещения, с середины XVIII века, но значимой категорией оно стало только в конце XVIII века⁵³⁸. В немецкое языковое пространство это понятие проникло в конце 1770-х годов. Оно быстро вступило в конфликт с «культурой» и «образованием», которые символизировали одобряемое стремление к внутренним ценностям (сфера морали, эстетики, приличия). «Цивилизация», напротив, находилась во все более тесной взаимосвязи с материальными внешними достижениями, которые рассматривались как второстепенные (сфера материальных, экономических и технологических характеристик)⁵³⁹. Несмотря на эти различия, в XIX

⁵³⁴ Koselleck. Zur historisch-politischen Semantik asymmetrischer Gegenbegriffe. S. 211–259. – Различие между термином, связанным с состоянием, как он выражается в немецком языке понятием «Zivilisiertheit», и неоднозначным термином, который может обозначать как состояние, так и процесс («Zivilisation»), будет рассмотрено более подробно. – На протяжении всей этой главы термин «цивилизация» понимается как термин с положительной коннотацией в отличие от «варварства». Использование «цивилизации» как описательной категории в смысле ценностно-нейтрального сопоставления различных культур не играет здесь никакой роли. Подробно о дифференциации см.: Schröder. Mission Impossible? P. 22–26.

⁵³⁵ Ricken. Begriffe und Konzepte für Aufklärung. S. 95.

⁵³⁶ Идея миссии цивилизирования или цивилизационного дискурса должна быть отделена от цивилизационной политики. О цивилизационной политике можно говорить только тогда, когда цивилизация не только востребована и запланирована на дискурсивном уровне, но и пытается быть реализованной в практической политике. В данной подглаве рассматривается только концептуальный и, в некоторой степени, дискурс-аналитический уровень. Следующие подглавы посвящены связи между языковой артикуляцией идей цивилизации и попыткой их политического воплощения.

⁵³⁷ В поздней Античности *civilis* и *civilitas* уже приобрели значение «цивилизованной жизни» или «цивилизованных нравов» и были отграничены от «дикарей», «варваров» и «нецивилизованных». Fisch. Zivilisation, Kultur. S. 688–689.

⁵³⁸ Февр. Цивилизация: эволюция слова и группы идей. С. 241–281; Benveniste. Civilisation. Contribution à l'histoire du mot. P. 47 f.; Starobinski. Le mot civilisation. P. 30 f.; Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich. 1680–1820; Fisch. Zivilisation. S. 679–774; Boer. Civilization.

⁵³⁹ Fisch. Zivilisation. S. 723–730.

веке во всех (западно)европейских дискурсах это понятие играло ключевую роль в обосновании и легитимации колонизации и колониализации Африки, Азии и Америки⁵⁴⁰.

В русском языке в XVIII веке еще не существовало термина, образованного от *civitas*, *civilitas* именно для «цивилизации» в рассматриваемом смысле. Длительный билингвизм (немногочисленный франкоязычный высший слой общества и русскоязычное крестьянское население) привел к тому, что введенное в конце XVIII века французское слово *civilisation* прочно укоренилось в первой половине XIX века в постепенно формирующейся российской публичной сфере. Только в 1830-х годах слово *цивилизация* как русское заимствование слова *civilitas* вошло в официальный язык и к концу 1860-х получило там широкое распространение⁵⁴¹.

Но разве до XIX века еще не существовало русских терминов, с помощью которых Российская империя могла бы выразить ощущение собственного величия и превосходства над другими этническими группами? Действительно ли понадобилась екатерининская рецепция позднего Просвещения для того, чтобы в Российской империи могло образоваться предметное поле (пусть изначально и исключительно французское) цивилизованности и цивилизации? Разве ранее не существовало оснований и необходимости относиться к нерусским этническим группам собственной империи с убежденностью в *своем* превосходстве как имперской державы и требовать их трансформации?

Позднее формирование в русском языке понятия цивилизации, произведенного от *civilitas*, на первый взгляд, подтверждает представление, в соответствии с которым начатый в XVIII веке процесс само-«цивилизирования» являлся прежде всего «догоняющим» процессом, который ориентировался на (западно)европейские идеи о цивилизовании и поэтому должен был заимствовать термины из французского языка. Такое восприятие разделяла в XVIII веке и (западно)европейская общественность⁵⁴².

И даже исторические исследования до сих пор предполагали, что петровская культурная революция была нацелена исключительно на воспитание и преобразование *собственного*, русского и российского аккультурированного населения – и здесь речь идет прежде всего о высших слоях общества⁵⁴³. Российская держава, казалось, контрастировала с несколькими западноевропейскими империями, элиты которых уже давно *сами* себе приписывали состояние цивилизованности и которые ставили перед собой задачу цивилизовать наряду с населением своей страны прежде всего другие (неевропейские) этнические группы⁵⁴⁴. Но в случае с российским государством вопрос о том, существовало ли русское понятие для цивилизованности/цивилизации, и тем более вопрос о том, проводились ли различия между «цивилованными русскими» и «подлежащими цивилизованию нерусскими этническими группами», казалось, представлялись излишними для исследования, по крайней мере в первой половине XVIII века⁵⁴⁵.

Не только предыдущие главы содержат указание на то, что состояние исследований в этом отношении неудовлетворительно и нуждается в обновлении. Исследование терминологии *других* западноевропейских стран также свидетельствует о том, что и у них семантическое

⁵⁴⁰ Fisch. Die europäische Expansion und das Völkerrecht, особенно s. 284–380.

⁵⁴¹ Kissel. Im Zeichen der Ambivalenz; Велижев. Цивилизация и средний класс. С. 257–258.

⁵⁴² О западноевропейском, особенно французском доминирующем представлении о «России» в XVIII веке см.: Мезин. Петр I как цивилизатор России; Годжи. Колонизация и цивилизация; Дюлак. Рибейро Санчес о политике колонизации; Blome, Depkat. Von der «Civilisierung» Rußlands; Wolff. Inventing Eastern Europe.

⁵⁴³ См. также подробнее об этом в предисловии к данной работе.

⁵⁴⁴ Belmessous. Assimilation and Racism; Bitterli. Die «Wilden» und die «Zivilisierten»; Fieldhouse. The Colonial Empires; Pagden. Lords of all the World; Weber. Bárbaros; Gründer. Conquista und Mission.

⁵⁴⁵ Такое отношение может объяснить, почему русское лексико-семантическое поле «цивилизации» в XVIII веке до сих пор практически не изучено. Немногочисленные статьи, опубликованные по отдельным аспектам предметной области, упоминаются ниже в соответствующем контексте.

поле цивилизованности отразилось лексически в обиходном языке не тогда же, когда широко распространилось заимствованное из латыни понятие «цивилизация». Во французском языке словообразования, родственные более позднему слову *civilisation* и обозначающие как состояние, так и активный процесс, известны уже в XVI веке, в английском языке – в XVII веке (по-французски *civiliser, civilité*; по-английски *civilize, civility*)⁵⁴⁶. Кроме того, существовали понятия с другими корнями, но относящиеся к тому же семантическому полю⁵⁴⁷. Поэтому и в русском языке следует искать схожие более ранние лексические единицы, принадлежащие тому же семантическому полю.

Однако прежде нужно взглянуть на трудности, которые возникают при попытке воспроизвести историю понятийного поля цивилизованности и цивилизации в XVIII веке. Далее будут привлекаться различные группы текстов: исследование лексикографических источников необходимо для того, чтобы учесть уровень языковой нормы, а анализ лексики политики и бюрократии понадобится для рассмотрения общественно-политического уровня. В то же время исследованный корпус текстов нельзя рассматривать как окончательный или достаточный, но лишь как базу для дальнейших исследований. Кроме того, следует учитывать, что каждое понятие находится внутри семантического поля, которое также является изменчивым.

Наконец, сложность возникает в связи с тем, как происходит определение значения. Так, при исследовании понятий предполагается, что их смысл существует независимо от конкретного способа употребления и что способ употребления должен всегда соответствовать этому смыслу. Но в действительности определение смысла происходит при каждом употреблении лексической единицы новым сочетанием диспозиции и интенции, во-первых, с позиции говорящего, и во-вторых, с позиции круга адресатов или определенной ситуации, в контексте которой высказывание приобретает свое значение⁵⁴⁸.

Эти трудности следует иметь в виду далее, в разысканиях о появлении новых понятий и семантических полей в Петровскую эпоху. Характерной особенностью Петра I и его эпохи является импорт бесчисленных иностранных слов, заимствование новых понятий и тем самым формирование современной политико-социальной лексики русского языка⁵⁴⁹. В частности, более пристального внимания заслуживает провозглашение царя Петра I «Всероссийским императором» в 1721 году и связанное с этим переименование Московского государства в петербургскую «империю»⁵⁵⁰. Содержатся ли здесь какие-либо указания на искомое предметное поле? Выражались ли в этом помпезно обставленном шаге какие-либо глубокие перемены в восприятии себя и своего окружения, которые в то же время могли повлечь за собой последствия в политике, проводимой по отношению к нерусским подданным державы, и которые могли отразиться в лексике? Или речь идет лишь о демонстрации власти ради иностран-

⁵⁴⁶ Chartier. *Civilité*; Pernau. *Civility and Barbarism*. P. 240.

⁵⁴⁷ В немецком языке к ним относятся такие термины, как «учтивость», «вежливость», «хорошие манеры», и понятие «культура», которое впервые было онемечено Лейбницем и которое отражало в немецком языке лексико-семантическое поле, связанное с *civilité* во французском языке (и *civilis* в латинском). См., например, перевод полуофициального шведского памфлета, впервые написанного на латыни, согласно которому шведы поддались ложным надеждам, что царь приобрел «учтивый образ жизни» во время своего европейского путешествия (лат. *ad civilis vitae rationem*). [Hermelin.] *Discussio criminationum*, fol. A3 (5); dt. Übersetzung von 1701: *Gerechte Ablehnung Derer Lasterhaften Beschuldigung*, fol. A3–A4. См. также: Fisch. *Zivilisation*. S. 697, 704. – Широко распространенное понятие латинского языка *humanitas* (*humanité, humanity, «Humanitet»*) будет рассмотрено ниже.

⁵⁴⁸ Подробно о проблемах истории понятий см.: Chartier. *Civilité*. P. 7–12; Козеллек. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий.

⁵⁴⁹ Масштаб заимствования слов наглядно демонстрирует уже словарь иностранных слов в приложении к «Генеральному регламенту» об учреждении государственных коллегий // ПСЗРИ. Т. 6. № 3534 (28.02.1720). С. 160. Кроме того: *Christiani. Über das Eindringen von Fremdwörtern*; Смирнов. Западное влияние на русский язык; Огиенко. К вопросу об иностранных словах; *Kaiser. Der europäische Anteil*; Otten. *Untersuchungen*.

⁵⁵⁰ Полный титул, присвоенный Петру I, звучал: Отец отечества, Петр Великий, Император Всероссийский // ПСЗРИ. Т. 6. № 3840 (22.10.1721). С. 444–446, здесь с. 445; также № 3850 (11.11.1721). С. 453–454.

ного признания, которое должно было позволить царю трансформировать вновь завоеванный внешнеполитический авторитет после победы в Северной войне в устойчиво высокое положение по отношению к западноевропейским державам?⁵⁵¹ Какой смысл имело переименование для внутреннего состояния государства и для его имперской политической культуры? Кроме того, возникает вопрос: если царское государство только теперь назвало себя «империей», то чем в глазах современников оно являлось раньше?

Империя и цивилизованность

Р. Козеллек, инициатор направления в немецкой исторической науке, называемого «историей понятий», писал о работе историка, что при трансформации «пережитков» прошлого в источники он всегда находится на одном из двух уровней: или он исследует факты, которые ранее уже были облечены в текстовую форму, или он реконструирует факты, которым этот процесс только предстоит. Эти факты он извлекает из источников с помощью различных гипотез и методов. В первом случае понятия служили языку источника для описания прошедшей действительности. Во втором случае историк использует термины, сформулированные постфактум, которые употребляются несмотря на то, что их нельзя обнаружить в источниках⁵⁵².

При применении к российской державе понятия «империя» представляется особенно полезным проведенное Козеллеком различие между понятием, связанным с источником, и научной категорией познания. Действительно, обозначение «империя» в русских источниках до XVIII века практически не встречается. Только после провозглашения Петра I «императором» оно все чаще применяется для описания российского государства. И даже тогда, в первые десятилетия после номинального преобразования, это понятие еще не играло заметной роли в политическом языке элиты⁵⁵³.

Что можно говорить, исходя из нового обозначения, о характере Российской империи до 1721 года? Как показывает проведенное Козеллеком различие, явления или обстоятельства в истории вполне могут предшествовать своему языковому оформлению. Более позднее провозглашение себя «империей» отнюдь не исключает того, что такое государственное образование могло существовать ранее. Историография показывает, что понятие империи как категории научного познания используется в отношении Московского государства уже несколько десятилетий. По крайней мере, с появлением в 1991 году большого обзорного труда А. Каппелера «Россия – многонациональная империя» историки стали связывать начало Российской империи с завоеванием двух высокоразвитых в культурном отношении мусульманских государств – Казанского (1551–1552) и Астраханского ханств (1556)⁵⁵⁴.

Можно ли в отношении провозглашения правителя императором и, соответственно, в отношении объявления государства империей с учетом смысла, который эти обозначения накладывали на внутреннее устройство государства, говорить просто о неологизмах, введенных для приведения понятий в соответствие с существующими обстоятельствами? Для ответа на этот вопрос необходимо исследовать, какую семантику современники связывали с новым

⁵⁵¹ В литературе уже существует множество аналитических работ, посвященных присвоению *императорского* титула и его значению, см., например: *Marasina*. The Russian Monarch's Imperial Title; *Plokhy*. The Origins of the Slavic Nations. P. 283–289; *Погосян*. Петр I. С. 220–243; *Madariaga*. Tsar into Emperor; *Агеева*. Имперский статус России.

⁵⁵² *Козеллек*. «Пространство опыта» и «Горизонт ожиданий» – две исторические категории. С. 149–150.

⁵⁵³ *Ширле*. «Отечество». С. 156; *Она же*. Понятие «Россия»; *Агеева*. Имперский статус России. С. 112–140; *Погосян*. Петр I. С. 214–229 и 393–408.

⁵⁵⁴ *Каппелер*. Россия – многонациональная империя; *Kappeler*. Rußlands erste Nationalitäten; *Idem*. Vom Moskauer Fürstentum; *Hosking*. Russia; *Филошкин*. Проблема генезиса Российской Империи; *Norris, Sunderland* (Ed.). Russia's People of Empire.

понятием империи⁵⁵⁵. Если взглянуть на речи, с которыми выступали на торжественном вручении титула императора, оказывается, что почти ни один из центральных аспектов, которые *сегодня* обычно связывают с понятием империи (и вместе с тем с Московским государством с момента присоединения Казани и Астрахани), в сознании современников не играл никакой роли: в выступлениях внимание фокусировалось *не* на большой территории российского государства, не на полиэтничности или многоконфессионализме и даже не на многоступенчатости политико-территориальной организации и вытекающем отсюда большом количестве различных титулов правителя⁵⁵⁶. Вместо этого канцлер граф Гавриил Иванович Головкин в хвалебной речи Петру I превозносил великие военные заслуги царя, которыми тот приумножал славу и престиж российского государства, а также подчеркивал прочность и стабильность государства⁵⁵⁷.

Но Г. И. Головкин не остановился на дифирамбах славе, престижу, прочности и стабильности государства. В его речи появился новый аспект. Он может дать ключ к пониманию того, какая концепция в современном политическом мышлении верховной элиты сопутствовала провозглашению Петра I императором и связанному с этим переименованию государства в *империю*: Головкин отметил, что царь своими действиями вывел своих верных подданных «из тьмы неведения на театр славы всего света» и, таким образом, «из небытия в бытие». Если выразиться еще более конкретно, Петр ввел своих подданных «во общество политичных народов»⁵⁵⁸.

Международное право и «цивилизованность»

Новая категория и еще молодая лексическая единица русского языка, введенная Головкиным после детальной подготовки речи Священным синодом, Сенатом и окончательной обработки доверенным лицом императора П. П. Шафировым, – как раз и была категория цивилизованности⁵⁵⁹. Она противопоставлялась описанию прошлого, непосредственно предшествовавшего Петру, – «тьме неведения», граничащего с «небытием»⁵⁶⁰. Это дихотомическое противопоставление прежней тьмы нынешнему свету раскрывает новый, проникнутый идеями раннего Просвещения образ мышления. Оно позволяло не только различать две стадии, но и выделить в совокупности этнических групп, в соответствии с их государственной структурой, ту часть, которая состояла из «политичных народов», и ту, к которой относились народы, (еще) не принадлежавшие к этой группе⁵⁶¹. Кроме того, поскольку, по словам Головкина, российское государство только недавно достигло новой стадии, была высказана идея о том, что круг «политичных народов» не является закрытым обществом, но открыт для новых членов. Согласно такому представлению, «цивилизованность» являлась универсальной категорией, к

⁵⁵⁵ Подробнее о понимании концепции империи в период принятия титула *император* см.: *Погосян*. Петр I. С. 220–229.

⁵⁵⁶ Уподобление значения империи сегодняшнему пониманию империи как государственного образования с преимущественно высоким этническим и культурным плюрализмом произошло только при Екатерине II. См. об этом гл. 4.6.

⁵⁵⁷ ПСЗРИ (Серия 1). Т. 6. № 3840 (22.10.1721). С. 445–446.

⁵⁵⁸ Там же. – О понимании современников и о переводе понятий *политичный* как «цивилизованный» см. далее.

⁵⁵⁹ Протоколы заседаний Святейшего синода – особенного и общего с Сенатом – о поднесении Царю Петру Алексеевичу титула: Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского // Описание документов. Приложение. Ст. 452–458.

⁵⁶⁰ Дихотомия «темного» и «светлого» соответствовала концептуальному противопоставлению «старой» и «новой» российской державы, введенному при Петре I. *Стенник*. Идея «древней» и «новой» России. – Другие свидетельства легких метафор при Петре I см.: *Mediger*. Mecklenburg, Rußland und England-Hannover. Bd. 1. S. 163–168; Bd. 2. S. 61–64. – Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский усматривают в дуальных моделях мышления характерную черту русской культуры, которая нашла свое выражение как в источниках о христианизации Руси, так и в восприятии петровских реформ их современниками. *Лотман, Успенский*. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры. С. 24–28.

⁵⁶¹ Хотя влияние раннего Просвещения, несомненно, можно обнаружить в Петровскую эпоху, спорно, что самого Петра I можно назвать представителем этого интеллектуального течения. Одна из критических позиций: *Schippan*. Sozialgeschichte, Religion und Volksaufklärung. S. 346–347; *Idem*. Die Aufklärung in Russland. S. 40–41.

которой могла приблизиться любая (имеющая признаки государства) этническая группа, приложив для этого определенные усилия.

Наиболее ранние свидетельства употребления еще нового понятия *политичный*, которое Головкин использовал как кодовое слово для выражения своих дуалистических взглядов, можно найти в контексте трансфера политических идей, понятий и концептов, проникших в Московское государство через Речь Посполитую и гетманскую Украину в конце XVII века⁵⁶². В начале XVIII века при Петре I российская политическая элита стала использовать это понятие для характеристики как целых этнических групп, так и отдельных лиц⁵⁶³. Причем слово «политичный» обозначало стремление к благородным манерам, вежливости, эрудиции, а также владение утонченными нравами и дипломатическим этикетом, принятыми в (Западной) Европе⁵⁶⁴. В этой трактовке отражалось заимствование западноевропейских образцов поведения в том виде, в котором они сформировались в Европе в эпоху Возрождения как аристократический идеал добродетели и придворного этикета, ориентировавшихся на упомянутые стандарты⁵⁶⁵.

Но с чем ассоциировалось у Петра I и его сподвижников выражение «политичные народы»? Ни один труд не даст более полного представления об этом, чем трактат, написанный еще несколькими годами ранее как раз тем сподвижником Петра I, который занимался окончательной редакцией речи для провозглашения царя императором, П. П. Шафировым⁵⁶⁶. После совместной поездки в Западную Европу, в которой Шафиров сопровождал Петра I в качестве переводчика, он благодаря своим выдающимся способностям оказался в ближайшем окружении царя. В 1717 году царь назначил его вице-канцлером Коллегии иностранных дел⁵⁶⁷. В том же году Шафиров по просьбе Петра I написал чрезвычайно важный труд, который царь впоследствии собственноручно отредактировал и дополнил. Занимающее две страницы название (здесь в сокращенной версии) звучит следующим образом: «Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 имел»⁵⁶⁸.

⁵⁶² Польское выражение звучало как *polityczny*. В русском написании это слово встречается в «славянском» переводе в хронике епископа Павла Пясецкого, который, по мнению редактора хроники, являлся выходцем из гетманской Украины. Смутное время. С. 69; *Ottén. Untersuchungen*. S. 459. A. 1497. – Образованный хорват Юрий Крижанич, который потерял расположение царя и был сослан в Тобольск, также использовал этот термин в нескольких своих сочинениях, в том числе в книге: Толкование исторических пророчеств [1674]. *Крижанич*. Собрание сочинений. Т. 2. С. 54; Русское государство. С. 146; *Киселев*. От «политичного» к «просвещенному». С. 2. – О трансфере идей, терминов и понятий из Польши – Литвы через гетманскую Украину в Московскую империю см.: *Törke. Moskau und sein Westen*; *Харламович*. Малороссийское влияние; *Rothe. What Is the Meaning of «Rossijski»; Kaiser. Der europäische Anteil*. S. 86.

⁵⁶³ В качестве примера употребления термина в значении «вежливый», «благовоспитанный» применительно к отдельным лицам см. письмо А. А. Матвеева к Г. И. Головкину от 11.04.1707 // ПиБ. Т. 5 (январь – июнь 1707). С. 437 («чтоб были при нем люди выборные, политичные и освидетельствованные в честном и в постоянном житье»); Письмо Г. И. Головкина И. А. Мусину-Пушкину от 28.02.1707 // Описание документов. Кн. 8. С. 163 («с которыми дабы тамошней архиерей мог обходиться по пристойности политично к чести и к славе Российского государства»); *Киселев*. От «политичного» к «просвещенному». С. 3, 5. – Тесная связь концепции цивилизации отдельного человека с концепцией цивилизации целого сообщества обнаруживается как в европейской, так и в азиатской культуре. *Pernau, Jordheim*. Introduction. – С другой стороны, точкой отсчета в появившемся позднее понятии *civilisation* почти всегда является коллектив. *Fisch. Zivilisation*. S. 718.

⁵⁶⁴ Петр Алексеевич Толстой использовал этот термин для обозначения венецианцев во время своего пребывания посланником в Италии (1697–1699). [Толстой.] Путешествие. С. 24; Русский посол в Стамбуле. С. 40. – В инструкциях, которые Толстой получил в качестве русского посла для общения с иностранными министрами в Константинополе, также содержался новый термин в его значении вежливости: «с чужестранными министрами обходиться политично» // Тайные статьи, данные Петру Андреевичу Толстому // ПиБ. Т. 2 (1702–1703). С.-Петербург, 1889. № 419 (01.04.1702). С. 30–34, здесь с. 34.

⁵⁶⁵ О постепенном усвоении «цивильных» манер через овладение эмоциями см.: *Элиас*. О процессе цивилизации. Т. 2; а также его критика: *Senghaas. Zivilisierung wider Willen*; *Schwerhoff. Zivilisationsprozeß und Geschichtswissenschaft*; *Schnell* (Hg.). *Zivilisationsprozesse*. S. 3–20.

⁵⁶⁶ О роли Шафирова в написании текста о присвоении титула императора см.: *Погосян*. Петр I. С. 222–225.

⁵⁶⁷ *Lichač. Šafirov*. P. 42; *Butler. Shafirov*.

⁵⁶⁸ *Шафиров*. Разсуждение какие законные причины. – Немецкий перевод вышел в 1722 году. О различных изданиях полемиического сочинения, а также о редакторской работе Петра I и написании им заключения см.: *Пекарский*. Наука и лите-

Совместный труд о Северной войне

Речь идет о полемическом сочинении, цель которого состояла в том, чтобы доказать, во-первых, что российское государство действовало законно, развязав (Великую Северную) войну со Швецией в 1700 году, во-вторых, что война длилась так долго по вине самой Швеции, и в-третьих (это самое главное), что держава вела войну «по правилам христианских и политичных народов»⁵⁶⁹. Здесь также встречается упоминание о принадлежности российского государства к «политичным народам» – разумеется, в гораздо более развернутом виде, чем три года спустя в условиях провозглашения Петра I императором.

Публикация вышла под именем Шафирова (и, таким образом, не представляла собой официальной декларации) и в отличие от прежних меморандумов, составленных на русском языке, не была адресована другим правительствам, поэтому некоторые расценивают ее как первый письменный международно-правовой документ и, следовательно, как начало дисциплины международного права в российском государстве⁵⁷⁰. Другие видят в ней прежде всего попытку установления политико-территориальных притязаний российского государства в рамках международной политики на заключительном этапе Северной войны⁵⁷¹. Третьи не признают труд международно-правовым документом и рассматривают его исключительно как полемическое сочинение, а также как типичный пример распространенной в то время в Европе формы политической легитимации войн⁵⁷².

В действительности в работе можно выделить несколько уровней смыслов, так что не стоит рассматривать ее либо в том, либо в ином конкретном ключе. Скорее полемическое сочинение Шафирова (и Петра) представляет собой пример поддерживаемой царем начавшейся в начале XVIII века трансформации российского политического дискурса и является документом международно-правового и выдающегося политико-пропагандистского значения⁵⁷³. Никогда прежде ни один представитель российского государства не составлял исторического оправдания войнам, которые велись против других держав. Шафиров вникал в подробности истории дипломатических отношений Швеции и Московского государства и тем самым, как само собой разумеющееся, ставил Российскую империю в ряд европейских государств. Более того, в своем изложении российской точки зрения, согласно которой шведская сторона нарушала международное право, тем самым вела себя как неполитичный народ и не оставляла российской державе возможности избежать войны, он придерживался традиции европейских трактатов по легитимации войн⁵⁷⁴. Как уже давно стало рутинным в рамках подобной легитимизации в

ратура. Т. 2. С. 392–394. Английская версия была подготовлена и издана У. Э. Батлером: *Shafirov. A Discourse Concerning the Just Causes*. – Предложение составить подобный текст царь, очевидно, получил от своего посланника Федора Степановича Салтыкова, находившегося в Лондоне. *Грабарь*. Материалы к истории. С. 71.

⁵⁶⁹ Это ключевое указание содержится уже в названии сочинения Шафирова – «Разсуждение какие законные причины <...> Петр Первый <...> имел <...> и с которой воюющей страны та война по правилам христианских и политичных народов более ведена». С.-Петербург, 1717 (*курсив Р. В.*).

⁵⁷⁰ *Грабарь*. Первая русская книга; *Он же*. Материалы к истории. С. 70, 77. – К международно-правовым сочинениям его относят также *Butler. On the Origins of International Legal Science*; *Idem*. Р. Р. Šafirov. Р. 1. – Другие труды, значимые с точки зрения международного права, были написаны дипломатами Ф. С. Веселовским и М. П. Бестужевым-Рюминым. Однако они были адресованы непосредственно английскому правительству.

⁵⁷¹ *Wittram*. Peter I. Bd. 2. S. 296–300, 576. Fn. 51; *Фейгина*. Аландский конгресс. С. 83–89.

⁵⁷² *Piirimäe*. Russia, The Turks and Europe. P. 64; *Mälksoo*. The History of International Legal Theory in Russia. P. 217.

⁵⁷³ О том, какое большое значение придавал изданию сам Петр I, свидетельствует не только тот факт, что он лично принимал участие в его написании и редактировании. Это проявилось и в том, что третье русское издание было отпечатано им в поразительном и для того времени совершенно необычном количестве – 20 000 экземпляров. Это число намного превышало количество умевших читать жителей империи. *Butler*. Р. Р. Shafirov. Р. 32. – Обычно в Петровскую эпоху печаталось от одной до двух тысяч или даже несколько сотен экземпляров произведения политического или исторического содержания. *Луппов*. Книга в России; *Piirimäe*. Russia, The Turks and Europe. P. 65; *Marker*. Publishing. Ch. 1. P. 26, 36–38.

⁵⁷⁴ *Шафиров*. Разсуждение какие законные причины. Предисловие. С. 2. – Понятие легитимности войны было введено

остальной Европе, российское государство впервые утверждало, что оно полностью соблюло нормы международного права и не предпринимало никаких действий, не соответствующих международному кодексу поведения сообщества государств⁵⁷⁵.

Почему Шафиров и царь вдруг так активно стали ссылаться на международное право? До сих пор оно не играло никакой роли для Московского царства. Западноевропейские дебаты XVII века о концепциях так называемого естественного права и о разработке норм международного права не воспринимались российским государством. Широко распространенное среди московских государственных и церковных лидеров недоверие к иностранному влиянию препятствовало проникновению западных текстов и работе с ними⁵⁷⁶. В заимствовании западных норм пока не видели и необходимости. Существовала внутривластная культура, фактически ориентированная на критерий милости и немилости правителя. Существовали взятые из христианской традиции правила и обычаи во взаимоотношениях с другими государствами. Например, после присяги в форме целования креста условия договора необходимо было соблюдать до тех пор, пока были живы обе стороны договора⁵⁷⁷. Существовали понятия о том, что являлось подобающим в отношениях друг с другом и что «в государствах не только в христианских, и в мусульманских не бывает» (1613)⁵⁷⁸. Нарушение традиционных норм поведения, согласно которым, дары в рамках посольских визитов в принципе не облагались налогом, клеймили как «нравы зверские» (1667)⁵⁷⁹. Но принципиальное представление о том, что государство разделяет единую систему ценностей с другими странами, находится в одном сообществе с общими международными правовыми отношениями или же что у себя в стране оно оценивает различные этнические группы не только с точки зрения их вероисповедания, было глубоко чуждо Московскому государству⁵⁸⁰.

Только Петр I благодаря помощи выпускников Киево-Могилянской коллегии (с 1701 года академии) перевел наиболее значимые тексты зарождающегося международного права; например, при нем были переведены тексты Гуго Гроция, Самуэля фон Пуфендорфа и Авраама де Викфора⁵⁸¹. О том, какие новые пути открыли эти переводы, свидетельствует вопрос, вставший перед переводчиками: как переводить на русский язык термин «международное право» – всенародные права, всенародные правила или всенародный закон?⁵⁸² Кроме того, большинство переведенных международно-правовых текстов при жизни Петра хранились исключительно в рукописной форме в библиотеках правящей российской элиты и были опубликованы только после смерти царя. Публикация Шафирова (и Петра I), которая не только была составлена на уровне работ западноевропейских ученых, но и напрямую ссылалась на отдельные труды и авторов, продемонстрировала не только глубокие знания и компетентность,

Конрадом Репгеном: *Repgen. Kriegslegitimationen in Alteuropa*.

⁵⁷⁵ Шафиров. Разсуждение какие законные причины. Предисловие. С. 2. – Швеция использовала совершенно тот же подход для своей легитимизации войны при вмешательстве в Тридцатилетнюю войну. *Piirimäe. Just War in Theory and Practice*.

⁵⁷⁶ Вероятно, единственным исключением и, таким образом, первой работой на русском языке, посвященной международному праву, была работа Иоганна Якоби фон Вальхаузена об искусстве и законности ведения войны, написанная на немецком языке в 1615–1617 годах и опубликованная в русском переводе в 1647 году. Известно, что эта книга находилась в личной библиотеке русского географа и политического деятеля И. К. Кирилова. *Butler. Russian Law*. P. 24.

⁵⁷⁷ Грабарь. Материалы к истории литературы международного права в России. С. 20.

⁵⁷⁸ Заозерский. К характеристике Московской дипломатии. С. 349; Грабарь. Материалы к истории. С. 18.

⁵⁷⁹ Древняя российская вивлиофика. Т. 3. 1895. Ч. 5. С. 44; Грабарь. Материалы к истории. С. 19.

⁵⁸⁰ Особенно ярко это проявилось в том, что нерусские народы востока и юга не рассматривались с негативной точки зрения, а принимались в своей инаковости, если они проявляли послушание. *Slezkine. The Sovereign's Foreigners*.

⁵⁸¹ Были переведены труды Гуго Гроция о международно-правовых нормах ведения войны и праве мира («De jure belli ac pacis»), Самуэля Пуфендорфа – о естественном праве и международном праве («Juris naturae et gentium, libri octo»), а Авраама фон Викфорта – о послах и их функциях («The Ambassador and his Functions»). Грабарь. Материалы к истории литературы международного права в России. С. 40–44. – Перечень наиболее важных переводов из всех наук в петровский период см.: Пекарский. Наука и литературы. Т. 1. С. 255–257. Примеч. 2.

⁵⁸² Грабарь. Материалы к истории литературы международного права в России. С. 77.

с учетом изложенных предпосылок. Прежде всего, ее эффект трудно переоценить, и здесь кроется значение этого труда для международного права: отныне (западно)европейские юридические термины и концепции юридического дискурса получили широкое распространение и проникли в русское законодательство и дипломатическую переписку⁵⁸³.

Но почему царь уделял столько внимания распространению международно-правовой литературы и чего он хотел добиться посредством трактата Шафирового и его аргументов в пользу того, что Русское государство действовало в соответствии с нормами международного права? Из формулировки, согласно которой Швеция, нарушив нормы международного права, действовала как «неполитичный народ», следует, что ключ к разгадке кроется в тесном переплетении представлений о цивилизованности в том виде, в котором они преобладали в современной Западной Европе, с соблюдением норм международного права. Дискурс цивилизованности возник в Западной Европе в ответ на проблему, как определить, какие страны заслужили признания как субъекты международного права⁵⁸⁴.

Центральная категория цивилизованности в латыни конца XVII века редко обозначалась словом *civilitas*, чаще использовались понятия *cultus* и *cultura*, которые (включая политические компоненты, которые ранее содержало понятие *civilitas*) все чаще заменяли выражение *vita civilis*⁵⁸⁵. Во французском и английском языках доминировали *civilité* и *civility*, с конца XVII века все чаще встречались *humanité* или *humanity*, в немецком языке на первом месте стояли слова *Cultur* и *Humanitet*⁵⁸⁶. Признание государств субъектами международного права зависело (помимо вопроса о суверенитете и монополии на применение силы) от того, считались ли они цивилизованными. Имелось в виду, готовы ли они (и способны) соблюдать нормы международного права (возникшего во взаимосвязи с западнохристианской теологией)⁵⁸⁷.

Как убедительно показал Пяртель Пииримаяэ, именно в этом вопросе Османская империя в конце XVII века образовала противовес европейскому сообществу государств и европейской общественности, осознававших свои общие христианские корни и все более утверждавшихся в своем единстве: в то время как (западно)европейские правители начиная со Средневековья считали нужным сообщать своему противнику о причинах войн, которые они вели, и – после изобретения печатного станка – еще и обнародовать их, и ученые считали эту процедуру частью развивающегося международного права, с точки зрения Османской империи не было необходимости ни в объявлении направленной против христиан войны, ни в оправдании нападения на них⁵⁸⁸. Скорее такое поведение противоречило бы исламской концепции мира, в котором

⁵⁸³ Там же. – О значении переводов, в результате появления которых впервые сформировались эквиваленты терминов и понятий, см.: Richter, Burke (Ed.). Why Concepts Matter; Pernau. Whither Conceptual History?

⁵⁸⁴ Мартин Уайт, однако, справедливо подчеркивает, что концепцию «международной легитимности», которая заключается в коллективном суждении международного сообщества о правильности членства в «семье» государств, в принципе следует отделить от концепции международного права как системы норм и принципов, которая развилась из практики государств с намерением регулировать их отношения и смягчать конфликты. Wight. Systems of States. P. 153–158.

⁵⁸⁵ Пуфендорф много говорит о *cultura*, но также и о «политичных народах» (*politiorum populorum*). Pufendorf. De statu hominum naturali (1675) // Idem. Eris scandica. S. 218. § 2; Fisch. Zivilisation. S. 703.

⁵⁸⁶ Например, де ла Нёвиль, который в 1689 году ездил в Москву по поручению польского короля, в своем докладе от 1699 года обвиняет московитов в том, что они не знают ни *civilité*, ни *honnêteté*, нарушают международное право и продолжают оставаться «варварами». De la Neuville. Relation curieuse. P. 22. – Латинское *humanitas* было впервые введено в немецкий разговорный язык в XVI веке в форме «Humanitet». В XVII веке из последнего образовалось «Humanität» (гуманность, человечность, человеколюбие). Bödeker. Menschheit, Humanität, Humanismus. S. 1069–1074. – Аналогичное включение в разговорные языки произошло во французском и английском. Duranton. Humanité; Jan. Humanity; Schalk. Humanitas im Romanischen; Krings. Die Geschichte des Wortschatzes der Höflichkeit. – О распространении концепции *Humanity* с XVI века см., в частности: Grigore. Humanism and its Humanitas; а также: Delgado. «All People Have Reason and Free Will».

⁵⁸⁷ Gong. The Standard of «Civilization». P. 24–35. – По этой теме см. также обобщающее исследование Fisch. Die europäische Expansion und das Völkerrecht. S. 246–265.

⁵⁸⁸ Указание причин служило (западно)европейским государствам для выполнения трех минимальных условий, которые, согласно теоретикам международного права от Фомы Аквинского до Гуго Гроция, должны быть соблюдены для «справедливой войны» (*bellum iustum*): *recta auctoritas* (война должна вестись законной властью), *iusta causa* (причины должны быть вес-

мусульманские государства по определению находятся в постоянном состоянии войны с немусульманскими государствами⁵⁸⁹. Даже если на практике конфронтация господствовала гораздо в меньшей степени, чем это утверждалось на идейно-религиозном уровне, с точки зрения европейских государств отсутствия публичной легитимации войн было достаточно, чтобы воспринимать себя как «цивилизованных», а турок – как «варваров»⁵⁹⁰.

На этом фоне полемическое сочинение Шафирова и Петра I несло центральный посыл, который возвышался над всеми остальными уровнями смысла: в отличие от османов, российское государство отныне должно быть причислено к кругу тех, кто соблюдает нормы международного права. Исключение россиян из (западно)европейского союза (латинского) христианского мира нужно было преодолеть, предрассудки опровергнуть и, в частности, навсегда покончить с польской, ливонской и шведской пропагандой против «тиранических и варварских русских»⁵⁹¹. Тщательное изучение норм международного права, вся аргументация, согласно которой российская держава также действовала в соответствии с ним при ведении войны, и, следовательно, одобрение этой столь новой для царской империи нормативно-концептуальной структуры было подчинено конкретной цели. В этом заключался глубоко политический характер полемики: дать понять как отечественному, так и западноевропейскому общественному мнению, что российскую державу нужно причислить не только к сообществу христианских государств, но, прежде всего, к «цивилизованным народам»⁵⁹².

Политичный

Столь часто применявшееся ключевое слово *политичный* было широко распространено среди российской элиты, чему немало способствовало его использование канцлером Головкиным во время присвоения Петру I титула императора. Гавриил Бужинский также использовал его в своем переводе введения к «Истории европейской» Самуэля фон Пуфендорфа, где пере-

кими, например самооборона или возвращение украденного имущества), *recta intentio* (уважительная причина не может быть использована в других целях, например для завоевания). *Haggenmacher*. Grotius; *Holmes*. On War and Morality. Ch. 4; *Russell*. The Just War; *Tuck*. The Rights of War and Peace; *Neff*. War and the Law of Nations; *Reppen*. Kriegslegitimationen in Alteuropa. S. 27–49; *Piirimäe*. Russia, The Turks and Europe. P. 66–76.

⁵⁸⁹ *Khadduri*. War and Peace in the Law of Islam; *Johnson*. The Holy War Idea. P. 601–668; *Neff*. War and the Law of Nations. P. 41; *Imber*. Ideals and Legitimation.

⁵⁹⁰ В недавних исследованиях подчеркиваются элементы, общие в практике османов и «Запада», а также османский прагматизм в отношениях с христианскими государствами. *Goffman*. The Ottoman Empire; *Faroghi*. The Ottoman Empire. – Пиirimäe, однако, упрекает Фарокхи в преувеличении идеологического сходства. *Piirimäe*. Russia, The Turks and Europe. P. 71. Fn. 30. – Восприятие турецких обычаев как «варварских» и противопоставляемых «цивилизованным» нравам (западных) европейцев было не только сформулировано вышеупомянутым русским посланником Петром Толстым в: Русский посол в Стамбуле. С. 40, но и нашло свое выражение в самом сочинении Шафирова («Варварам туркам»). *Шафиров*. Разсуждение какие законные причины. С. 35.

⁵⁹¹ Шафиров прямо ссылается на негативное суждение, высказанное Пуфендорфом о «России» в «Введении в историю» европейских государств. *Шафиров*. Разсуждение какие законные причины. С. 74. – Пуфендорф начинает главу «Природа россиян» сокрушительными словами: «О нравах и о разуме народа Российского ничтоже воспоминати имеем, еже бы с великою их славою сопряжено было, ниже бо россияне тако суть устроены и политичны якоже прочии народи Европейский» (пер. по: *Пуфендорф*. Введение в Гисторию европейскую. 1718. С. 407. – М. Б.). *Pufendorf*. Einleitung zu der Historie. S. 715. – В целом о европейском восприятии Московского царства, которое в основном было создано антироссийской пропагандой западных и северных соседей (Польша, Ливония, Швеция): *Klug*. Das «asiatische» Rußland; *Osterrieder*. Von Tyrannen und Barbaren; *Kappeler*. Ivan Groznyj; *Scheidegger*. Ein Ost-West Konflikt der Vormoderne. – «Ориентализация» Востока и приписывание ему культурной неполноценности продолжались в конце XVIII и XIX веке на основе идей Просвещения о прогрессе. *Wolff*. Inventing Eastern Europe.

⁵⁹² Не случайно атрибуты «христианский» и «цивилизованный» напрямую связаны в тексте Шафирова. Все сходится в том, что это его утверждение является наиболее важным. *Cracraft*. The Petrine Revolution. P. 186; *Mäklsoo*. The History. P. 211–232; *Piirimäe*. Russia, the Turks and Europe. P. 66. – Таким образом, благодаря триаде международного права, христианства и цивилизованности уже с начала XVIII века существовала идеальная основа для понимания цивилизаторской миссии, которая сформировалась в Европе в 1830-х годах и была описана Ю. Остерхаммелем как «викторианская цивилизаторская миссия», существовала уже в начале XVIII века. В соответствии с этим международное право стало «стандартом цивилизации общего применения». *Osterhammel*. Europe, the «West» and the Civilizing Mission. P. 19.

вел нелестный отрывок, согласно которому русские были не такими культурными и цивилизованными, как другие европейские нации, не такими «устроенными» и «политичными» (в латинском подлиннике *exculiti & politi*), в то время как в немецком тексте это было переведено одним словом *Cultur*⁵⁹³. В выполненном в 1722 году переводе полемического сочинения Шафирова (и Петра I) на английский язык выражение «политичные народы» было переведено как *civilized Nations*⁵⁹⁴. Словосочетание «политичные народы» в отрывке о провозглашении Петра I императором в 1721 году было переведено на немецкий язык как *policirten Völkern* и тем самым напоминало о большом сходстве, наблюдаемом между словами «политичный» и *Policierung* в значении «культуры, цивилизованности, порядка», что являлось и одним из аспектов немецкого понятия *Policey*, которое в свою очередь было связано с французским *policité*, *politesse*⁵⁹⁵. В 1731 году слово «политичный» было включено в «Немецко-латинский и русский лексикон» («*Deutsch-Lateinische- und Russische Lexicon*»), где оно было переведено на немецкий язык как «ученый/цивилизованный» (*gelernt/zivilisiert*)⁵⁹⁶.

В других работах слово «политичный» оставалось тесно связанным с его параллельным образованием «политически» или «политический» и ассоциировалось с поведением человека, способного соблюдать правила и нормы общества⁵⁹⁷. В семантике «добрых нравов» или «цивилизованности» в конце XVII – начале XVIII века иногда встречается и использование соответствующего существительного «политика»⁵⁹⁸. Петр Васильевич Постников, первый русский врач, получивший ученую степень, который, являясь выпускником Киево-Могилянской академии, овладел несколькими иностранными языками и переписывался с Петром I, использовал понятия «политика» и «политикоразумный» уже в 1696 году⁵⁹⁹. Ф. С. Салтыков, российский посол в Лондоне, в своем письме Петру I от 1713 года также использовал термин «политика», правда, в значении, которое, вероятно, никогда ранее не встречалось во внутрироссийском контексте.

Салтыков советовал некрещеным татарам, черемисам и мордве в российской державе, чтобы они «навыкали всякой *политике* в обхождениях их закона, что их привести в такое состояние как и наши народы»⁶⁰⁰. Таким образом, Салтыкова можно считать одним из пионе-

⁵⁹³ *Pufendorf*. *Introductio ad Historiam*. S. 688; *Idem*. *Einleitung zu der Historie*. S. 715. – Перевод на русский язык был опубликован Гавриилом Бужинским уже в 1718 году. *Пекарский*. Наука и литература. Т. 1. С. 326 (также здесь цитаты на русском языке).

⁵⁹⁴ [Shafirov.] *A Discourse*. P. 240. – Перевод на немецкий, важнейший язык политической полемики в Северной Европе в то время, состоялся сразу после публикации в Российской империи. Пииримяэ предполагает, что решение о последующем переводе на английский язык вместо латыни и французского было связано с растущей озабоченностью англичан русским присутствием в Остзейских губерниях. *Piirimäe*. *Russia, The Turks and Europe*. P. 64.

⁵⁹⁵ «*Policiert*»/«*poliziert*» и глагол «*policiren*» восходят к латинскому *policia* (от *polire*, выравнивать, гладить). *Wittram*. *Peter I*. Bd. 2. S. 607. Fn. 467; *Schierle*. *Semantiken des Politischen*. S. 229; *Maier*. *Die ältere deutsche Staats- und Verwaltungslehre*. S. 102–103; *Grimm, Grimm* (Hg.). *Deutsches Wörterbuch*. Bd. 7. Art. «*polizei*».

⁵⁹⁶ Немецко-латинский и русский лексикон. С. 474.

⁵⁹⁷ Царь сам использовал слово *политически* в смысле «хорошие манеры» в письме к Ф. А. Головину // *ПиБ*. Т. 3. СПб., 1893. № 724 (23.09.1704). С. 160–161, здесь с. 161. – И. Ширле также указывает на то, что параллельные образования *политичный* и *политический* в первой половине XVIII века не всегда четко отличались друг от друга. Только в последней трети данного столетия *политический* стал использоваться в значении «искусства управления государством», в то время как *политичный* в конце века имел негативный оттенок и ассоциировался с хитростью и коварством. *Schierle*. *Semantiken des Politischen*. S. 226–247, здесь s. 230; *Петрова*. Прилагательные на -ический. С. 155. – О негативной коннотации понятия *политичный* в конце XVIII века см.: *Словарь Академии Российской*. Т. 4. Ст. 966.

⁵⁹⁸ *Otten*. *Annotationen*; *Christiani*. *Über das Eindringen von Fremdwörtern*. S. 17.

⁵⁹⁹ См. письма Постникова к Петру I за 1696 и 1699 год // Бычков. Новые материалы. С. 47, 48, 50.

⁶⁰⁰ [Салтыков.] Пропозиции Федора Салтыкова [1713]. С. 27. – Использованная обоими лексика не была случайной: Салтыков тесно общался с процитированным выше врачом П. В. Постниковым. *Koch*. *Deutsch als Fremdsprache*. S. 174. – Уже в 1660-х годах Григорий Котошихин, находясь в шведской ссылке, описывал трудности брака русских принцесс и принцев с иностранными принцами или князьями и отмечал, что первые не знали ни языков других государств, ни их *политики* («иных государств языка и политики не знают»). В данном случае напрашивается перевод с помощью понятий «обычай, нравы». Я благодарю Глеба Казакова за это указание. *Котошихин*. О России. С. 17. – Параллельно с вышеупомянутым значением

ров российской имперской элиты, создаваемой Петром I, которая не только была убеждена в цивилизованности собственного коренного населения, но и к тому же на основе этого убеждения призывала к цивилизованию других. Базовым для этого являлось разграничение Салтыковым коренного русского или аккультурированного русского населения («наши народы»), с одной стороны, и нехристианских этнических групп собственного государства (татар, черемисов, мордвы), с другой.

Последние, по его мнению, нуждались не только в изменении веры, но их необходимо было привести «в такое состояние», в котором уже находились «русские» и аккультурированные ими этнические группы. Таким образом, Салтыков был одновременно и одним из первых, кто связывал цель цивилизования с целью *ассимилирования*. «Иноземные подданные» должны были не только лишиться своей «дикости» и войти в русскую православную веру, но и «обрусеть», чтобы в итоге «они воплощены были с нашим народом вместе»⁶⁰¹. Цивилизование и ассимиляция рассматривались как две стороны одной медали⁶⁰².

Humanitas – людскость

С петровским преобразованием русской политической лексики и введением дискурса «цивилизованной» державы в языковой практике появилось другое, гораздо более значимое для последующих десятилетий наступившего века существительное, обозначавшее «цивилизованность». Это было понятие, соответствующее распространенному современному латинскому понятию *humanitas* или его переводам на английский (*humanity*), французский (*humanité*) и немецкий языки (*Humanität*, *Humanität* или *Menschheit*, *Menschlichkeit*)⁶⁰³. Подобно тому, как в случае с понятием *политичный*, польское словообразование, которое базировалось на славянском эквиваленте латинского корня, оказало влияние на позднее формирование русского языка при трансфере через гетманскую Украину, такой же процесс произошел и с польским эквивалентом *humanitas*, а именно *ludzkość*. От него в начале XVIII века в русском языке образовались понятия *людскость* или *людскость*⁶⁰⁴.

Польские и украинские лексиконы свидетельствуют о том, что слово в польско-украинском языковом пространстве уже с XVI века употреблялось, во-первых, в значении «доброты», «человечности» и «щедрости» и, во-вторых, в значении «культуры нравов», «изысканного тона» и «образования» (*ludzkość*, укр. *людскость*)⁶⁰⁵. С такой семантикой понятие вполне соответствовало современным вариантам значения латинского *humanitas*, а также раннему смыс-

уже при Петре I *политика* была тесно связана с государством и государственным управлением. Так, к юридической кафедре, учрежденной в Академии наук в 1724 году, наряду с этикой и естественным правом, относилась наука «политика». ПСЗРИ (I). Т. 7. № 4443 (28.01.1724). § 15. Пг. 1. С. 220–224, здесь с. 223. – О дальнейшем применении *политики* в XVIII веке см.: Müller. Soziale Termini. S. 437.

⁶⁰¹ [Салтыков.] Пропозиции Федора Салтыкова [1713]. С. 27–28.

⁶⁰² См. также обзор дискурсов, посвященных ассимиляции и русификации в XVIII веке, в заключении к данной работе.

⁶⁰³ Немецкие термины «Menschheit» (древнегерманский «mennigskait», средне немецкий «menscheit») и «Menschlichkeit» (оба переводятся как «человечность, гуманность») параллельно сосуществовали с XIV века и обозначали два оттенка смысла «природы» человека: с одной стороны, естественное видовое понятие в противовес его антонимам «звероподобность» (Tierheit) и «божество» (Gottheit), с другой стороны, цель и задачи, которым человек подчиняет самого себя (предназначение человека для человечества). Количественно-коллективное значение «человечества» в смысле совокупности всех человеческих существ появилось только в конце XVIII века. Bödeker. Menschheit, Humanität, Humanismus. S. 1063–1064.

⁶⁰⁴ Колебания между вариантами слов *людскость* и *людскость* отражают тот факт, что термин все еще был недостаточно лингвистически стандартизирован, что также проявляется в его позднем включении в лингвистические лексиконы. Значение термина в лексиконах см. ниже. Общие сведения о введении обширной новой терминологии см.: Cracraft. The Revolution of Peter the Great. P. 278 f.; Биржакова, Кутина (ред.). Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 171–174.

⁶⁰⁵ Słownik Polszczyzny XVI wieku. Bd. XII. P. 402–204. – Существует также много свидетельств использования понятия *людз(с)кость* в среднеукраинском/среднерусинском языках в «раннее Новое время». Я благодарю Михаэля Мозера за консультацию по Картоотеке Института украиноведения им. И. Крипьякевича во Львове, а также за информацию в: Тимченко. Материалы до словника.

ловому содержанию понятия *civilitas*⁶⁰⁶. Однако в то время как понятие *civilitas* с конца XVI века все больше сводилось исключительно к значению простой вежливости и связь с государством и гражданином постепенно исчезла, французские понятия XVI века *civiliser*, *civilisé* и английское понятие XVII века *to civilize* значительно расширили свое значение в смысле противопоставления цивилизованного и нецивилизованного образа жизни, цивилизованных и нецивилизованных этнических групп⁶⁰⁷. Начиная с эпохи Возрождения и развития различных народных разговорных языков, понятию *humanitas* также приписывали значение «хороших манер», «вежливости» и «обходительности» как в индивидуальной, так и в общественно-политической сфере, его употребляли в отношении как отдельных лиц, так и целых этнических групп⁶⁰⁸. В XVIII веке термины *humanité*, *humanity*, *Humanitet* даже стали центральными понятиями Просвещения. Не в последнюю очередь они позволяют установить связь между идеей мирового сообщества, с одной стороны, и цивилизационным прогрессом, являвшим собой всеобщий идеал, с другой⁶⁰⁹.

Однако в российском государстве понятие *людскость* появилось только при Петре I. Введение этого понятия в значении скромности, вежливости, воспитания, хорошего поведения в обществе было тесно связано с намерением царя установить для собственного населения новый кодекс поведения⁶¹⁰. Этот социально-общественный оттенок значения *людскости* в начале XVIII века историк О. Л. Беличенко в своем исследовании о детстве обобщил следующим образом:

Вхождение в светское общество требовало от дворянина не столько учености, сколько умения соответственно себя вести, определявшегося тогда словом «людскость». Танцы, фехтование, навыки езды верхом и знание того, как быть обходительным и галантным, становились необходимыми в обучении дворянских детей. Светское поведение не ограничивалось знанием норм этикета, оно должно быть естественным и непринужденным, жестко контролирующим собственные эмоции, уверенным и одновременно мягким⁶¹¹.

Однако при Петре I появился и второй вариант значения этого понятия, который до сих пор был обделен вниманием исследователей, в соответствии с которым «цивилизованность» не просто касалась конкретных лиц, но становилась мерилем оценки поведения целых этнических групп⁶¹². Таким образом, употребление понятия *людскость* не просто следовало за употреблением понятия *политичный*. Прежде всего соответствующее семантическое употребление в российской державе включалось в концептуальное развитие «цивилизованности»

⁶⁰⁶ Bödeker. Menschheit, Humanität, Humanismus. S. 1078; Fisch. Zivilisation, Kultur. S. 679–774. – Польский придворный проповедник Станислав Оржеховский (1513–1566) в 1553 году писал, что *humanitas* был введен в Польшу итальянской принцессой Боной Сфорцей, которая в 1518 году вышла замуж за польского короля и великого князя Литовского. Оригинал был составлен на латыни, некий Н. Попов цитировал его по-польски как *ludzkość* в составленной им биографии из истории XIX века «Королева Варвара», посвященной русскому историку С. М. Соловьеву, в то время как М. Н. Катков перевел его на русский как *людскость* для «Русского вестника» в 1857 году. Попов. Королева Варвара. С. 128. – Я благодарю Д. Сдвижкова за эту находку и его исследование, которое позволяет непосредственно проследить трансфер базовых понятий через Польшу, даже если трансфер начался на столетие раньше.

⁶⁰⁷ Fisch. Zivilisation, Kultur. S. 716.

⁶⁰⁸ Bödeker. Menschheit, Humanität, Humanismus. S. 1074–1077; Fisch. Zivilisation. S. 697–716; Boer. Civilization. P. 53 f.

⁶⁰⁹ О политизации концепции *humanité* см.: Bödeker. Menschheit, Humanität, Humanismus. S. 1076.

⁶¹⁰ Словарь русского языка XVIII века. Т. 12 (2001). С. 21.

⁶¹¹ Беличенко. Тема детства в русской мемуаристике. – Русский историк конца XVIII века М. М. Щербатов также рассматривал *людскость* как центральное понятие петровских усилий по самоцивилизации российского государства: «Петр Великий <...> старался ввести и таковую людскость, сообщение и великолепие... <...> Среди нужных установлений законодательства, учреждения войск и артиллерии, не меньше он прилагал намерения ему грубые, древние нравы смягчить». Щербатов. О повреждении нравов в России. С. 219–220 (написано в 1786 или 1787). Я благодарю Дэвида Фиста за данное указание.

⁶¹² Ниже приведены подробные свидетельства.

в том виде, в котором оно распространилось по всему миру в XVIII веке. Недавние исследования показывают, что на межнациональном уровне отмечается и устанавливается тесная связь между стремлением к индивидуальной цивилизованности, понимаемой как эмоциональный самоконтроль, самообладание и культивирование тонких чувств, и желание коллективной цивилизованности. Последнему приписывалась способность к светскому обхождению («обходительность»), нередко связываемая с правом или даже обязанностью вести в этом направлении другие общества и этнические группы, еще не достигшие этого состояния⁶¹³.

Употребление понятия *людскость* в трансиндивидуальном, коллективном смысле встречается уже в полемическом сочинении о легитимности войны против шведов, отредактированном царем и изданном Шафировым в 1717 году. В нем Шафиров пишет, что шведы вели войну «не по традиции политических народов», а «со всякою суровостью, не людскостью»⁶¹⁴. Безусловно, здесь Шафиров в целом противопоставляет (цивилизованную) российскую державу королевству Швеция, которое вело себя нецивилизованно, в то время как о внутрироссийской имперской трактовке еще не могло быть и речи. И все же с расширением масштабов «цивилизованности» от индивида до целых этнических групп или государства уже в Петровскую эпоху были заложены основы семантики, которые в течение XVIII века внутри российской элиты превратили *людскость* в центральное понятие имперских, а также колониальных дискурсов и практик цивилизования нехристианских этнических групп на Юге и Востоке⁶¹⁵.

Для оренбургского губернатора И. И. Неплюева, воспитанника Петра I, который жаловался в Коллегию иностранных дел на отсталость казахов в отношении политического устройства, наказаний и установления законности, справедливости и правосудия, *людскость* превратилась в (достигнутое россиянами) состояние, к которому казахи должны быть приведены: «Когда все они к людскости приобыкнут», пишет Неплюев, они с помощью правильного отправления правосудия также смогут положить конец «своевольству народа»⁶¹⁶.

В то время как использование Неплюевым понятия *людскость* выявило представление о цивилизованности, которое было прежде всего государственным концептуально и ставило на первый план функциональную эффективность государства, семантика этого понятия расширилась при ближайших преемниках Неплюева. Генерал-майор Алексей Тевкелев, работавший в свое время переводчиком у Петра I, и коллежский советник Петр Рычков, временно занимавший пост оренбургского губернатора вместе с Тевкелевым, в 1759 году описали для Коллегии иностранных дел, каким образом казахов Младшего жуза можно окончательно привести в российское подданство и повиновение. При этом чиновники ссылались на опыт, который российская держава, по их мнению, приобрела в результате предыдущего подчинения и цивилизования башкир:

Хотя и самое многотрудное дело, чтоб в целом народе переменить национальной нрав и застарелые общности, но в рассуждении управления новоподданных народов, какие б они и были, существенная польза наипаче в том состоит, чтоб с самого начала, визнавая их нравы и состояние и употребляя с ними всякую справедливость и умеренность, к тому их

⁶¹³ Pernau u. a. (Ed.). *Civilizing Emotions*. См., в частности, введение Пернау и Йордхайма, содержащееся в антологии (Ebd. P. 1–22), а также Bryson. *From Courtesy to Civility*; Baumgarten, Gosewinkel, Rucht. *Civility*; Chartier. *Civilité*. P. 7–50.

⁶¹⁴ Шафиров. Разсуждение какие законные причины. Предисловие. С. 2.

⁶¹⁵ Предположительно, использование понятия *людскость* как в его внутрироссийском прочтении (с упором на самоцивилизирование), так и в имперско-колониальном значении было ограничено узким кругом российской элиты. Это объясняет, почему этот термин еще отсутствовал в большинстве русско-иностранных словарей XVIII века. См.: Поликарпов. Лексикон трехязычный [1704]; [Weissmann.] *Deutsch-Lateinisch* [1731]; [Hölterhof.] *Rossiiskij Cellarius* [1771]. Термин стал включаться в словари только с конца XVIII века. Подробнее см. об этом ниже.

⁶¹⁶ Донесение оренбургского губернатора И. Неплюева Коллегии ин. дел о взаимоотношениях между джунгарами и казаками // КРО. Т. 1. № 124 (29.07.1745). С. 317–321, здесь с. 319.

направлять и наклонять, чего от них государственной интерес требует. На сие ближайшей пример и доказательство здешний башкирский народ, которого о приведении в людскость и в подданническое послушание с начала подданства их по делам надлежащего учреждения и наблюдения не видно, без чего он от времени до времени, усиливаясь и обогащаясь, по грубому своему состоянию и дикости в великое своеволие приходил. Итак, сделалось, что [народ] токмо ныне в состояние людскости приходить начал, а уже более двухсот лет подданным именуется⁶¹⁷.

Высказывания Неплюева, Тевкелева и Рычкова показывают, что в российской имперской элите утвердилось представление о собственной «мы»-группе, центре державы, как «цивилизованной», а об этнических группах на южной периферии, которые еще предстояло покорить, как о «нецивилизованных». Эта «мы»-группа в центре империи была связана, с одной стороны, с российским государством, с другой стороны, с ее преимущественно русским или российским аккультурированным населением, которому противопоставлялись «дикость» и «грубость» еще не интегрированной, нерусской этнической группы. Кроме того, на основании убежденности в собственном превосходстве созрело желание привести «диких» «Других» в состояние «цивилизованности». Таким образом, к середине XVIII века сформировалось понятийное поле цивилизованности с имперской ориентацией на внутреннюю часть державы.

Из цитаты Тевкелева и Рычкова следует, что дискурс цивилизаторской миссии был направлен отнюдь не только на политическую элиту казахов. Скорее предстояло «переменить национальный нрав [всего казахского народа] и застарелые обычаи». Целью изменения казахов было достижение «состояния людскости», которое в этот момент использовалось как статическое, а не как динамическое понятие. Это, на первый взгляд, отличает его от одновременно возникших во Франции и Англии понятий *civilisation* и *civilization*, которые, являясь неологизмами, с самого начала содержали в себе одновременность процесса и результата⁶¹⁸. И все же уже в работе Тевкелева и Рычкова обнаруживаются первые представления о разной степени цивилизованности, которой достигли нерусские этнические группы на юге, и об изменчивости этих соотношений. Вот что они пишут в последующих разъяснениях:

Впрочем, можно про всех про них донести, что они [казахи]⁶¹⁹ весьма не толь суровы и упруги, как башкиры, и во всем гораздо их понятнее, а особливо между владельцами их и старшинами такие находятся, которые и чрез недавно временные обхождение [с русскими и россиянами] в такое состояние разума пришли, что людскость и довольное рассуждение в них видно, чего в башкирах поныне нет. Одним словом, можно заключить, что они к обхождению гораздо склоннее, нежели башкиры и калмыки⁶²⁰.

Правда, здесь снова упоминается «состояние разума», которое так же, как и «довольное рассуждение», ассоциируется с людскостью. Но различные этнические группы на их «дикий» начальной стадии не описываются как находящиеся в одном и том же состоянии «нецивилизованности». Скорее считается, что они в разной степени способны и склонны к «людскости» и что они в разном темпе продвигаются к цивилизации. Здесь оттенок значения «людскости» в смысле динамического развивающегося понятия цивилизации уже не кажется таким чуждым: история понимается как последовательность необходимых шагов на пути развития. Это

⁶¹⁷ Представление генерал-майора А. Тевкелева и колл. советника П. Рычкова Коллегии иностранных дел о положении в Малом и Среднем Жузах (22.01.1759) // КРО. Т. 1. № 225. С. 571–591, здесь с. 575.

⁶¹⁸ Fisch. Zivilisation, Kultur. S. 717.

⁶¹⁹ В XVIII веке *киргиз-кайсаки* или просто «киргиз» было общим названием царского правительства для казахов.

⁶²⁰ Представление генерал-майора А. Тевкелева и колл. советника П. Рычкова Коллегии иностранных дел о положении в Малом и Среднем Жузах (22.01.1759) // КРО. Т. 1. № 225. С. 571–591, здесь с. 576.

наводит на мысль о «цивилизационной лестнице», где все этнические группы находятся на разных ступенях, соответствующих разной степени «цивилизованности». Таким образом, расширение значения понятия *людскость* происходило параллельно с постепенной темпорализацией понятия «человечность» в Западной Европе⁶²¹. Там начиная с середины XVIII века понятие «человечность» (*Menschheit*) также стало «языковым выражением исторического процесса становления человека», горизонт человеческих ожиданий был «увеличен за счет включения конечной цели человеческого развития во временную протяженность», идея прогресса восторжествовала⁶²².

Это представление о цивилизованности как о процессе, проходящем различные этапы, которые необходимо преодолеть, промелькнуло и в заключительной речи, в которой чиновники Тевкелев и Рыков описывают, как действовать в отношении казахов:

<...> за ханские и салтанские противности и неисполнении всех без изъятия штрафовать и губить весьма не надлежит, ибо и между самыми политичными народами в свете ни одного такого не сыщется, в котором бы воров и злодеев не было, колыми ж паче от киргисцов [казахов], которые до подданства никакой почти людскости не знали, взыскивать сего невозможно⁶²³.

Превосходная степень прилагательного *политичный*, употребление которой демонстрирует здесь тесную семантическую связь с понятием *людскость*, наводит на мысль о существовании в разной степени цивилизованных этнических групп.

Во второй половине XVIII века трансформация понятия *просвещение*, о котором еще будет сказано подробнее, оспаривает уникальность понятия *людскость* как обозначения «цивилизованности». Но даже если с развитием понятия *просвещение*, которое является отглагольным абстрактным существительным и, таким образом, явно динамическим понятием, был положен конец более ранним статическим представлениям, понятие *людскость* с его имперским значением оставалось в употреблении до конца века.

С вступлением на престол Екатерины II образовательные аспекты играли все более значительную роль в семантике цивилизованности/цивилизации. Так, в 1775 году астраханский губернатор П. Н. Кречетников напомнил, что еще в 1763 году Коллегия иностранных дел издала указ обучать заложников из кавказских этнических групп российской азбуке и таким образом «приводить [их] в людскость»⁶²⁴.

Оренбургский губернатор Иван Якоби в 1780 году также связал это понятие с образовательным аспектом. Говоря о казахах, Якоби отметил, что Екатерина II решила построить мечети после того, как увидела, что попытка привить казахам «людскость и лучшее обхождение», обучив казахских заложников русской грамоте и русскому языку, не удалась⁶²⁵. Связь грамотности и образования с «людскостью» не просто отражала дух времени с начала просветительских усилий Екатерины II⁶²⁶. Прежде всего она свидетельствовала о растущем доми-

⁶²¹ Р. Козеллек определил темпорализацию смыслового содержания понятий как существенную характеристику Нового времени. В соответствии с этим увеличение разницы между пространством опыта людей и горизонтом их ожиданий отразилось в том, что понятия приобрели моменты ожидания, которые не были присущи им в прошлом. *Козеллек. Введение // Словарь основных исторических понятий. Т. 1, с. 27–28; Он же. «Пространство опыта» и «Горизонт ожиданий». С. 149–173; Он же. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий. С. 21–33.*

⁶²² Bödeker. Menschheit, Humanität, Humanismus. S. 1081. – О возникновении идеи прогресса в Российской империи: *Brang. Fortschritts glauben in Rußland; Schmidt. Aufstieg und Fall der Fortschrittsidee; Lauer. «Progress» – der russische Fortschritt.*

⁶²³ Представление генерал-майора А. Тевкелева и колл. советника П. Рыкова Коллегии иностранных дел о положении в Малом и Среднем жузах (22.01.1759) // КРО. Т. 1. № 225. С. 571–591, здесь с. 586.

⁶²⁴ Указ издан 08.04.1763. Представление астраханского губернатора П. Кречетникова о Малой Кабарде, с изложением его мнения о политике, по освоению этого края // КабРО. Т. 2. № 220 (24.04.1775). С. 311–317, здесь с. 316.

⁶²⁵ Цитата 1780 года. Здесь цит. по: *Раковский. Якоби Иван Варфоломеевич. См. также: Семенов, Семенова. Губернаторы Оренбургского края. С. 104–110.*

⁶²⁶ *Kusber. Eliten- und Volksbildung.*

нировании параллельно развивающегося понятия «просвещение», семантика которого была сосредоточена на образовательном аспекте.

Наряду с просветительской инициативой как одним из направлений цивилизаторских мер, с 1740-х годов все большую роль играл перевод кочевников к оседлости. Именно на этом аспекте акцентировала внимание Екатерина II при использовании понятия *людскость*, когда в 1770 году отменила все опасения астраханского губернатора Никиты Афанасьевича Бекетова по поводу возможного исхода калмыцких подданных из империи. Скорее императрица верила в эффективность российских мер по заселению, целью которых должно было стать постепенное обучение калмыков «цивилизованности/цивилизации» («чтоб со временем приобучить калмык к вящей людскости»)⁶²⁷.

К концу XVIII века заимствованное французское понятие *civilisation*, а также понятие *просвещение* в имперском контексте окончательно вытеснило понятие *людскость*. С другой стороны, внутрироссийская интерпретация понятия *людскость*, которое понималось как цивилизованное поведение индивида или самоцивилизирование собственного населения, оставалась актуальной в течение еще нескольких десятилетий. В «Новом и полном российско-французско-немецком словаре», составленном по «Словарю Академии Российской» Иваном Андреевичем Геймом (1799), встречается перевод слова *людскость* на французский язык: *la politesse, l'urbanité, le savoir-vivre*, а также на немецкий: «вежливость, благовоспитанность» (*die Höflichkeit, die gute Lebensart*)⁶²⁸. В первом одноязычном словаре русского языка, шеститомном «Словаре Академии Российской», изданном в 1780-х годах княгиней Екатериной Романовной Дашковой, понятие *людскость* применяется уже не в отношении коллективов, а только отдельных людей: «Снисходительное, учтливое отношение в поступках и речах; уважение к другим, благорасположение к подобным себе»⁶²⁹.

Один из последних значительных примеров использования понятия *людскость* встречается в начале XIX века в труде историка Н. М. Карамзина. Под заголовком «О любви к Отечеству и о народной гордости» он писал: «Наша людскость, тон общества, вкус в жизни удивляют иностранцев, приезжающих в российскую державу с ложным понятием о народе, который в начале осьмого-надесять века считался варварским»⁶³⁰.

В употреблении Карамзиным понятия *людскость* (больше) не наблюдается имперский аспект. Скорее это понятие относилось исключительно к начатому Петром I процессу самоцивилизации, который, по его мнению, проходил успешно. Однако его противопоставление «цивилизации» (как фактического состояния российского государства) понятию «варварства» (как состояния державы, предполагаемого иностранцами) уже предвосхитило ту важную роль, которую, особенно в XIX веке, должно было иметь для элиты российской державы понятийное поле с оценочной коннотацией в сочетании с собственной и чужой точкой зрения. Однако для полемики последующих десятилетий понятие *людскость* изжило себя и в связи с усиленной рецепцией западных дискурсов на французском языке было вытеснено понятием *civilisation*, с 1830-х годов – понятиями *гражданственность*, *образованность/образование* и, наконец, *цивилизацией* – русским вариантом приведенного французского термина. С 1860-х годов в употреблении осталось только понятие *цивилизация*⁶³¹.

⁶²⁷ Проект рескрипта к Астраханскому губернатору (30.07.1770) // СИРИО. Т. 97 (1896). С. 113–123, здесь с. 123.

⁶²⁸ [Гейм.] Новый и полный словарь [1799]. – Во французском языке в течение XVII века понятие *politesse* все более вытесняет понятие *civilité*, которое теперь скорее представляется как нечто внешнее. *Fisch. Zivilisation*. S. 734–735.

⁶²⁹ Словарь Академии Российской. Т. 3 [1792]. Ст. 1380.

⁶³⁰ Карамзин. О любви к отечеству и народной гордости [1803]. С. 194.

⁶³¹ Велижев. Цивилизация и средний класс. С. 250–252, 262.

Просвещение

Однако понятийное поле цивилизованности/цивилизации в XVIII веке в русском языке строилось не только на таких неологизмах, как *политичный* и *людскость*, но и включало в себя традиционные понятия, значение которых претерпевало глубокие изменения. В их число входило уже упомянутое понятие *просвещение*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.